

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

И. А. БУНИНА

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

ИЗДАНИЕ Т-ВА А. Ф. МАРКСЪ :: ПЕТРОГРАДЪ

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ЖУРНАЛУ „НИВА“ НА 1915 Г.

С Н Ы.

Въ полѣ было холодно, туманно и вѣтрено, смерклось рано. Еле свѣтили подкрученные фитили лампы въ пустомъ вокзалѣ, и по всему залу третьяго класса, гдѣ на буфетной стойкѣ спалъ подъ тулупомъ сторожъ, рѣзко вѣяло керосиномъ. Я прошелъ въ слѣдующую комнату, но и тамъ было не лучше: медленно постукиваютъ въ полусумракѣ часы, сонно смотрятъ со стѣнъ „правила для грузоотправителей“, на столѣ желтѣетъ прошлогодняя вода въ графинѣ... Не снимая полушубка, я легъ на вытертый плюшевый диванъ и тотчасъ же уснулъ, утомленный тяжелой дорогой подъ дождемъ и снѣгомъ. Спалъ я, какъ мнѣ казалось, долго, но, открывъ глаза, съ тоской увидалъ, что на часахъ всего половина восьмого.

„И прошелъ тотъ день къ вечеру темныхъ осеннихъ ночей“, — вспомнилась мнѣ печальная строка изъ какой-то старой русской книги.

Попрежнему было холодно и тихо, какъ въ мертвецкой, попрежнему чернѣла за окнами тьма... И казалось, что не будетъ конца этому.

Когда часы нерѣшительно, точно раздумывая, пробили девять, гдѣ-то завизжала и гулко хлопнула дверь, а на платформѣ жалобно занялъ звонокъ. Выйдя въ залъ третьяго класса, я увидалъ мѣщанина въ картузѣ и чуйкѣ, который, поставивъ локти на колѣни и положивъ въ ладони голову, неподвижно сидѣлъ на скамьѣ.

— Это поѣздъ вышелъ? — спросилъ я.

Мѣщанинъ встрепенулся и взглянулъ на меня испуганно. Потомъ что-то пробормоталъ и, нахмурившись, быстро пошелъ къ дверямъ на платформу.

— У него жена въ родахъ помираетъ,—сказаль сторожъ, свертывая у буфетной стойки цыгарку изъ газетной бумаги.— У всякаго, значить, свое горе,—прибавиль онъ разсѣяннo и вдругъ, сладко зѣвнувъ, оживленно, съ непонятной злой радостью заговориль:—Вотъ тебѣ и женился на богатой! Второй день мучается, царскія врата отворили—все не помогаетъ. Теперь въ городъ за докторомъ скачетъ, а къ чему, спрашивается?

— Думаешь, не поспѣетъ?

— Никакъ! — отвѣтилъ сторожъ. — Вернется онъ завтра вблизи вечера, а она къ тому времени помретъ. Безпремѣнно помретъ, — прибавиль онъ убѣжденно. — Три раза, говоритъ, на оракуль кидалъ,—кто, молъ, раньше помретъ, я али жена, и три раза выходило одно и то же. Перва... какъ это? „Нечего тебѣ простирать въ даль своихъ намѣреній“, а потомъ и того хуже: „Молись Богу, не пей вина и пива и готовься въ монастырь“... А вчерась, говоритъ, во снѣ видѣль: будто обрили его догола и всѣ зубы вынули...

Онъ, вѣрно, говорилъ бы еще долго, но тутъ тяжело зашумѣль подходящій товарный поѣздъ. Снова завизжала и заныла дверь, показался кондукторъ въ тяжелой мокрой шинели съ оторваннымъ на спинѣ хлястикомъ: за нимъ смазчикъ, съ тусклымъ фонаремъ въ рукахъ... Я ушелъ на платформу.

Тамъ, въ темнотѣ вѣтренной сырой ночи, я долго бродиль мимо дверей вокзала. Медленно текли минуты за минутами,—наконецъ, сотрясая зазвенѣвшія рельсы, передъ платформой загорѣлся своими огромными неморгающими глазами пассажирскій паровозъ. Захвативъ вещи, я направился въ полутемный, теплый и вонючій вагонъ, переполненный спящимъ народомъ, и, уже на ходу поѣзда, нашель свободную скамейку въ углу около двери въ другое отдѣленіе. Въ зыбкомъ сумракѣ вокругъ меня безнорядочно темнѣли фигуры лежащихъ на лавкахъ и на поднятыхъ спинкахъ лавокъ, глухо гудѣль ропоть колесъ, сливаясь съ храпомъ и соннымъ дыханіемъ, и, закрывая глаза, я уже начиналь терять представленіе, въ какую сторону убѣгаетъ поѣздъ. Но прошелъ истопникъ съ кочергой, похожій на негра, и не затвориль возлѣ меня двери. Послышался говоръ, потянуло махоркой... Мѣщанинъ, ѣхавшій въ городъ за докторомъ, лежалъ съ закрытыми глазами, съ угрюмо-сосредоточеннымъ выраженіемъ лица, на четвертой отъ двери скамѣ, а возлѣ двери, въ дымномъ сумракѣ подъ фонаремъ, тѣсною кучкой курили мужики и слушали кого-то, сидѣвшаго напротивъ.

— Да-а, братцы мои,—слышался сквозь гулъ бѣгущаго вагона чей-то голосъ: — да-а. И попадись въ это самое разное счастное село старичокъ-священникъ изъ Епифани. Перевели его, значить, изъ города въ самый что ни на есть бѣдный приходъ, а за что перевели—ниль дюже... Значить, и перевели въ родъ какъ бы за наказаніе... А старичокъ пить-то пилъ, да оказался такой, что лучше и не надо. „Сколько, молъ, отецъ Петръ, за ксины аль за похороны берете?“— „Не я, свѣтъ, беру, а нуждишка! Сколько силы твоей есть...“ И вотъ такъ-то всегда. Перевели его, значить, весной, пробылъ онъ честь-честью лѣто, а осенью и захворай. Годъ, что ли, такіе, али простудился онъ,—лѣто-то, сами знаете, какое было,—только, видимое дѣло, слабѣть сталъ. И вотъ, братцы мои, почуввши такую исторію, вышелъ онъ на Покровъ послѣ обѣдни къ народу — и простился со всѣми: „Должно, говорить, скоро я представляюсь къ Господу Богу, міряне,—простите, ежели согрѣшилъ что...“ И, сказавши такимъ манеромъ, поклонился, значить, народу и ушелъ въ алтарь. А пришедши домой, сѣлъ-было обѣдать, ѣсть не наѣлъ, а только ложкой помутить, всталъ и говорить сторожу, что при ѣмъ замѣсто служки былъ: „Что-й-то, говорить, мнѣ холодно, свѣтъ, и какъ-то скушно, — просто мочи нѣту. Все дочка-покойница вспоминается, все будто ждетъ она меня къ себѣ... Убирай, молъ, со стола—не идетъ мнѣ ѣда на умъ“.— „Напрасно вы такія рѣчи говорите, папаша,—это сторожь-то ему:—напрасно, молъ, убиваетесь. Какіе ваши года? Какая-такая кончина?“— „Нѣтъ, говорить, помру! Только дюже, говоритъ, вездѣ горя много, и ужли никакой тому перемѣны не буде, ужли не дожить мнѣ до ней?...“ А на дворѣ, не хуже теперяшняго, дождь, незгода, и ужъ вечеръ заходитъ. Поглядѣлъ этакъ старичокъ въ окошечко, — „все, говорить, погниетъ въ полѣ“, —махнулъ ручкой и ушелъ къ себѣ въ горницу. А въ горницѣ оправилъ лампадку да и прилегъ на часокъ. То ли онъ спалъ, то ли такъ въ забытѣ лежалъ, — только ужъ и ночь на дворѣ, а онъ все лежитъ да лежитъ...

— Вонъ она, дѣло-то какая!—сказалъ кто-то съ глубокимъ вздохомъ.—На Покровъ, говоришь, вышло-то все это?

— Да вѣдь сказали — на Покровъ! — сумрачно перебилъ сиплымъ голосомъ большой рыжій мужикъ съ злыми глазами, въ рваномъ полушубкѣ, сидѣвшій на краю скамьи противъ рассказчика.

— На Покровъ, на Покровъ,—подтвердилъ рассказчикъ.—Вечеромъ. Ушелъ, говорю, къ себѣ въ горницу и легъ. Да-а... Ушелъ и лежитъ, а на дворѣ темъ, вѣтеръ, и такъ будто

угрѣлся старичокъ на лежаночкѣ насупротивъ лампадки, что никакъ не можетъ подняться, помолиться да лечь какъ слѣдуетъ. Лежу, говоритъ, гляжу на лампадку, чувствую — въ сонѣ клонить, и вдругъ отворяется тихенько-тихенько этакъ дверь — и входитъ ко мнѣ дочь-покойница. „Что такое, думаю, что за притча такая, Господи?“ А она проходитъ прямо ко мнѣ и кладетъ мнѣ руку на руку. Сама вся въ черномъ, а лицо бѣлое-бѣлое да красивое! И этакъ вполголоса: „Встань, говоритъ, батюшка, поди поскорѣе въ церковь“. Я р-разъ съ постели, а ей ужъ нѣту! Что тутъ дѣлать? Посидѣлъ я, посидѣлъ, и что больше сижу, все чуднѣй и страшнѣй мнѣ становится. Вскочилъ, наконецъ того, на ноги, пакинулъ шубенку, — самъ зубъ на зубъ не попадаю, — выбрался въ сѣнцы, нашелъ ключи на стѣнѣ... Темъ, жуть, сѣнцы такъ и гудутъ отъ бури, — нѣтъ, думаю, надо итти! — спѣшу на гору, дохожу до церкви, — глядь, а тамъ огонекъ теплится, ровно бы покойникъ на ночь поставленъ... Оторопѣлъ я опять, однако перекрестился — и на паперть. Насилу ключомъ въ замокъ попалъ, отворяю, наконецъ того, двери — нѣтъ тебѣ никакого покойника, а только горитъ лампадка надъ царскими вратами, и такая жуть вездѣ, что и сказать нельзя! Кто же это, думаю, лампадку зажегъ, что такое буде? Стою ни живъ ни мертвъ, — вдругъ — р-разъ! — отдернулась занавѣсь на царскихъ вратахъ, и растворяются этакъ широко и тихо двери — и выходитъ изъ темени, изъ самаго алтаря, огромный красный кочетъ! Вышелъ, остановился, затрепыхалъ крыльями и какъ закричитъ на всю церкву: ку-ка-ре-ку! Пронѣлъ до трехъ разъ — и пропалъ. И только, значить, пропалъ, выходитъ изъ алтаря другой, — бѣлый, какъ кипень, и запѣлъ еще громче иресьяго! И опять до трехъ разъ... У меня, рассказывалъ священникъ поутру, руки-ноги отнялись въ ту пору, а я все стою и жду, что будетъ дальше, а дальше, немного этакъ годя, выходитъ и третій: черный, какъ головешка, изъ себя сумрачный — только гребешокъ свѣтитъ — и запѣлъ онъ, братцы мои, таково жутко и строго, что опустился я на колѣнки наземъ и говорю этакъ внятно и раздѣльно на всю церкву: „Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его!..“ И только, это, сказалъ я — нѣтъ тебѣ никакихъ кочетовъ, а стоитъ предо мною, замѣсть ихъ, сѣденькій-сѣденькій монашекъ и говоритъ мнѣ тихимъ голосомъ: „Не пужайся, служитель Божій, а объяви всему народу, что, молъ, означаетъ твоя видѣніе. А означаетъ она бо-ольшія дѣла!..“

— Вотъ за это-то вашего брата и чертями-то называютъ, — громко сказалъ мѣщанинъ, открывая глаза и угрожающе на-

хмуриваясь.—Ночь, скука, а онъ ишь какія суевѣрія сидить-разводить! Ты къ чему все это гнешь-то, а?

— Да вѣдь я ничего плохого,—несмѣло пробормоталъ разсказчикъ.

— Позволь,—ты откуда взялъ-то все это?

— Какъ откуда? Самъ священникъ, говорятъ, рассказывалъ.

— Священникъ энтотъ померъ,—перебилъ мѣщанинъ.

— Это вѣрно, вѣрно... померъ... вскорости и померъ...

— Ну, значить, и бренуть на него, что въ голову влѣзеть. Вѣдь это сновидѣнїе, дуби-ина!

— Да я-то про что жъ? Извѣстно, сновидѣнїе. Ночь-то — годъ...

— Ну и молчи, — опять перебилъ мѣщанинъ, укладывая голову на чуйку. — Да и курить-то пора бросить: вѣдь ужъ день скоро, а вы ишь надымили—овинъ чистый!

— Въ первый классъ иди, коли не ндравится,—сипло и зло сказалъ рыжій мужикъ.

— Побреши еще!

— Бренуть собаки да твои свояки.

Мѣщанинъ быстро поднялъ голову съ чуйки и какъ будто даже съ радостнымъ изумленїемъ раскрылъ глаза.

— Ну, смо-отри! — сказалъ онъ, покачивая головою. — Смотри, какъ бы я не потолковалъ съ тобой посурьезнѣй.

— Ужли побьешь? — съ радостной злобой спросилъ и рыжій мужикъ, оборачиваясь къ мѣщанину и глядя на него веселыми глазами.

— А ты что жъ, сукинъ сынъ, думаешь, на васъ теперь и управы нѣту?

— Не суйся, носъ сшибешь!

— Буде, буде, ребята! — закричали мужики, заволновавшись.

Бранившіеся смолкли, и въ вагонѣ на время наступила тишина. Потомъ мѣщанинъ вздохнулъ и снова положилъ голову на чуйку.

— Ну и стерва, прости Ты меня, Господи! — задумчиво и серьезно сказалъ онъ такимъ тономъ, точно былъ въ вагонѣ одинъ.

И опять наступила тишина, нарушаемая только глухимъ говоромъ колесъ, храпомъ и ровнымъ дыханїемъ спящихъ.

— А за что ругаться-то? — спросилъ немного погодя разсказчикъ, видя, что бранившіеся угрюмо успокоились.—Кто первый началъ-то? Вѣдь ты! Мы балакали промежъ себя...

— Чо-орты! — отвѣтилъ мѣщанинъ поспѣшно, и въ голосѣ

его дрогнула страдальческая нота. — Вѣдь ночь, скука, а у меня, можетъ, жена и дите помирають. Пойми!

— Горя-то и у другихъ не мѣнѣ твоего,—отвѣтилъ рыжій мужикъ.

— Не мѣнѣ!—передразнилъ мѣщанинъ.—Я, можетъ, тысячи не пожалѣлъ бы теперь на доктора, а онъ за сто верстъ, а дорога—ни проходу ни проѣзду, а ночь—хоть глазъ выколи! Вчерась измаялся, ткнулся въ чемъ былъ на постель и вижу—будто обрили меня догола и всѣ зубы вынули! Пойми—сладко?

— Ага!—сказалъ рыжій мужикъ. — Спокайся! Повѣришь! А то—сновидѣнїе!

— До Туровки кто имѣетъ билеты?—прокричалъ кондукторъ, проходя по вагону.—Билеты до Туровки кто имѣетъ?

И, освѣтивъ фонаремъ чьи-то ноги, крѣпко хлопнулъ возлѣ меня дверь.

Поднявшись съ мѣста, я снова отворилъ ее и сталъ на порогъ. Но разговоръ между мѣщаниномъ и мужиками уже прекратился. Мѣщанинъ лежалъ лицомъ къ спинкѣ дивана, а рыжій мужикъ, какъ бы забывъ о его существованіи, сидѣлъ со спокойно сдвинутыми бровями и говорилъ тому, который рассказывалъ:

— Ну, ну, доказывай дальше.

Нѣсколько полушубковъ стѣснилось вокругъ рассказчика, нѣсколько серьезныхъ глазъ блестяло въ дымномъ сумракѣ глухо гудящаго и бѣгущаго вагона. Рассказчикъ вздохнулъ и уже хотѣлъ было начать говорить, но въ это время рыжій поднялъ на меня глаза и сипло сказалъ:

— А тебѣ, господинъ, что надо?

— Послушать хотѣлъ,—отвѣтилъ я.

— Не господское это дѣло мужицкія побаски слушать.

Я возвратился на свое мѣсто и посмотрѣлъ на часы. Было уже поздно. Долгая дорога въ полѣ, иодъ дождемъ и снѣгомъ, долгій вечеръ на станціи, полутемный вонючій вагонъ, безконечная осенняя ночь, мрачные вѣщіе сны, порожденные ею... Но эти сны такъ шли къ этой ночи и такъ жадно хотѣлось слушать ихъ!

— Да-а, братцы мои,—снова заговорилъ рассказчикъ прежнимъ тономъ, какъ только я отошелъ,—и стоитъ, значить, иередъ нимъ сѣденькій-сѣденькій монашекъ и говоритъ ему тихимъ голосомъ: „Не нужайся, молъ, служитель Божій, а слушай и объяви народу, что, молъ, означаетъ твоя видѣнїе. А означаетъ она...“

Но, начавъ громко, рассказчикъ мало-по-малу сталъ по-

нижать голосъ и послѣднія слова проговорилъ уже полушопотомъ. Тщетно я вслушивался — все тонуло въ ронотѣ колесъ и въ тяжкомъ храпѣ спящихъ. Заслышавъ сквозь этотъ ропотъ далекій заунывный свистокъ паровоза, возвращавшій о станціи, съ лавки возлѣ меня послѣшно вскочилъ юнкеръ въ очкахъ, оглянулся вокругъ странными глазами и, быстро опустившись на скамью и облокотившись на свой сундучокъ, тотчасъ же снова заснулъ. Какая-то пожилая женщина въ темномъ ситцевомъ платьѣ, спавшая съ ребенкомъ у раскрытой груди, поднялась, болѣзненно морщась, и поплелась въ сѣни. Фигуры лежащихъ, мѣшки, сундуки и полушубки составляли грубую и печальную картину, которая раскачивалась передо мною. Мужикъ, рассказывавшій про пѣтуховъ, сидѣлъ, подавшись къ рыжему, и что-то негромко, но горячо говорилъ, но, когда я настораживался, чтобы разслышать, что онъ говоритъ, изъ дымнаго сумрака противъ меня только блестѣли загадочно-серьезные и злые глаза.

1903 г.

ЗОЛОТОЕ ДНО.

I.

Тишина—и заустѣніе. Не оскудѣніе, а заустѣніе...

Не слѣша бѣгутъ лошади среди зеленыхъ холмистыхъ полей; ласково вѣтъ навстрѣчу вѣтеръ, и убаюкивающе звенятъ трели жаворонковъ, сливаясь съ однообразнымъ топотомъ копытъ. Вотъ съ одного изъ косогоровъ еще разъ показалась далеко на горизонтѣ низкимъ синѣющимъ силуэтомъ станція. Но, обернувшись черезъ минуту, я уже не вижу ея. Теперь вокругъ тарантаса — только пары, хлѣба и лошадки съ дубовымъ кустарникомъ...

— Ну, что новенькаго, Корней? — спрашиваю я кучера, молодого загорѣлаго мужика съ умными, слегка прищуренными глазами.

— Новенькаго? — сдержанно отвѣчаетъ Корней, не оборачиваясь. — Новаго у насъ ничего нѣту.

— Значить, живете по-старому?

— Это правильно. Плохо живемъ...

Не много новаго узнаю я и въ имѣніи сестры, гдѣ я всегда дѣлаю остановку на пути къ Родникамъ. Кажется, что еще годъ тому назадъ усадьба не была такъ ветха. Полы и потолки въ залѣ еще немного покосились и потемнѣли, вѣтви запущеннаго палисадника лѣзутъ въ окна, тесовыя крыши службъ серебрятся и даютъ кое-гдѣ трещины... А по двору, держа въ поводу худого стригуна, запряженнаго въ водовозку, еле бредетъ полуслѣпой и глухой Антипушка, и разохшіяся колеса водовозки порою такъ неистово взвизгиваютъ, что больно слушать.

— Такъ плохо, говоришь, дѣла? — спрашиваю я сестру, которая задумчиво смотреть куда-то въ даль, на косогоры за лугами и рѣчкой.

— Совсѣмъ, совсѣмъ плохи!—послѣбно, какъ будто даже съ удовольствіемъ подтверждаетъ сестра. — Будь капиталъ, еще, можетъ-быть, можно было бы поправиться. Вѣдь земля-то сущее золотое дно. Но банкъ, банкъ!

— Зато тишина-то какая!—говорю я.

— Ужъ этого хоть отбавляй! — съ угрюмой ироніей соглашается племянникъ-студентъ. — Дѣйствительно, тишина, и прескверная, чортъ ее дери, тишина! Въ родѣ высыхающаго пруда. Издали—хоть картину пини. А подойди—затхлостью понесетъ, ибо воды-то въ немъ на вершокъ, а тины—на двѣ сажени, и караси всѣ подохли... Дно-то, дѣйствительно, золотое, только до него самъ чортъ не докопается!

II.

Дорога вьется сперва по перелѣскамъ. Потомъ пропадаетъ въ болышомъ кологривовскомъ заказѣ. Въ прежнее время она далеко обходила его; теперь ѣздить прямо, по двору усадьбы, раскинувшейся по бокамъ лѣснаго оврага своимъ одичавшимъ садомъ и кирпичными службами. Какъ только въ лѣсъ врывается громыханіе бубенчиковъ, изъ усадьбы отвѣчаетъ ему угрюмый лай овчарокъ, ведущихъ свой родъ отъ тѣхъ свирѣпыхъ псовъ, что сторожили когда-то не менѣе свирѣпую и угрюмую жизнь старика Кологривова. Пока тарантасъ, сопровождаемый лаемъ, съ грохотомъ катится по мостикамъ черезъ овраги, смотрю на груды кирпичей, оставшихся отъ сгорѣвшаго дома и потонувшихъ въ бурьянѣ, и думаю о томъ, что сдѣлалъ бы старикъ Кологривовъ, если бы увидѣлъ нахаловъ, скачущихъ по двору его усадьбы! Въ дѣтствѣ я слыхалъ про него поистинѣ ужасы. Одна изъ любовницъ пыталась опохъ его какими-то колдовскими травами, — онъ заточилъ ее своимъ судомъ въ монастырь. Когда объявили волю, онъ „тронулся“, какъ говорили, „въ отдѣлку“ и съ тѣхъ поръ почти никогда не показывался изъ дому. Медленно разоряясь, онъ по ночамъ, дрожа отъ страха, что его убьютъ, сидѣлъ въ палочкѣ съ мощей угоdnика и громко читалъ заговоры, псалмы и покаянныя молитвы собственнаго сочиненія. Осенью однажды его нашли въ моленной мертвымъ...

— Не знаешь, не продали еще?—спрашиваю я Корнея.

— Продали,—отвѣчаетъ онъ.—И продали-то, говорятъ, за трынку! Живетъ тутъ приказчикъ отъ наслѣдниковъ, а ему что жъ? Не свое доброе. Безъ хозяина, извѣстно, и товаръ—сирота. А земля тутъ—прямо золотое дно!

— Хороша?

— Аршинъ чернозему. А лѣсъ-то!

Правда, славный лѣсъ. Горько и свѣжо пахнетъ березами, весело отдается подъ развѣсистыми вѣтвями громыханіе бубенчиковъ, птицы сладко звенятъ въ зеленыхъ чащахъ... На полянахъ, густо заросшихъ высокой травой и цвѣтами, просторно стоятъ столѣтнія березы по двѣ, но три на одномъ корню. Предвечерній золотистый свѣтъ наполняетъ ихъ тѣнистыя вершины. Внизу, между бѣлыми стволами, онъ блеститъ яркими длинными лучами, а на опушкѣ бѣжитъ навстрѣчу тарантасу стальными просвѣтами. Просвѣты эти трепещутъ, сливаются, становятся все шире... И вотъ опять мы въ полѣ, опять вѣетъ сладкимъ ароматомъ зацвѣтающей ржи, и пристяжны на бѣгу хватаютъ пучки сочныхъ стеблей...

— А вонъ и Батурино, — насмѣшливо говоритъ Корней.

И я уже понимаю его.

— Чтò, и тутъ плохо?

— Да ужъ молодые-то уѣхали. А старуха домъ продаетъ. Добилась до послѣдняго.

— А какъ бы заглянуть туда?

— Да скажите, что, молъ, домъ себѣ для Родниковъ присматриваю...

III.

Въ Батурино—это большая деревня, но ужъ извѣстно, чтò такое „барская“ деревня! — въ Батурино тихо. Скучно лоснится на солнцѣ мелкій длинный прудъ желтой глинистой водой; баба возлѣ навозной плотины лѣниво бьетъ валькомъ по мокрому сѣрому холсту... Съ плотины дорога поднимается въ гору мимо батуринаскаго сада. Садъ еще до сихъ поръ густъ и живописенъ, и, какъ на идилическомъ пейзажѣ, стоитъ за нимъ сѣрый большой домъ подъ бурой, ржавой крышей. Но усадьба, усадьба! Цѣлая поэма запустѣнія! Отъ варка остались только стѣны, отъ людской избы — раскрытый остовъ безъ оконъ, и всюду, къ самымъ порогамъ, подступили лопухи и глухая крапива. А на „черномъ“ крыльцѣ стоитъ и въ страхѣ глядитъ на меня слезящимися глазами какая-то старуха. Понявъ изъ моихъ неловкихъ объясненій, что я хочу посмотрѣть домъ, она спѣшитъ предупредить барыню.

— Я доложу-сь, доложу-сь, — бормочетъ она, скрываясь въ темныхъ сѣняхъ.

Больно, должно-быть, Батуриной выходить послѣ такихъ докладовъ! И правда, — когда черезъ нѣсколько минутъ отворяется дверь, я вижу растерянное старческое лицо, виновато-

тую улыбку голубыхъ кроткихъ глазъ... Дѣлаемъ видъ, что мы очень рады другъ другу, что этотъ осмотръ дома — вещь самая обыденная, и Батурина любезнымъ жестомъ приглашаетъ войти, а другой дрожащей рукой старается застегнуть воротъ своей темной кофточки изъ дешевенькаго новаго ситцу.

Бормоча что-то притворное, я вхожу въ переднюю... О, да это совсѣмъ почлежка! Темно, душно, стѣны закончены дымомъ махорки, которую курить бывший староста Батуриныхъ, Дронъ, не покинувшій усадьбу и донинѣ... Направо — дверь въ его каморку, прямо — комната старухъ, скудно освѣщенная окномъ съ двойными рамами, съ радужными отъ старости стеклами...

— Мы вѣдь въ пристройкѣ-съ теперь живемъ, — виновато поясняетъ Батурина. — Вѣдь знаете, какіе года-то пошли, да и теплѣе тутъ зимою...

— Но, можетъ-быть, я беспокою васъ?

Старуха трясетъ головой и смотритъ недоумѣвающе и вопросительно.

— Не беспокою ли я васъ? — говорю я громче.

Разслышавъ, Батурина ниспѣшно улыбается.

— Нѣтъ-съ, нѣтъ-съ, — отвѣчаетъ она съ ласковой снисходительностью. — Пожалуйте-съ.

И отворяетъ дверь въ коридоръ...

Еще мрачнѣе въ этихъ пустыхъ комнатахъ! Первая, въ которую я заглядываю изъ коридора, была когда-то кабинетомъ, а теперь превращена въ кладовую: тамъ ларь съ солью, кадушка съ пшеномъ, какія-то бутылки, позеленѣвшіе подсвѣчники... Въ слѣдующей, бывшей спальнѣ, возвышается пустая и огромная, какъ саркофагъ, кровать... И старуха отстаетъ отъ меня и скрывается въ кладовой, якобы чѣмъ-то озабоченная. А я медленно прохожу въ большой гулкій залъ, гдѣ въ углахъ свалены книги, пыльные акварельные портреты, ножки столовъ... Галка вдругъ срывается съ криво висѣщаго надъ ломбернымъ столикомъ зеркала и налету ныряетъ въ разбитое окно... Вздогнувъ отъ неожиданности, я отступаю къ стеклянной двери на разохшійся балконъ, съ трудомъ отворяю ее — и прикрываю глаза отъ низкаго яркаго солнца. Какой вечеръ! Какъ все цвѣтетъ и зеленѣетъ, обновляясь каждую весну, какъ сладостно журчатъ въ густомъ вишеникѣ, перепутанномъ съ сиренью и шиповникомъ, кроткія горлинки, вѣрные друзья погибающихъ номѣщичьихъ гнѣздъ!

IV.

Вечеръ въ полѣ встрѣчаетъ насъ цѣлымъ архипелагомъ пышныхъ золотисто-лиловыхъ облаковъ на западѣ, необыкновенной нѣжностью и ясностью далей.

— Дядя, дай сѣрничка!—кричитъ одинъ изъ мальчишекъ, стерегущихъ на парахъ лошадей, и, вскочивъ съ межи, бѣгомъ догоняетъ тарантасъ.

Но Корней суровъ и задумчивъ. Онъ съ наслажденіемъ вытягиваетъ мальчишку кнутомъ и сдержанно покрикиваетъ на лошадей.

— О чемъ онъ думаетъ? — думаю я, глядя на его выгнанный на солнцѣ картузь.

И Корней слегка повертывается на облучкѣ и, слѣдя задумчивымъ взглядомъ за мелькающими подковами пристяжной, начинаетъ говорить...

— Всѣмъ не медь,—говоритъ онъ.—Не однимъ господамъ... Хрестыанскій банкъ, молъ, помогаетъ! Да нѣтъ, въ долгъ-то не проживешь! Купятъ мужики сто-двѣсти десятинъ, — конечно, компаніей, не сообразясь съ силой, и запутляются, и поровятъ слопать другъ друга. А пойдутъ свары—дѣло и совсѣмъ изгадится, и хоть на переметь съ обрывкомъ лѣзы!

— Однако,—говорю я, —крупныхъ-то господъ осталось три-четыре на уѣздъ,—значить, расходится земля по народу.

— По городскимъ купчишкамъ да лавошникамъ,—поправляетъ Корней. — По нимъ, а не по народу... И опять же земля безъ настоящаго хозяина остается: имъ вѣдь только бы купить, благо дешево, а жить-то они вѣдь тутъ не станутъ! Ну, вотъ ихъ-то, чертей, и зажать бы въ тѣсномъ мѣстѣ!

— Слѣдовало бы?

Но Корней отводитъ глаза въ сторону.

— Попоить пора, — говоритъ онъ дѣловымъ тономъ.

— На Ворглѣ попоимъ.

— Ну, на Ворглѣ, такъ на Ворглѣ... Эй, не рано!

Свѣтъ, и блескъ вечера меркнутъ. Меланхолично засинѣли поля, далеко-далеко на горизонтѣ уходитъ за черту земли огромнымъ мутно-малиновымъ шаромъ солнце. И что-то старо-русское есть въ этой печальной картинѣ, въ этой синѣющей дали съ мутно-малиновымъ щитомъ. Вотъ онъ еще болѣе потускнѣлъ, вотъ отъ него остался только сегментъ, потомъ — дрожащая огневая полоска... Быстро падаетъ синеватый сумракъ лѣтней ночи, точно кто незримо сѣетъ его; въ лужкахъ уже холодно, какъ въ погребѣ, и рѣзко пахнетъ росистой зеленью, — только изрѣдка повѣваетъ откуда-

то тепломъ... Въ сумракѣ мелькають придорожныя лозинки, и на нихъ, нахохлившись, спятъ вѣроны... А на востокѣ медленно показывается большая голова блѣднаго мѣсяца.

Какъ печальны кажутся въ это время темныя деревушки, мертвую тишину которыхъ будить звукъ рессоръ и бубенчиковъ! Какъ глуха и пустынна кажется старая большая дорога, давно забытая и невѣженная! Слава Богу, хоть мѣсяцъ всходить! Все веселѣе...

V.

Ворголь — нежилой хуторъ покойной тетки, степная деревушка на мѣстѣ снесенной дѣдовской усадьбы и большого села, три четверти котораго ушло въ Сибирь, на новыя мѣста. Дорога долго идетъ подъ изволокъ; когда уже становится совсѣмъ свѣтло отъ мѣсяца, тарантасъ шибко подкатываетъ по густой росистой травѣ къ одинокому флигелю на скатѣ котловины среди косогоровъ. Звонъ бубенчиковъ замираетъ, и насъ охватываетъ гробовое молчаніе.

— Ужъ и глухо же тутъ! — говоритъ Корней, слѣзая съ козель, и голосъ его странно звучитъ возлѣ пустыхъ стѣнъ. — Посидите тутъ на крылечкѣ, а я лошадей поною и овсеца имъ кину.

И медленно отводитъ громыхающихъ бубенчиками лошадей подъ гору, къ колодцу. А я поднимаюсь на деревянное крыльцо флигеля и сажусь на ступеньку...

Но жутко здѣсь, въ этой котловинѣ, со всѣхъ сторонъ замкнутой холмами, спускающимися къ пересохшему руслу Воргла, и блѣдно освѣщенной невѣрнымъ мѣсячнымъ свѣтомъ! Пустой широкой дворъ переходитъ въ мужицкій выгонъ, а за выгономъ чернѣетъ семь приземистыхъ избушекъ, глубоко затаившихъ въ себя свою ночную жизнь...

— Корней, — говорю я, какъ только Корней показывается съ лошадьми изъ-подъ горы: — надо ѣхать! Поѣдемъ шажкомъ, а ужъ покормимъ дома.

Корней останавливается.

— Ай соскучились?

— Соскучился. Ну его къ чорту... Ёдемъ.

— Это еще милость, — говоритъ Корней насмѣшливо. — Вы бы осенью али зимой заѣхали!

— И какъ вы только живете тутъ!

Корней завертываетъ цыгарку, глядя въ землю, и долго молчитъ. Потомъ сдержанно отвѣчаетъ:

— Живемъ пока...

— То-есть какъ „пока“? А потомъ-то что жъ?

— Потомъ — что Богъ дастъ. Все что-нибудь да будетъ...

— Что же?

— Да что-нибудь будетъ... Не вѣкъ же тутъ сидѣть, чер-
тямъ оборки вить! Разойдется народъ по другимъ мѣстамъ, либо
еще какъ...

— А какъ?

При свѣтѣ мѣсяца ясно видно лицо Корнея, но, опуская
голову, онъ сдвигаетъ брови и отводитъ глаза въ сторону.

— Какъ иначе-то?

— Тамъ видно будетъ, — отвѣчаетъ Корней уже совсѣмъ
хмуро. — Поѣдемте, баринъ, не рано!

И молча лѣзетъ на козлы.

1903 г.

СЧАСТЬЕ.

I.

На закатѣ шелъ дождь, шумя по саду вокругъ дома, и въ незакрытую форточку въ залѣ тянуло сладкой свѣжестью мокрой майской зелени. Громъ грохоталъ надъ крышей, гулко разрастаясь, когда красноватая молнія мелькала по залу, отъ нависавшихъ тучъ темнѣло, и трудно было понять, дѣйствительно наступаютъ сумерки, или это только такъ кажется. Потомъ пріѣхали съ поля въ мокрыхъ чекменяхъ работники и стали распрягать у сарая грязныя сохи, потомъ пригнали стадо, наполнившее всю усадьбу блеяньемъ ягнятъ. Бабы бѣгали по двору за овцами, подоткнувъ подолы и блестя бѣлыми босыми ногами по травѣ; пастушонокъ въ огромной шапкѣ и растрепанныхъ лаптяхъ гонялся по саду за коровой и съ головой пропадалъ въ облитыхъ дождемъ лопухахъ, когда корова съ шумомъ кидалась въ чашу... Наступала ночь, дождь пересталъ, но отецъ, ушедшій въ поле еще утромъ, все не возвращался.

Я была одна дома, но не скучала; я еще не успѣла насладиться ни своею ролью хозяйки, ни свободой послѣ гимназіи. Братъ Паша учился въ корпусѣ, Аня, вышедшая замужъ еще при жизни мамы, жила въ Курскѣ. Мы съ сестрами провели мою первую деревенскую зиму въ уединеніи. Однако зима прошла не скучно. Я была здорова и красива, нравилась самой себѣ... нравилась даже за то, что мнѣ легѣе бѣгать, работать что-нибудь по дому или отдавать какое-нибудь приказаніе. За работой я напѣвала какіе-то собственные мотивы, которые меня трогали. Увидавъ себя въ зеркалѣ, я невольно улыбалась... И, кажется, все было мнѣ къ лицу, хотя одѣвалась я просто.

Какъ только дождь прошелъ, я накинула на плечи пальто и,

подхвативъ юбки, побѣжала къ варку, гдѣ бабы доили коровъ. Нѣсколько капель упало съ неба на мою открытую голову, но легкія неопредѣленные облака, высоко стоявшія надъ дворомъ, уже расходились, и на дворѣ рѣялъ странный, блѣдный полусвѣтъ, какъ всегда бываетъ у насъ въ майскія ночи. Свѣжесть мокрыхъ травъ доносилась съ поля, мѣшаясь съ запахомъ дыма изъ топившейся людской. На минуту я заглянула туда,—работники, молодые мужики въ бѣлыхъ замаханныхъ рубахахъ, сидѣли вокругъ большого стола за чашкой похлебки и при моемъ появленіи встали, а я подошла къ столу и, улыбаясь надъ тѣмъ, что я бѣжала и запыхалась, сказала:

— А папа гдѣ? Онъ былъ въ полѣ?

— Они были не надолго и уѣхали, — отвѣтило мнѣ нѣсколько голосовъ сразу.

— На чемъ?—спросила я.

— На дрожкахъ, съ барчукомъ Сиверсомъ.

— Развѣ онъ пріѣхалъ?—чуть не сказала я, пораженная этимъ неожиданнымъ пріѣздомъ, но, во-время спохватившись, только кивнула головой и поскорѣй вышла.

Сиверсъ, кончивъ Петровскую академію, отбывалъ тогда воинскую повинность. Меня еще въ дѣтствѣ называли его невѣстой,—мы были сосѣди,—и въ дѣтствѣ онъ не нравился мнѣ за это. Но потомъ мнѣ уже нерѣдко думалось о немъ, какъ о женихѣ; а когда онъ, уѣзжая въ августѣ въ полкъ, приходилъ къ намъ въ солдатской блузѣ съ погонами и, какъ всѣ вольноопредѣляющіеся, съ удовольствіемъ рассказывалъ о „словесности“ фельдфебеля-малоросса, я начала свыкаться съ странной мыслью, что буду его женой. Веселый, загорѣлый—рѣзко бѣлѣла у него только половина лба—онъ былъ очень милъ мнѣ тогда.

„Значить, онъ взялъ отпускъ“,—взволнованно думала я, и мнѣ было и пріятно, что онъ пріѣхалъ, очевидно, для меня, и жутко. Я торопилась въ домъ приготовить отцу ужинъ, но, когда я вошла въ лакейскую, отецъ уже ходилъ по залу, стуча сапогами. Почему-то я необыкновенно обрадовалась ему и крѣпко поцѣловала его лѣвую руку. Шляпа у него была сдвинута на затылокъ, борода растрепана, длинные сапоги и чесучевый пиджакъ закиданы грязью, но онъ показался мнѣ въ эту минуту олицетвореніемъ мужской красоты и силы.

— Чтò жъ ты въ темнотѣ?—спросила я.

— Да я, Натѣта,—отвѣтилъ онъ, называя меня, какъ въ дѣтствѣ,—сейчасъ лягу и ужинать не буду. Усталъ ужасно,

и притомъ, знаешь, который часъ? Почти десять. Развѣ стаканъ молока,—прибавилъ онъ разсѣянно.

Я потянулась къ лампѣ, но онъ замахалъ головою, и, разглядывая стаканъ на свѣтъ, нѣтъ ли мухи, выпилъ молоко медленными глотками. Соловьи уже нѣли въ саду, и въ тѣ три окна, что были на сѣверо-западъ, виднѣлось далекое свѣтло-зеленое небо надъ лиловыми весенними тучками нѣжныхъ и красивыхъ очертаній. Все было неопредѣленно и на землѣ и въ небѣ, все смягчено легкимъ сумракомъ ночи, и все можно было разглядѣть въ полусвѣтѣ непогасавшей зари. Я спокойно отвѣчала отцу на вопросы по хозяйству, но, когда онъ внезапно сказалъ, что завтра къ намъ придетъ Сиверсъ, я почувствовала, что краснѣю.

— Зачѣмъ?—пробормотала я.

— Свататься за тебя,—отвѣтилъ отецъ съ принужденной улыбкой.—Мы уже пропили тебя. Что жъ, малый красивый, умный, будетъ хорошій хозяинъ... Чѣмъ вамъ не пара, сударыня?

— Не говори такъ, папочка!—сказала я, и на глазахъ у меня навернулись слезы.

Отецъ долго глядѣлъ на меня.

— Ну, до этого еще далеко!—проговорилъ онъ, подымаясь.

И, поцѣловавъ меня въ лобъ, быстро пошелъ къ дверямъ кабинета.

— Утро вечера мудренѣе,—прибавилъ онъ, оборачиваясь въ дверяхъ.—Просыпайся завтра пораньше, мнѣ на станцію надо съѣздить...

II.

Сонныя мухи, потревоженные нашимъ разговоромъ, тихо гудѣли на потолокѣ, мало-по-малу задремывая, часы зашипѣли и звонко и печально прокуковали одиннадцать,—позднее время для деревенской усадьбы...

— Ну, до этого еще далеко!—пришли мнѣ въ голову успокоительныя слова отца, и опять мнѣ стало легко и какъ-то счастливо-грустно...

Отецъ спалъ,—въ кабинетѣ было давно тихо, и все въ усадьбѣ тоже спало. И что-то блаженное было въ тишинѣ ночи послѣ дождя и старательномъ выщелкиваніи соловьевъ, что-то неувовимо-прекрасное рѣяло въ далекомъ полусвѣтѣ зари. Стараясь не шумѣть, я стала осторожно убирать со стола, переходя на цыпочкахъ изъ комнаты въ комнату, поставила въ холодную печку въ прихожей молоко, медъ и масло, прикрыла чайный сервизъ салфеткой и прошла въ

свою спальню. Это не разлучало меня съ соловьями и зарей. Ставни въ моей комнатѣ были закрыты, но комната моя была рядомъ съ гостиной, и въ отворенную дверь, черезъ гостиную, я видѣла полусвѣтъ въ залѣ, а соловьи были слышны во всемъ домѣ. Распустивъ волосы, я долго сидѣла на постели, все собиравъ что-то рѣшить, потомъ закрыла глаза, облокотясь на подушку, и внезапно заснула. Кто-то явственно сказалъ вдругъ надо мною: „Сиверсъ!“—и, вздрогнувъ, я очнулась.

Откинувъ одѣяло, я быстро подколола волосы, осторожно сняла ботинки, стараясь не стукнуть ими, потомъ стала раздѣваться... И вдругъ мысль о мужѣ сладкимъ холодомъ пробѣжала по всему моему тѣлу, краска стыда залила мнѣ лицо...

Я лежала долго, безъ мыслей, точно въ забытьѣ... Потомъ стало представляться, что я одна во всей усадьбѣ, уже замужняя, и что вотъ въ такую же ночь мужъ вернется когда-нибудь изъ города, войдетъ въ домъ и неслышно сниметъ въ прихожей пальто, а я предупрежу его—и тоже неслышно появлюсь на порогѣ спальни... Какъ радостно подниметъ онъ меня, полураздѣтую, на руки! И мнѣ уже стало казаться, что я люблю. Сиверса я знала тогда мало; мужчина, съ которымъ я мысленно проводила эту самую нѣжную ночь моей первой любви, былъ не похожъ на него, и все-таки мнѣ казалось, что я думаю о Сиверсѣ. Я почти годъ не видала его, а ночь дѣлала его образъ еще болѣе неопредѣленнымъ, красивымъ и желаннымъ. Было тихо, темно; я лежала, не двигаясь, и все болѣе теряла чувство дѣйствительности. „Что жъ,—красивый, умный...“ И, улыбаясь, я глядѣла въ темноту закрытыхъ глазъ, гдѣ плавали какія-то свѣтлыя пятна и лица. „Милый!“—повторила я нѣсколько разъ.

А межъ тѣмъ чувствовалось, что наступилъ глубокой часъ ночи. „Если бы Маша была дома, — подумала я про свою горничную,—и бы пошла сейчасъ къ ней, и мы проговорили бы до разсвѣта... Но нѣтъ,—опять подумала я:—одной лучше... Я возьму ее къ себѣ, когда выйду замужъ...“ Что-то робко треснуло въ залѣ. Я насторожилась. Какъ хорошо, что такъ жутко и такъ странно все! И когда я наконецъ открыла глаза, мнѣ показалось, что въ залѣ стало темнѣе. И все вокругъ меня и во мнѣ самой уже измѣнилось и жило иной жизнью,—особой ночной жизнью, которая непонятна утромъ. Соловьи умолкли, — медленно шелкалъ только одинъ, жившій въ эту весну у балкона, маятникъ въ залѣ тикалъ осторожно и размѣренно-точно, а тишина въ домѣ стала напряженной. И, прислушиваясь къ каждому шороху, я приподнялась на постели и почувствовала себя въ полной

власти этого таинственного часа, созданного для поцѣлуевъ, для воровскихъ объятій, и самыя невѣроятныя предположенія и ожиданія стали казаться мнѣ вполнѣ естественными. Я вдругъ вспомнила шутилиое обѣщаніе Сиверса прійти какъ-нибудь ночью въ нашъ садъ на свиданіе со мной... А что, если онъ не шутилъ? Что, если онъ медленно и неслышно подойдетъ къ балкону?

— Боже мой,—подумала я съ восторгомъ: — жизнь можно отдать за такое счастье!

Облокотившись на подушку, я пристально смотрѣла въ зыбкій сумракъ гостиной и переживала въ воображеніи все, что я сказала бы ему едва слышнымъ шопотомъ, отворяя дверь балкона, сладостно теряя волю и позволяя увести себя по сырому песку аллеи въ глубину мокраго, душистаго сада... Сколько разъ я мечтала въ молодости о такихъ свиданіяхъ, начитавшись стиховъ плохихъ поэтовъ, воспѣвающихъ соловьевъ и свиданія, и какъ странно, что за всю молодость я пережила только одно это, вымышленное свиданіе!

III.

Подавляя внутреннюю дрожь, я стала одѣваться... Куда? Къ нему, — отвѣчала я себѣ твердо. Въ августъ, въ жаркую темную ночь, я вотъ такъ же не спала, а онъ бродилъ по деревнѣ и всю ночь пѣлъ гдѣ-то далеко казацкія пѣсни. Развѣ это не можетъ повториться? И, помню, никакого стыда у меня не было, когда я собиралась. Зубы у меня изрѣдка стучали, лицо горѣло, но я одѣвалась тщательно, нашла въ темнотѣ все, что нужно, накинула шаль на плечи и, выйдя въ гостиную, съ бьющимся сердцемъ остановилась у двери на балконъ. Потомъ, убѣдившись, что въ домѣ не слышно ни звука, кромѣ мѣрнаго тиканья часовъ и соловьиного эхо, сильно и безшумно повернула ключъ въ замкъ. И тотчасъ же соловьиное щелканье, отдававшееся по саду, стало слышнѣе, напряженная тишина исчезла—и грудь свободно вздохнула душистой сыростью ночи.

По длинной аллеѣ молодыхъ березокъ, по мокрому песку дорожки я быстро шла въ полусвѣтѣ зари, затемненной тучами на сѣверѣ, къ гущѣ въ концѣ сада, гдѣ была сиреневая бесѣдка среди тополей и осинъ. Было такъ тихо, что слышно было рѣдкое паденіе капель съ нависшихъ вѣтвей. Все дремало, наслаждаясь своей дремотой, только соловей томился своей сладкой пѣсней. Въ каждой тѣни мнѣ чудилась человѣческая фигура, сердце у меня поминутно замирало, и когда я наконецъ вошла въ темноту бесѣдки и на

меня пахнуло ея теплотой, я была почти увѣрена, что кто-то тотчасъ же неслышно и крѣпко обниметъ меня!

Никого однако не было, и я стояла, дрожа отъ волненія и вслушиваясь въ мелкій сонный лепетъ осинъ... Потомъ сѣла на сырую скамью... Я еще чего-то ждала, порою быстро взглядывала въ сумракъ разсвѣта... И еще долго близкое и неуловимое вѣяніе счастья чувствовалось вокругъ меня,—то страшное и большое, что въ тотъ или иной моментъ встрѣчаетъ почти всѣхъ насъ на порогѣ жизни. Оно вдругъ коснулось меня—и, можетъ-быть, сдѣлало именно то, что нужно было сдѣлать: коснуться и уйти. Помню, что всѣ тѣ нѣжныя слова, которыя раздавались въ моей душѣ и къ которымъ я прислушивалась, вызвали наконецъ на мои глаза слезы. Прислонясь къ стволу сырого тополя, я ловила, какъ, чье-то утѣшеніе, слабо возникающій и замирающій лепетъ листьевъ и была почти счастлива своими беззвучными слезами...

Я прослѣдила весь сокровенный переходъ ночи въ разсвѣтъ. Я видѣла, какъ сумракъ сталъ блѣднѣть, какъ заалѣло непогожее бѣлесое облачко на сѣверѣ, сквозившее сквозь вишенникъ въ отдаленіи. Свѣжѣло, я крѣпче куталась въ шаль, а въ свѣтлѣющемъ просторѣ неба, который на глазахъ дѣлался все больше и глубже, дрожа, вставала чистая, какъ слеза, яркая Венера. Я ни о комъ уже не думала, но кого-то еще любила, и любовь моя была во всемъ: въ холодѣ и въ ароматѣ утра, въ свѣжести зеленаго сада, въ этой утренней звѣздѣ... Но вотъ послышался рѣзкій визгъ водовозки — мимо сада, на рѣчку... Потомъ на дворѣ кто-то крикнулъ сильнымъ, утреннимъ голосомъ... Я выскользнула изъ бесѣдки, быстро дошла до балкона, легко и безшумно отворила дверь и, войдя въ теплую темноту своей спальни, не раздѣваясь, сжалась на постели.

Сиверсъ утромъ стрѣлялъ въ нашемъ саду галокъ, а мнѣ казалось, что въ домъ вошелъ пастухъ и хлопаетъ большимъ кнутомъ. Но это не мѣшало мнѣ спать крѣпко, крѣпко. Когда же я очнулась, въ залѣ раздавались голоса и гремѣли тарелками. Потомъ Сиверсъ подошелъ къ моимъ дверямъ и весело крикнулъ мнѣ:

— Наталья Алексѣевна! Стыдно! Заспались!

А мнѣ и правда было стыдно, — стыдно выйти къ нему, стыдно, что я откажу ему, — теперь я знала это уже твердо, — и, торопясь одѣться и поглядывая въ зеркало на свое поблѣднѣвшее лицо, я что-то шутливо и привѣтливо крикнула въ отвѣтъ, но такъ слабо, что онъ, вѣрно, не слышалъ.

СОНЪ ОБЛОМОВА-ВНУКА.

Илѣ девять лѣтъ. На немъ гимназическій картузь, шелковая коричневая косоворотка, козловые сапожки съ сафьяновымъ ободкомъ на голенищахъ. Онъ сидитъ сзади отца на бѣговыхъ дрожкахъ, дрожки шибко катятся большой дорогой, а вокругъ—поле, лѣтнее жаркое утро...

Старую донскую кобылу подали къ крыльцу чуть не на разсвѣтъ. Но, Боже, сколько разъ заглядывалъ Иля въ кабинетъ отца, въ тщетной надеждѣ, что разговоръ со старостой конченъ! Уже и росистая трава въ тѣни отъ амбаровъ успѣла высохнуть, и запахло въ саду оцѣпенѣвшей на солнечномъ припекѣ черемухой... Даже кобыла, и та стала задремывать отъ скуки: осѣла на лѣвую заднюю ногу, прижала одно ухо, прикрыла глаза...

Но всему бываетъ конецъ,—кончилась и пытка ожиданія. Держится Иля за кожаную подушку сидѣнья, задравъ ноги на заднюю ось и почти касаясь лбомъ витыхъ стволонъ на спинѣ отца, поглядываетъ, какъ трепещутъ сверкающія на солнцѣ спицы, какъ бѣжитъ по пыли возлѣ нихъ бѣлая, съ подпалинами, Джальма, близко видитъ загорѣлую шею и широкій затылокъ подъ бѣлымъ картузомъ... Солнце стоитъ высоко и сильно припекаетъ, кожа на дрожкахъ стала горячая,—пріятно пахнетъ нагрѣтой кожей и колесной мазью. Душная густая пыль облакомъ встаетъ изъ-подъ колесъ, парусиновый пиджакъ на плечахъ отца темнѣетъ... Но вотъ и проселокъ—полевой рубежъ, длиннымъ узкимъ коридоромъ теряющійся межъ стѣнами высокой сѣро-зеленой ржи. Отецъ сдерживаетъ лошадь и закуриваетъ, пуская черезъ плечо клубъ душистаго дыма...

Ахъ, эти проселки! Весело ѣхать по глубокимъ колеямъ, заросшимъ муравой, повиликой, какими-то бѣлыми и желтыми цвѣтами на длинныхъ стебляхъ. Ничего не видно

ни впереди ни по сторонамъ,—только безконечный, суживающийся вдаль коридоръ межъ стѣнами колосистой гущи, да небо, а высоко на небѣ—жаркое лучистое солнце. Синіе васильки, лиловый куколь и желтая сурѣпка цвѣтутъ во ржи. Дрожки задѣваютъ колосья, растущіе кое-гдѣ по дорогѣ, и они однообразно клонятся подъ колеса и выходятъ изъ-подъ нихъ черными, испачканными колесной мазью. Мелкіе кузнечики сухимъ дождемъ непрерывно сыплется изъ подорожника... Неожиданно потянуло откуда-то легкимъ вѣтеркомъ, солнечной теплотой... Отецъ подбираетъ вожжи... И опять заиграли спицы, закружились передъ глазами пестрые вѣнки наvertѣвшихся на втулки цвѣтовъ, запрыгали дрожки по выбоинамъ... Тутъ надо держаться покрѣпче, но, ухватившись за сидѣнье обѣими руками, все-таки пристально слѣдишь за тѣмъ, какъ навстрѣчу, лоснясь, бѣгутъ сѣро-зеленныя волны, какъ тѣнь отъ облачка то тамъ, то здѣсь на мгновенье затушевываетъ ихъ, какъ полоумная Джальма носится, хлопая ушами, за перепелами и жаворонками: иногда совершенно пропадаетъ во ржи,—только по волнистой линіи, струящейся за нею, видно, гдѣ она,—а иногда высоко выпрыгиваетъ изъ колосьевъ, удивленно озираясь по сторонамъ...

Порою встрѣчалась телѣга, а въ ней—баба съ бѣло-головымъ мальчикомъ на колыньхъ, которал неумѣло держитъ веревочныя вожжи, неумѣло сворачиваетъ, заѣзжая въ рожь, а бокастая лошаденка съ жадностью хватаетъ губами колосья... Встрѣтился однажды мужикъ: онъ безъ шапки сидѣлъ на грядкѣ телѣги, возлѣ длиннаго узкаго гробика изъ золотистаго теса, и веселое лучистое солнце жарко пекло его лохматую голову... Встрѣчался урядникъ верхомъ на худой длинношеей, клѣчѣ, или бородатый, могучій о. Алексѣй въ широкополой шляпѣ, высоко возсѣдавшій на своей телѣжкѣ, за которой бѣжалъ жеребенокъ мышинаго цвѣта на длинныхъ, тонкихъ ножкахъ... Все это портило дѣло: вѣдь такъ хотѣлось чувствовать себя въ совершенно безлюдномъ краю! Но бывало и хуже: иногда вдаль показывался тарантасъ, а въ тарантасѣ—загорѣлый помѣщикъ въ крылаткѣ, въ дворянскомъ картузѣ, съ изумленно выкаченными бѣлками. Увидавъ сосѣда, онъ изумлялся еще болѣе, радостно таращилъ глаза и разводилъ руками, а кучеръ въ плисовой безрукавкѣ и круглой дѣтской шапочкѣ съ павлиньими перьями останавливалъ тройку. Останавливалъ лошадь и отецъ, слѣзавъ съ дрожекъ навстрѣчу вылѣзавшему изъ тарантаса толстяку—и начинались безконечныя разговоры. Помѣщикъ говоритъ страшно громко, размахиваетъ руками и все кого-то бра-

ить... Потомъ надъ чѣмъ-то долго, съ мучительнымъ наслажденіемъ хохочетъ, сотрясаясь всѣмъ тѣломъ... Отецъ тоже кричитъ и тоже хохочетъ...

— Ну, до свиданья, до свиданья! — наконецъ говоритъ онъ, нахохотавшись.

— До свиданія, батюшка,—очень радъ былъ встрѣтиться!

— Мой поклонъ вашему семейству!

— И вашимъ также передайте мой сердечный привѣтъ!

— Восемнадцатаго будете?

— Обязательно, обязательно!

Помѣщикъ становится на подножку тарантаса, накренивая его, съ трудомъ усаживается... Но не проходитъ и минуты, какъ сзади опять раздается крикъ:

— Сосѣдъ! На минуточку!

И опять стоянка, опять разговоры...

Утомленная, но счастливая своими хлопотами Джальма сидитъ у колесъ и жарко дышитъ, изрѣдка, съ короткимъ стукомъ, ловя зубами мухъ. Въ небѣ блестятъ и кудрявятся бѣлыя облака, всюду столько свѣта и радости, какъ бываетъ лишь въ іюнѣ, и все неподвижное становится воздухъ къ полудню. Два желтыхъ мотылька, какъ два лепестка розы, беззвучно и однообразно играютъ надъ склонившимися въ оцѣпенѣніи колосьями, надъ цвѣтами и травами, нагрѣтыми зноемъ. Сладко пахнетъ васильками. И, шурясь отъ солнца, Иля въ забытѣ слѣдитъ за облакомъ, похожимъ на пуделя, которое, медленно тая, плыветъ по свѣтозарной сини неба, прислушивается, какъ сипятъ въ травѣ кузнечики, а надъ головою на тысячу ладовъ сонно звенить жалобными дискантами воздушная музыка насѣкомыхъ, неумолчно воспѣвающихъ дали, млѣющихъ въ маревѣ зноя, радость и свѣтъ солнца, безпричинную, божественную радость жизни...

— Уснулъ?—раздается вдругъ бодрый голосъ.

Наговорившись, отецъ гонитъ лошадей шибко, и дрожки точно сами собою бѣгутъ по наклонной дорогѣ, къ какому-то широкому и неглубокому логу среди степныхъ косогоровъ. За этимъ логомъ слѣдуетъ длинный подъемъ на покатую гору, залитую зелеными овсами, а съ горы отерывается видъ на новый, еще болѣе широкій и разлтый логъ. Тутъ были заливные болотистые лужки, и мелкая степная рѣчка, извивающаяся по нимъ, дѣлала много широкихъ затоновъ, густо заросшихъ зелеными щетками куги. Оттого, что горизонтъ былъ со всѣхъ сторонъ замкнутъ этими похожими на ржаные хлѣбы косограми, глухо тутъ было на рѣдкость, но какая милая, своеобраз-

разная жизнь—жизнь куличковъ, бекасовъ и дикихъ чирковъ—чувствовалась въ тишинѣ и глуши этихъ мелкихъ затоновъ!

— Держись!—кричитъ отецъ сквозь дребезжаніе бѣгущихъ подъ гору дрожекъ.

И вдругъ дребезжаніе сразу обрывается.

Подъ горою вѣтерокъ спадаетъ. Солнце печетъ, колеса шуршатъ въ густой, насыщенной водой травѣ. Прѣсно пахнетъ теплымъ иломъ, разогрѣтой кугою; бѣлая, какъ снѣгъ, рыбалка неожиданно вырывается изъ кочкарниковъ и сверкаетъ въ воздухѣ острыми крыльями... А вотъ и болото—серебристо-зеркальные затоны съ островками тонколистой осоки...

Не спуская съ нихъ глазъ, отецъ передаетъ Илѣ вожжи, осторожно слѣзаетъ съ дрожекъ и, скинувъ ружье, торопливо, но безшумно направляется къ нимъ.

— Джальма!—строго, отрывисто и негромко говоритъ онъ какимъ-то особымъ, условнымъ тономъ Джальмѣ, которая перепрыгиваетъ съ кочки на кочку съ высунутымъ языкомъ. Длинные сапоги его тонутъ въ мягкихъ кочкарникахъ, серебристые пузыри остаются въ его слѣдахъ, отпечатывающихся въ бархатистой и влажной травѣ... Отъ солнца и блеска воды свѣтло такъ, что больно смотреть...

— Джальма!

И Джальма, быстро оглянувшись, вдругъ — бултыхъ въ воду и, наслаждаясь прохладой, медленно плыветъ по затону къ камышамъ. Изъ воды видна только ея вытянутая прилизанная голова съ опущенными ушами и длинный хвостъ, который плыветъ за ней, какъ чужой, какъ палка. Потомъ и голова и хвостъ заворачиваютъ въ камыши, отецъ входитъ по колѣна въ воду и тоже скрывается въ камышахъ. Проходитъ десять, двадцать минутъ напряженного молчанія... Гдѣ-то далеко раздается тяжкій глухой выстрѣлъ... Весь вострепнувшись, пристально глядитъ Иля впередъ, но за камышами ничего не видно. Въ камышахъ что-то осторожно попискиваетъ и булькаетъ; по широкой лужѣ недалеко отъ дрожекъ, граціозно извиваясь, проплываетъ ужъ; перламутрово-голубыя стрекозы съ трескомъ распускаютъ длинные стеклянные крылышки, вылетая изъ горячей травы, а высоко въ небѣ медленно вырастаетъ и вытягивается большое бѣло-снѣжное облако... Вотъ оно приняло образъ сказочнаго исполина, а изъ затона, въ которомъ, углубляя его, ярко свѣтитъ отраженіе этого исполина, что-то глухо, угрюмо и жалобно ухнуло... Ухнуло и выжидательно замолчало...

— Бычки!—вспоминаетъ Иля загадочное слово, оброненное отцомъ, и весь замираетъ отъ сладкаго ужаса.

Воображеніе мгновенно создаетъ образъ какого-то фантастическаго существа, одного изъ тѣхъ страшныхъ подводныхъ жителей, что глубоко скрываются въ болотахъ и только изрѣдка высовываютъ свои лобастыя, рогатыя головы съ выпученными глазами на свѣтъ Божій. Что, если выглянетъ такой бычокъ именно теперь, въ этотъ безмолвный часъ знойнаго полдня? И, косясь на затонъ, Иля не замѣчаетъ, что картузь его съѣхалъ на затылокъ, что комары облѣпили ему потную шею и руки, и что ослѣпительно-жаркое солнце бьетъ прямо въ лицо...

Вдругъ раздается камель. Иля вздрагиваетъ и мгновенно возвращается къ дѣйствительности. Отецъ идетъ, по поясъ мокрый, хлупаетъ тяжелыми сапогами, налитыми болотной водой.

— Тутъ... бычки,—говоритъ Иля нерѣшительно.

— Ну, и что же?

— Они очень большіе?

— Кто? Бычки-то? Да вѣдь это жучки. Водяные жучки!

— Какъ жучки?—бормочетъ Иля, пораженный и разочарованный.

Отецъ покраснѣлъ, разстегнулъ воротъ рубахи, лицо у него доброе и оживленное. Подойдя къ дрожкамъ, онъ бросаетъ Илѣ убитаго чирка, и, мгновенно забывъ о бычкахъ, Иля съ жадностью ловитъ его налету. Чирокъ еще теплый! Головка съ закатившимися глазами, подернутыми бѣлесою пленкой, безсильно падаетъ на радужный зсбикъ, брюшко въ залекшейся крови.. Но какъ оно славно пахнетъ тиной и порохомъ! И Джальма вылѣзаетъ изъ осоки тоже веселая и удовлетворенная. Глаза безумные, съ длиннаго краснаго языка льетъ слюна, бѣлая атласная шерсть вся прилизана, уши висятъ, ноги въ илѣ,—точно въ черныхъ чулкахъ...

Мокрая, блестящія шины колесъ снова шуршатъ по бархатной сочной травѣ, изрѣдка врѣзываясь въ воду и разбрасывая во всѣ стороны свѣтлыя длинныя брызги. Лужи, въ которыхъ золотыми полосами то тамъ, то здѣсь вспыхиваетъ жаркій солнечный блескъ, мелькаютъ передъ глазами. Изъ куги то и дѣло съ жалобными стопами вырываются кулички... Потомъ мягкій кочкарникъ сразу обрывается,—дрожки снова трещать по дорогѣ, убѣгающей въ гору... Но Иля едва замѣчаетъ все это.

Ахъ, когда онъ вырастетъ, онъ будетъ самымъ счастливымъ человѣкомъ въ мірѣ! Онъ поселится на хуторѣ, будетъ жить только охотой, будетъ каждый день чистить кирпичомъ и промывать свое ружье, будетъ варить себѣ кулешъ, спать

прямо возлѣ порога флигеля, на войлокѣ, а просыпаться еще въ ту пору, когда едва-едва брезжить зелено-серебристый разсвѣтъ...

Да и теперь чудесно. Дышитъ Иля чистымъ полевымъ вѣтромъ, слушаетъ хохлатыхъ жаворонковъ, распѣвающихъ надъ полями, въ облакахъ, въ безконечномъ просторѣ... Степь вокругъ, куда ни кинь взоръ, зеленая, ровная, вольная. И ни души въ степи, ни кустика, ни деревца,—только далеко впереди машетъ, какъ утонающій руками, чья-то мельница...

Сонъ, сонъ!

1903 г.

Ц И Ф Р Ы.

I.

Мой дорогой, когда ты вырастешь, вспомнишь ли ты, какъ однажды зимнимъ вечеромъ ты вышелъ изъ дѣтской въ столовую, остановился на порогѣ, — это было послѣ одной изъ нашихъ ссоръ съ тобой, — и, опустивъ глаза, сдѣлалъ такое грустное личико?

Долженъ сказать тебѣ: ты большой шалунъ. Когда что-нибудь увлечетъ тебя, ты не знаешь удержу. Ты часто съ ранняго утра до поздней ночи не даешь покоя всему дому своимъ крикомъ и бѣготней. Зато я и не знаю ничего трогательнѣе тебя, когда ты, насладившись своимъ буйствомъ, притихнешь, побродишь по комнатамъ и наконецъ подойдешь и сиротливо прижмешься къ моему плечу! Если же дѣло происходитъ послѣ ссоры и если я въ эту минуту скажу тебѣ хоть одно ласковое слово, то нельзя выразить, что ты тогда дѣлаешь съ моимъ сердцемъ! Какъ порывисто кидаешься ты цѣловать меня, какъ крѣпко обвиваешь руками мою шею, въ избытокъ той беззавѣтной преданности, той страстной нѣжности, на которую способно только дѣтство!

Но это была слишкомъ крупная ссора.

Помнишь ли, что въ этотъ вечеръ ты даже не рѣшился близко подойти ко мнѣ?

— Покойной ночи, дядечка, — тихо сказалъ ты мнѣ и, поклонившись, шаркнулъ ножкой.

Конечно, ты хотѣлъ, послѣ всѣхъ своихъ преступлений, показаться особенно деликатнымъ, особенно приличнымъ и кроткимъ мальчикомъ. Нянька, передавая тебѣ единственный извѣстный ей признакъ благовоспитанности, когда-то учила тебя: „шаркни ножкой!“. И вотъ ты, чтобы задобрить меня, вспомнилъ, что у тебя есть въ запасѣ хорошія манеры. И я

понялъ это—и поспѣшилъ отвѣтить такъ, какъ будто между нами ничего не произошло, но все-таки очень сдержанно:

— Покойной ночи.

Но могъ ли ты удовлетвориться такимъ миромъ? Да и лукавить ты не гораздъ еще. Перестрадавъ свое горе, твое сердце съ новой страстью вернулось къ той завѣтной мечтѣ, которая такъ плѣняла тебя весь этотъ день. И вечеромъ, какъ только эта мечта опять овладѣла тобою, ты забылъ и свою обиду, и свое самолюбіе, и свое твердое рѣшеніе всю жизнь ненавидѣть меня. Ты помолчалъ, собралъ силы и вдругъ, торопясь и волнуясь, сказалъ мнѣ:

— Дядечка, прости меня... Я больше не буду... И, пожалуйста, все-таки покажи мнѣ цифры! Пожалуйста!

Можно ли было послѣ этого медлить отвѣтомъ? А я все-таки помедлилъ. Я, видишь ли, очень, очень умный дядя...

II.

Ты въ этотъ день проснулся съ новой мыслью, съ новой мечтой, которая захватила всю твою душу.

Только-что открылись для тебя еще неизвѣданныя радости: имѣть свои собственныя книжки съ картинками, пеналь, цвѣтные карандаши—непремѣнно цвѣтные!—и выучиться читать, рисовать и писать цифры. И все это сразу, въ одинъ день, какъ можно скорѣе. Открывъ утромъ глаза, ты тотчасъ же позвалъ меня въ дѣтскую и засыпалъ горячими просьбами: какъ можно скорѣе выписать тебѣ дѣтскій журналъ, купить книгъ, карандашей, бумаги и немедленно приняться за цифры.

— Но сегодня царскій день, все заперто, — совралъ я, чтобы оттянуть дѣло до завтра или хоть до вечера: ужъ очень не хотѣлось мнѣ итти въ городъ.

Но ты замоталъ головою.

— Нѣтъ, нѣтъ, не царскій!—закричалъ ты тонкимъ голоскомъ, поднимая брови.—Вовсе не царскій,—я знаю.

— Да увѣрю тебя, царскій!—сказалъ я.

— А я знаю, что не царскій! Ну, пожа-алуйста!

— Если ты будешь приставать,—сказалъ я строго и твердо то, что говорятъ въ такихъ случаяхъ всѣ дяди:—если ты будешь приставать, такъ и совсѣмъ не куплю ничего.

Ты задумался.

— Ну, что жъ дѣлать! — сказалъ ты со вздохомъ. — Ну, царскій, такъ царскій. Ну, а цифры? Вѣдь можно же,—сказалъ ты, опять поднимая брови, но уже басомъ, разсудительно: — вѣдь можно же въ царскій день показывать цифры?

— Нѣтъ, нельзя,—поспѣшно сказала бабушка.—Придетъ полицейскій и арестуетъ... И не приставай къ дядѣ.

— Ну, это-то ужъ лишнее,—отвѣтилъ я бабушкѣ.—А просто мнѣ не хочется сейчасъ. Вотъ завтра или вечеромъ—покажу.

— Нѣтъ, ты сейчасъ покажи!

— Сейчасъ не хочу. Сказалъ,—завтра.

— Ну, во-отъ,—протянулъ ты.—Теперь говоришь—завтра, а потомъ скажешь—еще завтра. Нѣтъ, покажи сейчасъ!

Сердце тихо говорило мнѣ, что я совершаю въ эту минуту великій грѣхъ — лишаю тебя счастья, радости... Но тутъ пришло въ голову мудрое правило: вредно, не полагается баловать дѣтей.

И я твердо отрѣзалъ:

— Завтра. Разъ сказано — завтра, значитъ, такъ и надо сдѣлать.

— Ну, хорошо же, дядька! — пригрозилъ ты дерзко и весело.—Помни ты это себѣ!

И сталъ поспѣшно одѣваться.

И какъ только одѣлся, какъ только пробормоталъ вслѣдъ за бабушкой: „Отче нашъ, иже еси на небеси...“ и проглотилъ чашку молока, — вихремъ понесся въ залъ. А черезъ минуту оттуда уже слышались грохотъ опрокидываемыхъ стульевъ и удалые крики...

И весь день нельзя было унять тебя. И обѣдалъ ты наспѣхъ, разсѣянно, болтая ногами, и все смотрѣлъ на меня блестящими странными глазами.

— Покажешь?—спрашивалъ ты иногда.—Непремѣнно покажешь?

— Завтра непремѣнно покажу,—отвѣчалъ я.

— Ахъ, какъ хорошо! — вскрикивалъ ты.—Дай Богъ поскорѣе, поскорѣе завтра!

Но радость, смѣшанная съ нетерпѣніемъ, волновала тебя все больше и больше. И вотъ, когда мы—бабушка, мама и я—сидѣли передъ вечеромъ за чаемъ, ты нашелъ еще одинъ исходъ своему волненію.

III.

Ты придумалъ отличную игру: подпрыгивать, бить изо всей силы ногами въ полъ и при этомъ такъ звонко вскрикивать, что у насъ чуть не лопались барабанныя перепонки.

— Перестань, Женья,—сказала мама.

Въ отвѣтъ на это ты—трахъ ногами въ полъ!

— Перестань же, дѣточка, когда мама проситъ,—сказала бабушка.

Но бабушки-то ты ужъ и совсѣмъ не боишься.

Трахъ ногами въ полъ!

— Да перестань,—сказаль я, досадливо морщась и пытаюсь продолжать разговоръ.

— Самъ перестань!—звонко крикнулъ ты мнѣ въ отвѣтъ, съ дерзкимъ блескомъ въ глазахъ, и, подпрыгнувъ, еще сильнѣе ударилъ въ полъ и еще пронзительнѣе крикнулъ въ тактъ.

Я пожалъ плечомъ и сдѣлалъ видъ, что больше не замѣчаю тебя.

Но вотъ тутъ-то и начинается исторія.

Я, говорю, сдѣлалъ видъ, что не замѣчаю тебя. Но сказать ли правду? Я не только не забылъ о тебѣ послѣ твоего дерзкаго крика, но весь похолодѣлъ отъ внезапной ненависти къ тебѣ. И уже долженъ былъ употреблять усилія, чтобы дѣлать видъ, что не замѣчаю тебя, и продолжать разыгрывать роль спокойнаго и разсудительнаго.

Но и этимъ дѣло не кончилось.

Ты крикнулъ снова. Крикнулъ, совершенно позабывъ о насъ и весь отдавшись тому, что происходило въ твоей переполненной жизнью душѣ, — крикнулъ такимъ звонкимъ крикомъ безпричинной, божественной радости, что самъ Господь Богъ улыбнулся бы при этомъ крикѣ. Я же въ бѣшенствѣ вскочилъ со стула.

— Перестань!—рывкнулъ я вдругъ, неожиданно для самого себя, во все горло.

Какой чортъ окатилъ меня въ эту минуту цѣлымъ ушатомъ злобы? У меня помутилось сознание. И надо было видѣть, какъ дрогнуло, какъ исказилось на мгновение твое лицо молніей ужаса!

— А!—звонко и растерянно крикнулъ ты еще разъ.

И уже безъ всякой радости, а только для того, чтобы показать, что ты не испугался, криво и жалко ударилъ въ полъ каблуками.

А я—я кинулся къ тебѣ, дернулъ тебя за руку, да такъ, что ты волчкомъ перевернулся передо мною, крѣпко и съ наслажденіемъ шлепнулъ тебя и, вытолкнувъ изъ комнаты, захлопнулъ дверь.

Вотъ тебѣ и цифры!

IV.

Отъ боли, отъ остраго и внезапнаго оскорбленія, такъ грубо ударившаго тебя въ сердце въ одинъ изъ самыхъ радостныхъ моментовъ твоего дѣтства, ты, вылетѣвши за дверь, закатился

такимъ страшнымъ, такимъ пронзительнымъ альтиномъ, на какой неспособенъ ни одинъ пѣвецъ въ мѣрѣ. И надолго, надолго замеръ... Затѣмъ набралъ въ легкія воздуху еще больше и поднялъ альтъ уже до невѣроятной высоты...

Затѣмъ паузы между верхней и нижней нотами стали сокращаться, — воли потекли безъ умолку. Къ волямъ прибавились рыданія, къ рыданіямъ — крики о помощи. Сознаніе твое стало проленяться, и ты началъ играть, съ мучительнымъ наслажденіемъ играть роль умирающаго.

— О-ой, больно! Ой, мамочка, умираю!

— Небось, не умрешь, — холодно сказалъ я. — Покричишь, покричишь, да и смолкнешь.

Но ты не смолкалъ.

Разговоръ, конечно, оборвался. Мнѣ было уже стыдно, и я зажигалъ папиросу, не поднимая глазъ на бабушку. А у бабушки вдругъ задрожали губы, брови, и, отвернувшись къ окну, она стала быстро, быстро колотить чайной ложкой по столу.

— Ужасно испорченный ребенокъ! — сказала, нахмуриваясь и стараясь быть безпристрастной, мама и снова взялась за свое вязанье. — Ужасно избалованъ!

— Ой, бабушка! Ой, милая моя бабушка! — вопилъ ты дикимъ голосомъ, вызывая теперь къ послѣднему прибѣжищу — къ бабушкѣ.

И бабушка едва сидѣла на мѣстѣ.

Ея сердце рвалось въ дѣтскую, но, въ угоду мнѣ и мамѣ, она крѣпилась, смотрѣла изъ-подъ дрожащихъ бровей на темнѣвшую улицу и быстро стучала ложечкой по столу.

Понялъ тогда и ты, что мы рѣшили не сдаваться, что никто не утолитъ твоей боли и обиды поцѣлуями, мольбами о прощеніи. Да и слезъ уже не хватало. Ты до изнеможенія упился своими рыданіями, своимъ дѣтскимъ горемъ, съ которымъ не сравнится, можетъ-быть, ни одно человѣческое горе, но прекратить воли сразу было невозможно, хотя бы изъ-за одного самолюбія.

Ясно было слышно: кричать тебѣ уже не хочется, голосъ охрипъ и срывается, слезъ нѣтъ. Но ты все кричалъ и кричалъ!

Было невозможно и мнѣ. Хотѣлось встать съ мѣста, распахнуть дверь въ дѣтскую и сразу, какимъ-нибудь однимъ горячимъ словомъ, пресѣчь твои страданія. Но развѣ это согласуется съ правилами разумнаго воспитанія и съ достоинствомъ справедливаго, хотя и строгаго дяди?

Наконецъ ты затихъ...

V.

— И мы тотчасъ помирились?—спрашиваешь ты.

Нѣтъ, я таки-выдержалъ характеръ. Я, по крайней мѣрѣ, черезъ полчаса послѣ того, какъ ты затихъ, заглянулъ въ дѣтскую. И то какъ? Подошелъ къ дверямъ, сдѣлалъ серьезное лицо и растворилъ ихъ съ такимъ видомъ, точно у меня было какое-то дѣло. А ты въ это время уже возвращался мало-помалу къ обыденной жизни.

Ты сидѣлъ на полу, изрѣдка подергивался отъ глубокихъ прерывистыхъ вздоховъ, обычныхъ у дѣтей послѣ долгаго плача, и съ потемнѣвшимъ отъ размазанныхъ слезъ личикомъ забавлялся своими незатѣйливыми игрушками—пустыми коробочками отъ спичекъ,—разставляя ихъ по полу, между раздвинутыхъ ногъ, въ какомъ-то, только тебѣ одному извѣстномъ порядкѣ.

Какъ сжалось мое сердце при видѣ этихъ коробочекъ!

Но, дѣлая видъ, что отношенія наши прерваны, что я оскорбленъ тобою, я едва взглянулъ на тебя. Я внимательно и строго осмотрѣлъ подоконники, столы... Гдѣ это мой портсигаръ?.. И уже хотѣлъ выйти, какъ вдругъ ты поднять голову и, глядя на меня злыми, полными презрѣнія глазами, хрипло сказалъ:

— Теперь я никогда больше не буду любить тебя.

Потомъ подумалъ, хотѣлъ сказать еще что-то очень обидное, но запнулся, не нашелся и сказалъ первое, что пришло въ голову:

— И никогда ничего не куплю тебѣ.

— Пожалуйста!—небрежно отвѣтилъ я, пожимая плечомъ.— Пожалуйста! Я отъ такого дурного мальчика и не взялъ бы ничего.

— Даже и японскую копеечку, какую тогда подарилъ, назадъ возьму!—крикнулъ ты тонкимъ, дрогнувшимъ голосомъ, дѣлая послѣднюю попытку уязвить меня.

— А вотъ это ужъ и совсѣмъ нехорошо! — отвѣтилъ я.— Дарить и потомъ отнимать! Впрочемъ, это твое дѣло.

Потомъ заходили къ тебѣ мама и бабушка. И такъ же, какъ я, дѣлали сначала видъ, что вошли случайно... по дѣлу... Затѣмъ качали головами и, стараясь не придавать своимъ словамъ значенія, заводили рѣчь о томъ, какъ это нехорошо, когда дѣти растутъ непослушными, дерзкими и добиваются того, что ихъ никто не любитъ. А кончали тѣмъ, что совѣтовали тебѣ пойти ко мнѣ и попросить у меня прощенія.

— А то дядя разсердится и уѣдетъ въ Москву,—говорила

бабушка грустнымъ тономъ.—И никогда больше не прїѣдетъ къ намъ.

— И пускай не прїѣдетъ!—отвѣчалъ ты едва слышно, все ниже опускаая голову.

— Ну, я умру,—говорила бабушка еще печальнѣе, совсѣмъ не думая о томъ, къ какому жестокому средству прибѣгаетъ она, чтобы заставить тебя переломить свою гордость.

— И умирай,—отвѣчалъ ты сумрачнымъ шопотомъ.

— Хорошо!—сказалъ я, снова чувствуя приступъ раздраженія.—Хорошъ!—повторилъ я, дымя папиросой и поглядывая въ окно на темную пустую улицу.

И, переждавъ, пока пожилая худая горничная, всегда молчаливая и печальная отъ сознанія, что она—вдова машиниста, зажгла въ столовой лампу, прибавилъ:

— Вотъ такъ мальчикъ!

— Да не обращай на него вниманія,—сказала мама, заглядывая подъ матовый колпакъ лампы, не коптитъ ли.—Охота тебѣ разговаривать съ такой злючкой!

И мы сдѣлали видъ, что совсѣмъ забыли о тебѣ.

VI.

Въ дѣтской огня еще не зажигали, и стекла ея оконъ казались теперь синими-синими. Зимній вечеръ стоялъ за ними, и въ дѣтской было сумрачно и грустно. Ты сидѣлъ на полу и передвигалъ коробочки. И эти коробочки мучили меня. Я всталъ и рѣшилъ побродить по городу.

Но тутъ послышался шопотъ бабушки.

— Безстыдникъ, безстыдникъ! — зашептала она укоризненно.—Дядя тебя любитъ, возитъ тебѣ игрушки, гостинцы...

Я громко прервалъ:

— Бабушка, этого говорить не слѣдуетъ. Это лишнее. Тутъ дѣло не въ гостинцахъ.

Но бабушка знала, что дѣлаетъ.

— Какъ же не въ гостинцахъ?—отвѣтила она.—Не дорогъ гостинецъ, а дорога память.

И, помолчавъ, ударила по самой чувствительной струнѣ твоего сердца:

— А кто же купить ему теперь пеналь, бумаги, книжку съ картинками? Да что пеналь! Пеналь—туда-сюда. А цифры? Вѣдь ужъ этого не купишь ни за какія деньги.

— Впрочемъ,—прибавила она:—дѣлай, какъ знаешь. Сиди тутъ одинъ въ темнотѣ.

И вышла изъ дѣтской.

Кончено,—самолюбіе твое было сломлено! Ты былъ побѣжденъ.

Чѣмъ неосуществимѣе мечта, тѣмъ плѣнительнѣе, чѣмъ плѣнительнѣе, тѣмъ неосуществимѣе. Я уже знаю это.

Съ самыхъ раннихъ дней моихъ я у нея во власти. Но я знаю и то, что, чѣмъ дороже мнѣ моя мечта, тѣмъ менѣе надеждъ на достиженіе ея. И я уже давно въ борьбѣ съ нею. Я лукавлю: дѣлаю видъ, что я равнодушенъ. Но что могъ сдѣлать ты?

Счастье, счастье!

Ты открылъ утромъ глаза, переполненный жаждою счастья. И съ дѣтской довѣрчивостью, съ открытымъ сердцемъ кинулся къ жизни: скорѣе, скорѣе!

Но жизнь отвѣтила:

— Потерпи.

— Ну пожалуйста!—воскликнулъ ты страстно.

— Замолчи, иначе ничего не получишь!

— Ну, погоди же!—крикнулъ ты злобно.

И на время смолкъ.

Но сердце твое буйствовало. Ты бѣсновался, съ грохотомъ валялъ стулья, билъ ногами въ полъ, звонко вскрикивалъ отъ переполнявшей твое сердце радостной жажды... Тогда жизнь со всего размаха ударила тебя въ сердце тупымъ ножомъ обиды. И ты закатился бѣшеннымъ крикомъ боли, призывомъ на помощь.

Но и тутъ не дрогнулъ ни одинъ мускулъ на лицѣ жизни... Смирись, смирись!

И ты смирился.

VII.

Помнишь ли, какъ робко вышелъ ты изъ дѣтской и что ты сказалъ мнѣ?

— Дядечка! — сказалъ ты мнѣ, обезсиленный борьбой за счастье и все еще алкая его.—Дядечка, прости меня. И дай мнѣ хоть каплю того счастья, жажда котораго такъ сладко мучить меня.

Но жизнь обидчива.

Она сдѣлала притворно-печальное лицо.

— Цифры! Я понимаю, что это счастье... Но ты не любишь дядю, огорчаешь его...

— Да нѣтъ, неправда, — люблю, очень люблю! — горячо воскликнулъ ты.

И жизнь наконецъ смиростивилась.

— Ну ужъ Богъ съ тобою! Неси сюда къ столу стулъ, давай карандаши, бумагу...

И какой радостью засіяли твои глаза!

Какъ хлопоталъ ты! Какъ боялся разсердить меня, какимъ покорнымъ, деликатнымъ, осторожнымъ въ каждомъ своемъ движеніи старался ты быть! И какъ жадно ловилъ ты каждое мое слово!

Глубоко дыша отъ волненія, поминутно слюнявя огрызокъ карандаша, съ какимъ стараніемъ налегалъ ты на столь грудью и крутилъ головой, выводя таинственные, полныя какого-то божественнаго значенія черточки!

Теперь уже и я наслаждался твоею радостью, съ нѣжностью обоня запахъ твоихъ волосъ: дѣтскіе волосы хорошо пахнутъ, — совсѣмъ какъ маленькія птички.

— Одинъ... Два... Пять... — говорилъ ты, съ трудомъ води по бумагѣ.

— Да нѣтъ, не такъ. Одинъ, два, три, четыре.

— Сейчасъ, сейчасъ, — говорилъ ты поспѣшно. — Я сначала: одинъ, два...

И смущенно глядѣлъ на меня.

— Ну, три...

— Да, да, три! — подхватывалъ ты радостно. — Я знаю.

И выводилъ три, какъ большую прописную букву Е.

1906 г.

У ИСТОКА ДНЕЙ.

I.

Въ туманѣ моего прошлаго есть одинъ далекій день, который я вспоминаю особенно часто.

Я вижу большую комнату въ бревенчатомъ домѣ на хуторѣ средней Россіи.

Одно окно этой комнаты — на югъ, на солнце, два другихъ — на западъ, въ вишневый садъ.

Въ простѣнкѣ стоитъ старинный туалетъ краснаго дерева, а на полу возлѣ него сидитъ ребенокъ трехъ или четырехъ лѣтъ.

Онъ одинъ въ комнатѣ и чувствуетъ себя необыкновенно счастливымъ.

На дворѣ сухо, — погожій конецъ стенного августа, и солнечный свѣтъ косо падаетъ изъ окна, выходящаго на югъ, почти до того мѣста, гдѣ сидитъ на полу ребенокъ.

А онъ открылъ дверцу въ тумбѣ туалета, обоняетъ кисленькій запахъ старинныхъ духовъ и тщательно укладываетъ на полированную полочку синія гербовыя бумаги.

Нужды нѣтъ, что эти бумаги покрыты строками крупныхъ непонятнымъ завитушекъ и что не приказано ни рвать ни начкать ихъ: радостно уже одно то, что обладаешь ими, что ихъ много, и что можно раскладывать ихъ въ тумбѣ, которая отнынѣ будетъ твоею.

Такъ было и сказано:

— Вотъ эта тумбочка съ нынѣшняго дня — твоя.

А для того, чтобы было что укладывать, подарили большую кину синихъ бумагъ съ красивыми двуглавыми птицами. Накопится много и другихъ вещей, въ родѣ коробочекъ и граненыхъ пузырьковъ, стоящихъ на туалетѣ. И все это будетъ спрятано сюда же.

Но на свѣтъ, какъ извѣстно, все кончается: бумаги уже нѣсколько разъ укладывались на полочкѣ и такъ и этакъ, порядокъ, въ которомъ онѣ должны быть, строго обдуманъ,—остается затворить тумбу, поглядѣть на нее съ пріятнымъ чувствомъ собственности—и заняться чѣмъ-нибудь другимъ.

Чѣмъ же?

Ребенокъ стоитъ возлѣ туалета и осматривается.

Увы, въ простой деревенской комнатѣ съ голыми бревенчатыми стѣнами совсѣмъ почти пусто: только стулья, да большая кровать, да августовское солнце, косо озаряющее некрашеный полъ.

Пріятно подойти къ окну, почувствовать тепло солнечнаго свѣта и, прижавшись лицомъ къ стеклу, расплющить носъ... Очень заманчива и паутина,—легкая восьмигранная сѣтка въ верхнемъ углу окна... Но, во-первыхъ, до нея не дотянешься, если даже приставить къ окну стулъ, а во-вторыхъ, изъ щели въ углу можетъ выбѣжать на высокихъ тонкихъ ножкахъ большой сѣрый паукъ.

И ребенокъ, поднявъ глаза, чувствуетъ сладкій страхъ при мысли о таинственномъ хозяинѣ этой паутины, имя котораго онъ произноситъ съ запинкой, по-крестьянски—пуакъ—и который такъ сердито выскакиваетъ изъ своей щели, когда въ его сѣть попадаетъ муха.

Сладко слѣдить тогда за ея гибелью!

Жалобно и долго, долго ноетъ она въ тишинѣ пустой комнаты, точно зоветъ на помощь... Но помощи нѣтъ, и время течетъ среди ея однотоннаго плача въ полной неизвѣстности, что будетъ дальше... И вдругъ онъ, этотъ темно-сѣрый страшный паукъ, выскакиваетъ изъ щели и быстро бѣжитъ по паутинѣ... схватываетъ муху въ лапы, замираетъ съ нею на мѣстѣ и наконецъ уже, слабую, затихающую, тянетъ ее въ свое жилище...

Что это за жилище? Что дѣлаетъ въ немъ его хозяинъ, чѣмъ занять онъ?

Нечаянно взглядъ ребенка падаетъ въ эту минуту на зеркало.

II.

Я хорошо помню, какъ поразило оно меня.

Съ него начинаются смутныя, не связанные другъ съ другомъ воспоминанія моего младенчества. Точно въ сновидѣніяхъ живу я въ нихъ. И вотъ оно, первое сновидѣніе у истока дней моихъ.

Ранѣе нѣтъ ничего: пустота, несуществованіе.

Ни мое сердце, ни мой разумъ никогда не могли и до сихъ поръ не могутъ примириться съ этой пустотой. Но, покоряясь неизбежности, я принимаю за начало моего бытія этотъ августовскій день, эти синія гербовыя бумаги съ орлами, тихую невыразимую радость, которую онѣ дали мнѣ,—и зеркало.

Между колоннками туалета, въ тяжелой прихотливой рамѣ, висѣло что-то свѣтлое, блестящее, красивое—и непонятное. Я видалъ его и ранѣе. Видѣлъ и отраженія въ немъ. Но изумило оно меня только теперь, когда мои воспріятія вдругъ озарились первымъ яркимъ проблескомъ сознанія, когда я раздѣлился на воспринимающаго и сознающаго. И все окружавшее меня внезапно измѣнилось, ожило, — приобрѣло свой собственный ликъ, полный непонятнаго.

Я заглянулъ въ то свѣтлое, блестящее, что слегка наклонно висѣло между колоннокъ туалета, увидалъ тамъ другую комнату, совершенно такую же, какъ та, въ которой я былъ, но только болѣе заманчивую, болѣе красивую, увидалъ самого себя—и въ первый разъ въ жизни былъ изумленъ и очарованъ.

Я восторженно оглянулся.. Да, несомнѣнно, въ зеркалѣ было все, что было и здѣсь, вокругъ меня—и стѣны, и стулья, и полъ, и солнечный свѣтъ, и ребенокъ, стоявшій среди комнаты... Насъ было двое, удивленно смотрѣвшихъ другъ на друга! И вотъ одинъ изъ насъ вдругъ закрылъ глаза—и все исчезло: остались только свѣтлыя пятна, закружившіяся въ темнотѣ... Потомъ снова открылъ ихъ—и снова увидалъ все то, что уже видѣлъ... Не странно ли только, что комната въ зеркалѣ падаетъ, валится на меня?

Робко приблизился я къ зеркалу и, доткнувшись рукой до нижней части рамы, толкнулъ ее.

Зеркало блеснуло, стукнулось о стѣну, а покатый полъ, отраженный въ немъ, сталъ еще болѣе покатымъ. Теперь вся комната падала на меня, падалъ и мальчикъ, стоявшій противъ меня, и кровать, и стулья... Очарованный, восхищенный, долго глядѣлъ я на то чудесное и новое, что такъ внезапно открылось мнѣ—и потянулъ раму къ себѣ. Зеркало блеснуло, завалилось назадъ—и все исчезло... И какъ разъ въ эту минуту кто-то хлопнулъ дверью, и я вздрогнулъ и громко крикнулъ отъ страха.

III.

Что было дальше?

Много разъ пытался я вспомнить еще хоть что-нибудь; но это никогда не удавалось.

Вспоминая, я быстро переходилъ къ выдумкѣ, къ творчеству, ибо и воспоминанія-то мои объ этомъ днѣ не болѣе реальны, чѣмъ творчество.

Твердо помню только одно: зеркало поразило меня именно въ этотъ день. Я долженъ былъ разгадать его во что бы то ни стало.

Но какъ?

О, много было лукавствъ и ухищреній!

Они, эти ухищренія, кончались всегда неудачей. И переживъ неудачу, я, конечно, забывалъ о зеркалѣ. Но вотъ я опять оставался наединѣ съ нимъ—и опять испытывалъ его власть надъ собою.

Я любилъ угловую комнату, когда она была пуста. Я входилъ, затворялъ за собой двери—и тотчасъ же вступалъ въ какую-то особую, чародѣйственную жизнь.

Такъ тихо, такъ тихо, что слышна каждая нота въ тонкомъ и печальномъ плачѣ замирающей въ паутинѣ мухи!

И, я затаивалъ дыханіе, и казалось, что и комната ждетъ чего-то вмѣстѣ со мною.

Мальчикъ, стоящій предо мною въ отраженной комнатѣ, былъ теперь выше ростомъ, рѣшительнѣе, смѣлѣе, чѣмъ тотъ, что стоялъ въ ней въ свѣтлый августовскій день нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Но отраженная комната была все такъ же притягательна, заманчива... сто кратъ заманчивѣе той, въ которой былъ я! И сладко было снова и снова тѣшить себя несбыточной мечтою побывать, пожить въ этой отраженной комнатѣ!

Только существуетъ ли она и тогда, когда не смотришь на нее?

Чтобы узнать это, нужно прежде всего обмануть кого-то.

И вотъ я дѣлалъ равнодушное лицо, отходилъ отъ зеркала, заглядывалъ съ притворной безпечностью въ окна—и вдругъ быстро оборачивался къ туалету...

Нѣтъ, все попрежнему!

Но тогда не сѣсть ли въ кресло противъ зеркала? Закрѣпить глаза и притвориться спящимъ... А затѣмъ сразу открыть ихъ...

Увы, снова хитрость моя разсыпается прахомъ!

Оставалось еще одно: пріоткрыть рѣсницы—такъ мало, такъ мало, чтобы никто и не подумалъ, что онѣ пріоткрыты...

Но какъ это трудно!

Рѣсницы дрожать, глазамъ больно, и выходить все одно и то же: или совсѣмъ ничего не видно, или хоть слабо, но видно все!

И много разъ, дѣлая отчаянныя усилія, сдвигалъ я съ мѣста тяжелыя колонки, среди которыхъ висѣло зеркало, и заглядывалъ между нимъ и стѣною. Но и тамъ, именно тамъ, гдѣ должна была заключаться разгадка тайны, не оказывалось ничего, кромѣ бревенъ съ одной стороны и шершавыхъ дощечекъ, которыми было забито зеркало, съ другой!

— Значить, кроется что-нибудь за ними, за этими дощечками?

Говорятъ, что за этими дощечками только стекло, намазанное ртутью. Да, но что такое ртуть? Ртуть тоже нѣчто чудесное. Положилъ кто-то этой ртути въ пекущіеся хлѣбы—и вдругъ хлѣбы запрыгали по печкѣ! А главное: почему поспѣшили закутать это что-то, намазанное ртутью и называемое зеркаломъ, въ черный коленкоръ, какъ только умерла Надя?

Въ эту страшную ночь, когда въ домѣ свершилось что-то невыразимое, наполнившее весь домъ сперва таинственной суматохой, испуганными голосами, а потомъ страстными криками матери,—зеркало завѣсили чернымъ коленкоромъ.

Я, спавшій въ угловой комнатѣ на широкой постели, въ дикомъ ужасѣ вскочилъ на колѣни, когда тишину ночи прорѣзали эти крики. А затѣмъ въ комнату быстро вошла заплаканная нянька и накинула на зеркало кусокъ черной матеріи.

И, какъ внезапный вѣтеръ по затрепетавшимъ листьямъ дерева, по всему моему тѣлу прошла одна мысль, одно сознаніе: въ домѣ смерть! То ужасное, чье имя—тайна!

IV.

Ночи предшествовали тяжелые, печальные дни.

Стоялъ февраль, наполнявшій комнаты скуднымъ полусвѣтомъ.

А дѣвочка была больна уже давно, и казалось, что конца не будетъ этимъ днямъ, этому скудному полусвѣту и тишинѣ, воцарившейся съ тѣхъ поръ, какъ въ дѣтской, пропитанной сладковатымъ запахомъ лѣкарствъ, затворили двери и завѣсили окна темными шторами.

Въ глуши, на хуторѣ, заброшенные, забытые, жили мы тогда: мать, Надя, нянька Дарья, большая властная старуха, я и мой воспитатель,—если только можно было назвать такъ этого страннаго человѣка, похожаго на Данте,—человѣка безъ роду, безъ племени, уже много лѣтъ скитавшагося по мелкимъ помѣщикамъ, обучавшаго ихъ дѣтей и нигдѣ не уживавшагося.

Я медленно, съ трудомъ читалъ, а онъ, этотъ Данте, въ старенькомъ, кургузомъ сюртучкѣ и короткихъ панталонахъ,

изъ-подъ которыхъ торчали грубые рыжіе сапоги, ходилъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ и думалъ, думалъ, бормоча свои думы себѣ подъ носъ и порою съ злораднымъ наслажденіемъ похохатывая.

А смерть уже незримо рѣяла среди насъ, и печальную тишину дома нарушали только шаги моего воспитателя и мое одностонное чтеніе. И читалъ я какъ разъ о ней: читалъ пѣснь о старомъ нормандскомъ баронѣ, умиравшемъ въ отдаленномъ покоѣ замка въ бурную и темную ночь Рождества Христова. И когда она появилась наконецъ — столь грозная, что даже собаки на дворѣ завывали, услыхавъ вопли въ домѣ, — тотчасъ же было брошено черное покрывало и на то, что какимъ-то образомъ было причастно ея тайнѣ!

V.

Я уснулъ, чувствуя томительную тоску.

За окнами чернѣла ночь, комната была слабо озарена стоявшей на полу возлѣ кровати свѣчей.

Обычно со мной спала мать. Но съ тѣхъ поръ, какъ заболѣла дѣвочка, на ночь стала приходить ко мнѣ нянька. А въ эту ночь даже и няньки не было. Она только изрѣдка входила, вынимала что-то изъ ящиковъ туалета, шопотомъ говорила мнѣ: „спи, спи, я сейчасъ приду“ — и снова уходила.

И я пытался уснуть.

Но тоска, предчувствіе чего-то, что вотъ-вотъ должно совершиться, будили меня, едва только я начиналъ забываться. Задремлю — и вдругъ вскочу съ бьющимся сердцемъ и страстнымъ желаніемъ закричать о помощи.

Но даже крикнуть я не смѣлъ — такъ тихо было въ домѣ и такъ странно блестѣло зеркало, наклонно висѣвшее между колоннокъ туалета и отражавшее покатый полъ и дрожащій длинный огонь свѣчи, стоявшей возлѣ кровати.

И вотъ...

Поднялась какая-то возня, слышались испуганные, торопливые голоса, стукъ дверей, а вслѣдъ за ними — сдвоенный ужасный крикъ... Пораженный имъ до глубины сердца, я вскочилъ, сѣлъ на колѣни и замеръ, уже готовый отвѣтить на этотъ крикъ крикомъ еще болѣе ужаснымъ, какъ растворилась дверь, и по комнатѣ, сотрясая полъ своею тяжестью, пробѣжала нянька съ чернымъ кускомъ коленкора въ рукахъ...

Потомъ меня, дрожащаго отъ ужаса и изумленія, зачѣмъ-то одѣли, и воспитатель мой повелъ меня въ ту, слабо освѣщенную синей лампадкой комнату, гдѣ на ломберномъ столѣ, покрытомъ простынею, лежала кукла въ розовомъ платьицѣ...

Помню, какъ мы остановились на порогѣ этой комнаты и, перекрестившись, поклонились въ уголъ, лампадѣ и этой куклѣ...

Помню даже, что набожное смиреніе, съ которымъ медленно перекрестился и поклонился мой воспитатель, показалось мнѣ неестественнымъ...

Мнѣ показалось, что онъ пьянъ: это съ нимъ случилось нерѣдко... И отъ этого мнѣ сдѣлалось еще страшнѣе.

А онъ, съ истовостью пьянаго человѣка, желающаго показать, что онъ нисколько не пьянъ, а, напротивъ, сознательно, серьезно и спокойно дѣлаетъ все то, что полагается въ такихъ случаяхъ, подвелъ меня къ столу, приподнял за плечи — и я увидалъ блѣдное, безжизненное личико и тусклый блескъ мертвыхъ, слизистыхъ глазъ подъ неплотно смежившимися черными рѣсницами, четко выдѣлявшимися среди блѣдности... Въ этомъ было что-то безобразное!

Безобразно-ужасенъ былъ и сонъ, которымъ я забылся послѣ того.

Я до сихъ поръ чувствую всю нескладную, горячечную суматоху всѣхъ этихъ людей, наполнившихъ домъ и начавшихъ торопливо переносить и передвигать изъ комнаты въ комнату столы, стулья, кровати и зеркала, какъ только я закрылъ глаза.

Дѣвочка мгновенно ожила, хотя и осталась все такой же загадочной и безмолвной, какой она была на столѣ, и поспѣшила вмѣшаться въ суматоху, бѣгая изъ комнаты въ комнату подъ ногами мужиковъ, торопливо носившихъ на рукахъ стулья и зеркала, покрытыя чернымъ коленкоромъ...

Какъ это она могла ожить и остаться въ то же время мертвой?

Какъ это она могла бѣгать и не упасть, когда лицо ея было столь же слѣпо и безжизненно, какъ тусклая полоска ея глазъ, блестящая въ прорѣзѣ неплотно прикрытыхъ рѣсницъ?

Наконецъ настало утро.

VI.

Ахъ, какъ хорошо сдѣлалъ Господь Богъ, создавши свѣтъ!

Сколько разъ въ жизни говорилъ я эти слова, открывая глаза послѣ тяжкихъ ночныхъ сновидѣній! Какъ этотъ свѣтъ успокаиваетъ, какъ упрощаетъ и душу нашу, и все окружающее насъ!

Бѣлый, спокойный и простой день былъ въ мірѣ, когда я проснулся.

Но, проснувшись, я тотчасъ взглянулъ на зеркало... О, какимъ печальнымъ показалось оно мнѣ!

Да и не одно оно. Все въ домѣ было печально: и заплаканная, похудѣвшая, съ блестящими глазами, мать, и серьезный воспитатель, и притихшая, уже далеко не столь властная, какъ прежде, старуха-нянька, и разговоры вполголоса, и эта кукольная дѣвочка съ восковымъ личикомъ, лиловатымъ вискомъ, неживыми локонами и полуприкрытыми рѣсницами, изъ-подъ которыхъ еще тусклѣе, чѣмъ вчера, блестѣла полуска стеклянныхъ глазъ...

А потомъ, въ солнечный морозный день съ мятелью, прѣхали на трехъ розвальняхъ попы, нанесли въ домъ холоду, запаха снѣга и ладана и стали съ грустными причитаніями и пѣніемъ ходить вокругъ лежащей на столѣ куклы, кланяться ей и дымить на нее изъ кадила...

И съ какой изысканной деликатностью, съ какой кокетливой печалью заливался въ этотъ день высокій горловой теноръ всегда смѣлаго и даже наглаго о. Федора!

Какъ онъ легко, точно въ кадрили, то приближался къ столу, то пятился назадъ и своей ловкой рукой—даже не рукой, а только одной кистью—высоко взвивалъ пылающее кадило и потоплялъ въ синихъ клубахъ церковнаго благоуханія неподвижно лежащую куклу!

И какъ чувствовалъ я въ этотъ день всю сладость страстныхъ рыданій матери, когда заливающийся теноръ грустно утѣшалъ ее неизреченной красотой небесныхъ обителей. И какой болью сжалось мое сердце въ тотъ моментъ, когда гробикъ, наскоро сбитый изъ пахучаго соснового теса, навсегда закрыли крышкой и понесли, среди пѣнія, въ розвальни, возлѣ которыхъ, въ солнечной морозной мятели, вѣтеръ развѣивалъ волосы на обнаженныхъ головахъ мужиковъ!

VII.

Надолго застылъ послѣ того въ тишинѣ и грусти нашъ бревенчатый флигель.

Весеннее солнце по цѣлымъ днямъ наполняло радостнымъ блескомъ дѣтскую,—теперь нашу классную,—но померкли всѣ мои радости!

Что это случилось съ милой веселой дѣвочкой, которая такъ звонко выкрикивала когда-то свое имя, а теперь лежитъ въ селѣ на погостѣ, въ могилѣ?

Откуда пришла она? Зачѣмъ росла, прыгала, радовалась вплоть до того рокового вечера, въ который точно какой-то злой духъ дохнулъ на нее своимъ пламеннымъ дыханіемъ?

Съ разгорѣвшимся личикомъ, съ сіяющими глазками, она была особенно оживлена въ тотъ вечеръ—и вдругъ поникла на плечо матери.

— Мама, бай!

И тотчасъ же ее унесли въ дѣтскую, и это былъ послѣдній часъ, въ который я видѣлъ ее: живой изъ дѣтской она не вернулась.

Вотъ идутъ дни заднями, а ея все нѣтъ—и никогда не будетъ ..

Даже и люльку ея снесли на чердакъ...

Вотъ вынимаютъ зимнія рамы, и наша классная наполняется душистой свѣжестью и тепломъ яркаго солнца... А ея нѣтъ—и никогда не будетъ!

Говорятъ, что она на погостѣ, въ Знаменскомъ. Но вся ли? То живое, прекрасное, что было въ ней, не тамъ, а гдѣ-то далеко... въ раю, въ небѣ.

Въ тихія апрѣльскія сумерки, когда я сидѣлъ съ нянькой у раскрытаго окна, выходящаго въ темный и свѣжій садъ, я подолгу смотрѣлъ на меркнуцій нѣжно-алый закатъ, по которому громоздились синія тучки, похожія на саркофаги. И когда надъ ними въ зеленоватомъ небѣ вспыхивало серебристое зерно первой звѣзды, нянька говорила мнѣ:

— Вонъ душенька нашей барышни.

Но и въ этихъ словахъ... Нѣтъ, это было слишкомъ просто! Это было такъ же просто, такъ же ничего не объясняло, какъ и то, что зеркало есть стекло, намазанное ртутью.

VIII.

И велико было мое недоумѣніе, когда я убѣдился въ этомъ!

Не разъ отодвигалъ я зеркало отъ стѣны и не разъ убѣждался, что ничего-то нѣтъ за нимъ, кромѣ бревень, паутины и шершавыхъ дощечекъ!

Однако нужно было заглянуть и подъ эти дощечки!

И однажды, когда въ домѣ всѣ спали, я отодвинулъ, замирая отъ страха быть пойманнымъ, зеркало отъ стѣны—и кухоннымъ ножомъ приподнялъ одну изъ дощечекъ...

Да, меня не обманывали!

Подъ дощечкой ничего не было, кромѣ стекла, намазаннаго красно-коричневою краской.

Но, можетъ-быть, есть что-нибудь между этой краской и стекломъ?

Нѣтъ, и тамъ ничего нѣтъ: я слегка пццарапалъ концомъ ножа въ уголокъ зеркала—и увидалъ... стекло!

Но не стала ли таинственная ртуть еще болѣе таинственной послѣ того?

Несомнѣнно. Ибо развѣ не чудесно было и то, что сдѣлать я? Я соскоблilъ ножомъ каплю красной краски и увидѣлъ, что чудесное стекло стало стекломъ самымъ обыкновеннымъ! прильнувши къ тому мѣсту, гдѣ я скоблilъ, можно было сквозь стекло видѣть комнату...

Гдѣ я былъ до той поры, въ которой блеснулъ первый лучъ моего сознанія, пробужденнаго свѣтлымъ стекломъ, висѣвшимъ въ тяжелой рамѣ между колоннокъ туалета? Гдѣ я былъ до той поры, въ которой туманилось мое тихое младенчество?

— Нигдѣ,—отвѣчаю я себѣ.

Но, въ такомъ случаѣ, я, значить, не существовалъ до этой поры?

— Нѣтъ, не существовалъ.

Но тутъ вмѣшивается сердце:

— Нѣтъ. Я не вѣрю этому, какъ не вѣрю и никогда не повѣрю въ смерть, въ уничтоженіе. Лучше скажи: не знаю. И незнаніе твое—тоже тайна.

Моя память такъ безсильна, что я почти ничего не помню не только о своемъ младенствѣ, но даже о дѣтствѣ, отрочествѣ. А вѣдь существовать же я! И не только существовалъ,—думалъ, чувствовалъ, и такъ полно, такъ жадно, какъ никогда потомъ. Гдѣ же все это?

Это тоже тайна. И всюду она, эта всепроникающая власть тайны, власть, чаще всего злая, враждебная намъ.

Чѣмъ только ни мучила она меня въ пору моего младенчества!

Три свѣчи въ комнатѣ—къ чьей-нибудь смерти.

Вой собаки ночью—къ смерти.

Воронъ, пролетѣвшій со свистомъ крыльевъ низко надъ домомъ,—къ смерти.

Разбитое нечаянно зеркало—къ смерти.

Черный коленкоръ, накинутый на него,—символь смерти!

А что творится ночью на чердакахъ, въ' полѣ, на кладбищѣ! Что отражается по ночамъ передъ бѣдою въ зеркалахъ!

— Вошла я это, матушка-барыня, ночи за двѣ передъ тѣмъ, какъ барышнѣ умереть, глянула на туалетъ, а въ зеркалѣ стоитъ кто-то бѣлый-бѣлый, какъ мѣлъ, да длинный-предлинный!

— Да, небось, платье твое отразилось.

— И, Богъ знаетъ что! Развѣ я не помню, въ чемъ была? То-то и дѣло, что въ юбкѣ въ одной бумазейной да въ темной кофточкѣ!

И я порою думалъ: ужъ не права ли ты, моя старая наставница?

На зеркаль и до сихъ поръ видна царапина, сдѣланная моею рукой много лѣтъ тому назадъ,—въ ту минуту, когда я пытался хоть глазкомъ заглянуть въ невѣдомое и непонятное, сопутствующее мнѣ отъ истока дней моихъ до грядущей могилы.

Я видѣлъ себя въ этомъ зеркаль ребенкомъ—и вотъ уже не представляю себѣ этого ребенка: онъ исчезъ навсегда и безъ возврата.

Я видѣлъ себя въ зеркаль отрокомъ, но теперь не помню и его.

Видѣлъ юношей—и только по портретамъ знаю, кого отражало когда-то зеркало.

Но развѣ мое—это ясное, живое и слегка надменное лицо? Это лицо моего младшаго, давно умершаго брата. Я и гляжу на него, какъ старшій: съ ласковой улыбкой снисхожденія къ его молодости. А въ зеркаль отражается печальное и, увы, уже спокойное лицо!

Настанетъ день—и навсегда исчезнетъ изъ міра и оно.

И отъ попытокъ моихъ разгадать жизнь останется одинъ слѣдъ: царапина на стеклѣ, намазанномъ ртутью.

1906 г.

А С Т М А.

I.

— А и глухая же сторона наша!—весело сказалъ землемѣръ своимъ груднымъ, слегка сиπлымъ теноромъ.

И, наклонившись, худой волосатой рукой подсунулъ подъ сидѣнныя телѣжки, стоявшей возлѣ хуторской конторы, старыя пыльные ботинки, завернутыя въ газету.

Былъ теплый сухой вечеръ конца августа—вечеръ среди степныхъ полей, такихъ задумчивыхъ и мирныхъ въ засуху поздняго лѣта, послѣ уборки хлѣба. Солнце только-что закатилось за вишневымъ садомъ, окружавшимъ контору, и не оставило никакихъ красокъ послѣ себя. Развѣ вотъ стало блѣднѣе голубое однотонное небо, яснѣе луна на востокѣ, спокойнѣе лиловатыя волнистыя равнины, да слышнѣе осторожный трескъ пересохшихъ за лѣто стручковъ акаціи... Была во всемъ этомъ какая-то большая грусть, но землемѣру и она была пріятна. Все трогало его нынче, но почему—Богъ знаетъ. Это чувство, что все хорошо, все восхитительно, бывало у него послѣ долгихъ томленій въ астмѣ. Но астма не душила давно, уже больше мѣсяца.

Помѣщикъ Стопкій, высокій бѣлоглазый блондинъ въ батистовой косовороткѣ и лакированныхъ сапогахъ, посмотрѣлъ съ крыльца съ той благодушно-презрительной улыбкой, которая всегда появлялась у него на лицѣ послѣ двухъ-трехъ рюмокъ. Нынче ихъ было выпито пять, и угреватое лицо бывшаго семеновца стало такъ сизо, что рѣдкіе бѣлые волосы, тщательно причесанные на косой рядъ, казались льняными, а глаза голубовато-оловянными. И глаза эти съ легкой улыбкой оглядѣли землемѣра — кожаную куртку на шитой малорусской рубахѣ, штаны, заправленные въ сапоги, по-цыгански загорѣлое и волосатое лицо съ добрыми блестящими глазами,

черную съ просѣдью бороду... Кивнувъ работнику, державшему подъ уздцы коренника, помѣщикъ отвѣтилъ:

— Глухая-то глухая, а вотъ голову кореннику надо опустить.

Но землемѣръ замахалъ руками.

— Ни Боже мой!—поспѣшно и весело сказалъ онъ мягкимъ груднымъ голосомъ.—Люблю, грѣшный человѣкъ, съ шикомъ проѣхать. Вотъ свернемъ на дорожку, да и съ Господомъ.

— Да и курите же вы!—вставилъ помѣщикъ равнодушно.

— И покурить люблю!—отвѣтилъ землемѣръ, привычнымъ жестомъ доставая изъ бокового кармана камышевый мундштукъ и старый серебряный портсигаръ съ московскимъ кремлемъ на крышкѣ.

И, быстро крутя папиросу, еще разъ оглядѣлъ телѣжку.

Да, все въ исправности! Чуйка на сидѣнн, сундукъ съ причиндалами—подъ козлами, тренога—сзади. Про лошадей же и говорить нечего. Съ закрученными въ узлы хвостами и съ задраной мордой коренника—прямо щеголи: часъ ѣзды до неба!

— И, стало-быть, прощенія просимъ!—сказалъ землемѣръ, снявъ бѣлый, пропотѣвшій по околышу картузь и по-военному щелкнувъ каблуками.—Тысячу рублей денегъ и дѣтей кучу! Дай, Боже, и на лѣто то же.

Вынулъ и помѣщикъ свой портсигаръ,—плоскій, съ оранжевымъ жгутомъ, съ монограммами вкривъ и вкосъ,—и, постукивая мундштукомъ папиросы о крышку, мутно усмѣхнулся.

— Живы ли еще будемъ, господинъ хорошій!—сказалъ онъ.

— Чтò?—воскликнулъ землемѣръ, поднимая большія черныя брови.—Да ни за что не умру! Вы тамъ какъ себѣ хотите, а я—насъ. Нѣтъ на то моего полного согласія.

— Насъ съ вами не спросятъ,—сказалъ помѣщикъ.

— А безъ спросу—это ужъ не тае... не годится.

— Не годится-то не годится,—сказалъ помѣщикъ,—а признайтесь-ка, потрухиваете, небось? Не даромъ не любите разныхъ тамъ пятницъ, понедѣльниковъ и тому подобнаго...

Землемѣръ сдвинулъ кистью руки картузь на затылокъ и слегка нахмурился.

— По совѣсти сказать, не знаю,—отвѣтилъ онъ, глядя въ землю.—Боюсь, если говорить правду, всю жизнь—и весьма основательно боюсь. Въ хорѣ пѣлъ, по покойникамъ читалъ, а не привыкъ вотъ...

— То-есть какъ по покойникамъ?—спросилъ помѣщикъ.—Развѣ вы изъ духовныхъ?

— Отчасти,—сказалъ землемѣръ.—Дѣдъ—дядюшкѣ, отецъ—землемѣръ, а я, вѣрно, въ дѣда. Въ молодости чуть не всю Библию наизусть зналъ. Теперь забывать сталъ...

— Стара стала, слаба стала,—вставилъ помѣщикъ армянскимъ голосомъ.

— Да нѣтъ,—простодушно возразилъ землемѣръ.—Мнѣ вѣдь всего сорокъ пятый. А вотъ—астма! Помните въ Долгомъ коричневаго рогатаго чорта на алтарной двери? Лежить съ высунутымъ языкомъ, а Гавріилъ наступилъ ему на грудь и копьемъ его... Такъ вотъ и смерть: наступить, а ты вывертывайся!

— Охъ, какая чертовщина!—прибавилъ онъ, закрывая глаза.—Гробъ, свѣчи, вѣнчикъ... А потомъ—погостъ, ночь, холодъ, темъ, лозинки отъ вѣтра гудуть... А ты лежишь безъ шапки, въ одномъ сюртучкѣ, весь гнилой, лиловый... Эхъ, умирать бы по-птичье, по-звѣриному!

— Ну, это ужъ философія,—сказалъ помѣщикъ.—Звѣритуть ни при чемъ. Звѣрь издохъ—и дѣло съ концомъ.

— Вотъ именно!—воскликнулъ землемѣръ.—Попроше, понимаете, надо! Я, конечно, въ этихъ штукаx—какъ крогъ въ соломѣ, но чтѣ такое смерть? „Я, Чувиль, веселая...”

Работникъ, державшій лошадей, засмѣялся и деликатно отвелъ глаза въ сторону.

Засмѣялся и помѣщикъ.

— Это еще чтѣ за Чувиль такой?

— Да сказка такая есть,—отвѣтилъ землемѣръ съ разсѣянной улыбкой.—Жилъ-былъ, понимаете, какой-то Чувиль, и выросли у него на яблонькѣ золотыя яблоки. Ну, конечно, съ ума сошелъ мужикъ, стережетъ пуще зѣницы ока... И вдругъ въ одну прекрасную ночь—шастъ къ нему въ садъ Баба-Яга. Носъ крючкомъ, голова сучкомъ, но веселая-развеселая! „Дай яблочка...” Оробѣлъ мужикъ, тряхнулъ яблоньку... „Нѣтъ, ты,—говорить,—изъ ручки въ ручку дай!” И цапъ его за руку, да въ лѣсъ, въ избушку. А въ избушкѣ сидятъ, понимаете, дѣвки ея простоволосыя: Аленка и Акулька. Вотъ Яга и говоритъ этакъ безнечнo: „Сжарь-ка мнѣ, Аленушка, Чувилья къ ужину, а я пока по дѣлу сбѣгаю...” Сейчасъ Аленка къ печкѣ, разжарила ее—чертямъ тошно, посадила мужика на лопату—и трахъ въ огонь! Да не тутъ-то было! Уперся мужичишка бокомъ, никакъ не всунетъ его Аленка. „Чтѣ жъ ты,—говорить,—не лѣзешь?”—„Да я не умѣю,—ты научи, какъ сѣсть-то...”—„У, дуракъ, да вотъ такъ-то!” А Чувиль—шмыгъ ее въ нечъ!

— Да и говорунъ же вы!—сказалъ помѣщикъ.—Вотъ у

насъ въ полку былъ нѣкто Шаховъ не хуже васъ: уморительный субъектъ.

— Ну-съ,—не слушая, продолжалъ землемѣръ:—та же самая исторія происходитъ и съ Акулькой...

— Позвольте,—перебилъ помѣщикъ:—я не понимаю: опять, что ли, мужикъ дѣвку зажарилъ?

— Ну конечно!—воскликнулъ землемѣръ.—Да суть-то не въ томъ, а въ томъ, что все-таки добралась Яга до мужика. Посадила на лопату, тащить въ печь, да еще и посмѣивается: ужъ и легкожъ же ты, мужикъ! „А ты кинь,—говорить мужикъ:—авось на вѣкъ не налопаешься!“—„Да мнѣ и лопать-то не хочется...“—„Вотъ те на! Такъ чего жъ тебѣ хочется?“—„А поиграть, да силу твою попробовать: я вѣдь, Чувиль, веселая!..“

— Хороша, стерва, веселая!—сказалъ помѣщикъ.

Землемѣръ помолчалъ, разсѣянно глядя въ землю, и вдругъ засмѣялся.

— Дѣйствительно!—подхватилъ онъ, смѣясь и думая о чемъ-то своемъ.—Дѣйствительно! Есть, знаете, у насъ въ Долгомъ лавочникъ и ростовщикъ, Иванъ Павловъ... Плутъ первостатейный, но деликатенъ—на рѣдкость. Ростомъ подъ потолокъ, сюртукъ—по щиколки, глаза косые, томные... И вотъ умираетъ въ прошломъ году у нашего попа сынъ... Является Иванъ Павловъ, краснѣетъ, какъ дѣвица, и говоритъ: „Имѣю честь, батюшка, поздравить съ новопреставленнымъ!“

— Это великолепно!—воскликнулъ помѣщикъ.—Имѣю честь поздравить съ новопреставленнымъ!

— Такъ вотъ,—докончилъ землемѣръ:—мнѣ все и лѣзетъ въ голову: задохнешься ночью, а Иванъ Павловъ войдетъ этакъ вѣжливо, поздоровается со всѣми за ручку—и радостно поздравить... Но однако пора и честь знать. Доброго здоровья, Николай Николаевичъ! Спасибо за ласку.

— Прощайте, Егоръ Гаврилычъ,—сказалъ помѣщикъ.—Не забывайте.

— Не прощайте, а до свиданія!—шутливо подчеркнул землемѣръ, разбирая вожжи.

И легко вскочилъ въ телѣжку.

Работникъ посторонился, и лошади сразу тронули рысью. Помѣщикъ посмотрѣлъ на широкую и слегка сутулую спину землемѣра и вдругъ, посинѣвъ отъ натуги, заоралъ не своимъ голосомъ:

— Домой!... Дом-мой, тебѣ говорятъ!... Тишка, лови!

Землемѣръ обернулся и увидалъ со всѣхъ ногъ бѣгущаго

работника. Оказалось, что пѣгій легашъ Кадо выскочилъ изъ окна и кинулся слѣдомъ за телѣжкой. Но, услыжавъ крикъ, тотчасъ же прижался къ землѣ и виновато поползъ въ сторону. Землемѣръ посмотрѣлъ, какъ работникъ ловилъ собаку за ошейникъ, и засмѣялся, какъ ребенокъ.

— Боже, что за чудесный пестъ!—подумалъ онъ съ нѣжностью.

А лошади уже вынесли телѣжку, мимо картофельныхъ ямъ и старыхъ ометовъ, въ поле.

II.

Съ полчаса землемѣръ разсѣянно слушалъ ладный топотъ копытъ по гладкой августовской дорогѣ.

Еще свѣтло было, и дорога, убѣгавшая на востокъ, между пожухнувшими картофельными клинами, казалась фіолетовой.

Землемѣръ смотрѣлъ въ даль, гдѣ поля замыкались линіей узкоколейной чугунки, курилъ и пріятно пьянѣлъ отъ несвязныхъ пѣвучихъ мыслей.

Огромный чистый западъ, чуть тронутый розовымъ тономъ надъ горизонтомъ, былъ еще свѣтелъ. Но сиротливо было въ поляхъ. Сиротливо дремали на кочкахъ кроткіе хохлатые жаворонки: услышитъ топотъ копытъ, сонно побѣжить по пашнѣ—и опять замреть на кочкѣ... Вяло и терпко пахло картофельной ботвой, горько тянуло дымкомъ откуда-то издалека: это мальчишки стерегутъ въ поляхъ лошадей и отъ скуки жгутъ сухую полынь, суволоку... А по дорогѣ попадались корки мелкихъ воронежскихъ арбузовъ и напоминали о томъ, что скоро большая осенняя ярмарка въ городѣ и что надо ѣхать продавать пристяжную, покупать капусту, поправлять зимнія рамы—и начинать новый скучный годъ.

И землемѣръ съ нѣвучей грустью посмотрѣлъ направо, на пустынные сѣроватыя поля, надъ которыми уже рѣялъ чуть серебристый и, какъ всегда въ засуху, разсѣянный лунный свѣтъ.

— Любопытно однако знать,—подумалъ онъ,—что это со мною сегодня? Чего это я разболтался и развеселился? Положимъ, не былъ дома уже двѣ недѣли... дѣлъ передѣлалъ кучу... Да нѣтъ, не то! Можетъ-быть, водка? Но много ли было выпито? Сущій вздоръ,—двѣ-три рюмки... Что же, въ такомъ случаѣ?

Но тутъ лошади стали: шлагбаумъ на переѣздѣ черезъ линію былъ опущенъ,—значить, нужно было слѣзать и стучать въ будку.

Спокойный, безцвѣтный свѣтъ запада, подобный свѣту бѣ-

лыхъ ночей, еще отражался въ окнѣ будки, и будка показалась землемѣру необитаемой, почти страшной съ этимъ тусклымъ блескомъ стеколъ и тишиной вокругъ.

— Переѣзжать ли?—подумалъ онъ.

Можно было переѣхать тутъ и держать путь на Пальну, Каменку... Можно и возлѣ слѣдующей будки: тогда дорога пойдетъ по опушкѣ большой Кастюриной Дубровки, а потомъ по глухимъ дугамъ на Ястребинъ-Колодець...

И землемѣръ остановился въ нерѣшительности.

Но слышался ровный, медленный скрипъ телѣги. И, взглянувъ направо, землемѣръ увидалъ въ легкомъ лунномъ сіяніи большую бѣлую лошадь,—старую, сѣдловатую, въ гречкѣ, съ отвислыми губами. Черепъ ея былъ огроменъ, похожъ на тѣ лошадиныя черепа, что валяются среди бурьяна въ южныхъ степяхъ; пукъ соломы, засунутый подъ узду, дико торчалъ возлѣ праваго полуприкрытаго глаза.

— Куда прешь!—крикнулъ землемѣръ, замахиваясь кнутовищемъ.

Но лошадь точно и не слыхала.

Зрѣло сипя отъ запала, она прошла возлѣ самаго его плеча, а за нею показалась скрипучая телѣга, пахнущая дегтемъ и рогожей. Лохматый рыжій мужикъ, въ распоясанной красной рубахѣ, лежалъ въ телѣгѣ внизъ лицомъ. Подоль рубахи завернулся на спину, и видна была голая поясница, а ниже—ошкуръ низко спущенныхъ портокъ, крѣпко врѣзавшійся въ тѣло.

— Эй, дядя!—шутливо крикнулъ землемѣръ дрогнувшимъ голосомъ.—Ай померь?

Но мужикъ не поднялъ головы, не отозвался на крикъ.

И землемѣръ, уже не раздумывая, ударилъ правой вожей. Телѣжка чуть не перевернулась отъ крутого поворота и шибко покатила возлѣ линіи, за которой неясно серебрилось надъ полями лунное сіяніе.

Попрежнему на душѣ было и хорошо, и грустно, и тревожно... Все благополучно, все слава Богу, но чего-то недостаетъ... людей, можетъ-быть, жилья, пріятеля... Хотѣлось пѣть, рассказывать свою жизнь... Спросить кого-нибудь: что же наконецъ, будетъ на томъ свѣтѣ что-нибудь или нѣтъ? Райскія яблочки и черти въ неугасимомъ пламени, конечно, вздоръ... Но вѣдь вздоръ и полное исчезновеніе. Зачѣмъ родился? Зачѣмъ росъ, любилъ, страдалъ, восхищался? Зачѣмъ такъ жадно думалъ о Богѣ, о смерти, о жизни?

— Зачѣмъ, позвольте васъ спросить?—сказалъ землемѣръ вслухъ.

Существовать на томъ свѣтѣ въ теперешнемъ видѣ онъ, конечно, не будетъ. Ибо, если онъ будетъ существовать, значить, и эти лошади будутъ существовать... и мириады мириадъ всѣхъ прочихъ лошадей, звѣрей, птицъ, жучковъ, несмѣтныхъ мошекъ... Но и безслѣдно исчезнуть онъ не можетъ. Онъ этому никогда не вѣрилъ. Истощенъ заботами, болѣзнию, а жить, сохранить себя хочетъ жадно. И поминутно трепещетъ за свою жизнь, во всемъ чувствуетъ злобу, тайну, враждебность... Лунный свѣтъ въ пустынныхъ поляхъ, тишина, темный камень вдали, коренникъ, который вдругъ насторожить уши,— все страшно. Днемъ, когда вспоминаешь, просто, незначительно, а ночью—страшно...

— Какъ васильки,—подумалъ землемѣръ.—Днемъ синіе, а погляди вечеромъ, при лампѣ: лиловые!

— Пи-пи-пи! — тонко и хищно зазвучало вдругъ гдѣ-то вверху, въ разсѣянномъ лунномъ свѣтѣ.

Землемѣръ оглянулся, увидалъ поле, телеграфныя столбы, тусклый блескъ, бѣгущій навстрѣчу ему по рельсамъ,—и на душѣ у него стало еще тревожнѣе. Этотъ пискъ, пискъ кобчика или совки, затерявшійся въ лунномъ свѣтѣ, напомнилъ ему, что безмолвный вечеръ кончился и въ поляхъ начинается таинственная ночная жизнь. Кроткіе хохлатые жаворонки, проводящіе свои послѣдніе дни въ осиротѣвшей степи, теперь спятъ. Но зато проснулись и всю ночь будутъ съ жалкимъ пискомъ голода гоняться другъ за другомъ всѣ эти мелкіе и крупныя хищники, дремавшіе днемъ на телеграфныхъ проводахъ, таившіеся во рвахъ и на лѣсныхъ опушкахъ... Позѣвывая, выползла изъ своей норы въ каменистомъ оврагѣ лисица, вышла на лунный свѣтъ и осторожно потянула по скату, поводя пушистымъ правѣломъ... Электрическими зелеными огоньками вспыхнули волчьи глаза въ дубовомъ кустарникѣ... И, представивъ себѣ красоту этихъ глазъ, землемѣръ почувствовалъ приступъ жуткаго восторга.

Да, какъ жалко тѣвкаетъ лисица, если она худа, тоща, выгнана изъ своей норы болѣе сильнымъ звѣремъ,—какимъ-нибудь угрюмымъ когтистымъ барсукомъ! Какъ плаксиво и зло скулить соколовъ голодный! И какъ томно потягивается и улыбается лисица сытая, съ густой лоснящейся шкурой! Какимъ звонкимъ и дерзкимъ смѣхомъ заливается этотъ тонкоголосый соколокъ, выбивши добычу у другого, слабаго!

— Я, Чувиль, веселая! — вспомнилъ землемѣръ, зорко глядя на качавшуюся дугу, и содрогнулся отъ сладострастной жуты.

III.

Опять лошади стали передъ будкой на переѣздѣ черезъ рельсы, и опять загородила дорогу перекладина шлагбаума.

Но на дворѣ уже ночь—блѣдная, сухая, лунная—и будка не похожа на первую. Эта живая, привѣтливая, манить къ себѣ внутрь, гдѣ горитъ лампа и топится печь: видна яркая пасть печи, пляшущая большими языками красно-оранжеваго пламени.

— Эй, добрые люди!—слабо крикнулъ землемѣръ, обрадованный жильемъ.—Пропустите старичка за-ради Бога!

И тотчасъ же ожесточенно, захлебываясь, задаяла возлѣ лошадей маленькая лохматая шавка, и босая дѣвочка, лѣтъ шести, скромненько и дѣловито подошла къ столбу шлагбаума.

Загремѣла цѣпь, и огромный журавль, медленно и плавно вырастая, потянулся головой къ небу.

— Ты будочникова, дѣвочка?—спросилъ землемѣръ ласково.

— Будочникова, — сдержанно отвѣтила дѣвочка и, наклонивъ головку и мелко перебирая босыми ножками, пошла поднимать вторую перекладину шлагбаума, за которой лунный свѣтъ и пустынное жнивье сливались во что-то легкое, свѣтлое и серебристое, какъ далекое море.

— А самъ будочникъ дома?—спросилъ землемѣръ, чтобы проболтать нѣсколько лишнихъ минутъ съ живымъ существомъ.

Дѣвочка, не оборачиваясь, отвѣтила:

— Онъ у городи.

Землемѣръ постоялъ, подумалъ.

— Жалко!—сказалъ онъ.—А что это у васъ печь топится?

— Мать воду грѣетъ,—отвѣтила дѣвочка.

— Ай хлѣбы ставить?

— Нѣтъ, у насъ малый померъ.

Землемѣръ широко раскрылъ глаза.

— Какъ померъ?—сказалъ онъ тревожно.—Когда?

— Сейчасъ только.

— А великъ малый-то?

— Семей мѣсяць пошелъ.

Землемѣръ облегченно вздохнулъ.

— Ну, ничего!—сказалъ онъ.—Мать еще родить.

— Да намъ его не жалко, — просто отвѣтила дѣвочка. — У насъ ихъ пятеро. Да еще одного недавно зарѣзало.

— Машиной?

— Машиной. Мать валяла пироги, а онъ выползъ изъ будки и заснулъ... Насъ судили за него, изъ могилы его откапывали, думали, что мы нарочно положили.

Землемѣрь засмѣялся:

— Ахъ, ты, злодѣйка этакая! Ну, прощай, спасибо за хлопоты!

— Часъ добрый, — сдержанно отвѣтила дѣвочка.

И лошади съ грохотомъ перенесли телѣжку по деревянной настилкѣ къ тому свѣтлому и легкому, что было впереди, взяли немного вправо, и опять колеса, сорвавшись съ настилки, съ мягкимъ шорохомъ покатались по сухой ровной дорогѣ.

И опять мысли надолго затерялись въ однообразно ладномъ стукѣ копытъ, который безстрастно слушало только блѣдное и все выше поднимавшееся лицо луны.

— Просто къ переменѣ погоды, — подумалъ землемѣрь, подбадривая себя и стараясь опредѣлить причины своего безпокойства. — Эй, эй, милыя, не рано!

Но теперь, когда осталось сзади послѣднее жильѣ, бодрья слова уже не помогали. Глаза жадно всматривались въ даль... Что это на томъ дальнемъ косогорѣ, за ложиной, въ свѣтлой дымкѣ? Что-то длинное, темное, зубчатое... Стѣна, остатки жилья? Нѣтъ, просто безхозийная, забытая въ полѣ конна... За ней — опять косогоръ и опять лужокъ, выходящій въ разлугую голую долину, серебристо-туманную подъ луной... Но тамъ что-то болѣе блестящее, чѣмъ все остальное... И на немъ что-то двигается... Волкъ?

Землемѣрь вставилъ два пальца въ ротъ, рѣзко свистнулъ и натянулъ вожжи. Постромки пристяжной обвисли, коренникъ насторожилъ уши и пошелъ тише... Ёдко и пріятно запахло лошадинымъ потомъ... Что-то темное, двигавшееся на косогорѣ, блестящемъ отъ озими, подняло голову... Стало страшно...

Но прошло нѣсколько минутъ — и по чему-то тупому, что было въ приближающейся фигурѣ, землемѣрь узналъ, что это — теленокъ... Вѣрно, пѣгій, съ бѣлыми рѣсницами, глупый... Поднялъ голову и уставился...

Есть что-то глухое, дикое въ этихъ осеннихъ безнризорныхъ скитаніяхъ телятъ. Какъ только начинаютъ прорастать озими, они надолго и далеко уходятъ въ опустѣвшую степь. И по цѣлымъ недѣлямъ бродятъ по ней, дичають, пріобщаются къ таинственной жизни звѣрей и хищныхъ птиц...

— А свиньи! — подумалъ землемѣрь. — Черные упрямые борова, съ туго завернутыми винтами хвостиковъ! Тѣ совсѣмъ отбиваются осенью отъ дому, Богъ знаетъ куда уходятъ по лугамъ и косогорамъ... Роютъ подъ кустами, по пригоркамъ, что-то выкапываютъ, чавкаютъ и прутъ дальше, повиливая крѣпкой тушей... Иной разъ обомрешь со страху, когда этакій чортъ вдругъ хрюкнетъ и выставитъ изъ куста удивленное рыло... А какая злоба, силища!

Мелькала серебристая полынь вдоль дороги, проходили темныя равнины пашень, полосы радужно-зеленыхъ озимей, тускло поблескивали подковы пристяжной, женственно отвернувшей голову отъ коренника... Гордо несъ голову могучій коренникъ, шедшій дробной рысью... Землемѣру хотѣлось курить, надоѣло сидѣть... Волнуясь все болѣе при мысли о томъ сильномъ, безпощадномъ и красивомъ, что окружало его со всѣхъ сторонъ и точно вызывало на состязаніе, онъ все безпокойнѣе ждалъ чего-то. Надоѣло и волноваться,—отъ этого безпричиннаго волненія сдавливало виски и холодѣли руки,—надоѣло ждать, но внутренній голосъ все настойчивѣе говорилъ, что ожиданія не напрасны. И, какъ бы подтверждая это, коренникъ вдругъ фыркнулъ. Землемѣръ вздрогнулъ, глянулъ на него—и увидалъ, что онъ идетъ съ чутко и строго поднятыми ушами, съ какою-то преувеличенной бодростью, почти съ наглостью.

Страхъ холодомъ прошелъ по всему тѣлу землемѣра. Чтобы поскорѣе увидеть то, что должно увидеть, онъ откинулъ лѣвый бокъ и пристально взглянулъ впередъ. Впереди то же, что и было: пустое поле и лунное сіяніе. Но поле это идетъ слегка подъ изволокъ, дальше опять повышается—и замыкается темной, высокой и такой красивой въ лунномъ свѣтѣ стѣной старой Кастюриной рощи...

Вотъ она приближается и приближается, темнѣетъ все гуще... Ясно видна широкая спокойная тѣнь, падающая отъ ея стѣны на поле... Доносится легкая лѣсная свѣжесть вмѣстѣ съ сухимъ и душистымъ тепломъ дуба... А вотъ роща уже и совсѣмъ близко—и тѣнь стала рѣзче, лунный свѣтъ ярче, роща подъ луною чернѣе, выше, значительнѣе... Еще минута—и телѣжка въ тѣни, катится по гладкой и слегка влажной дорогѣ вдоль опушки... Направо—пашни, налѣво—роща... И далеко видны свѣтлыя поляны среди живописныхъ старыхъ дубовъ.

— Ахъ, хорошо!—съ жуткимъ восхищеніемъ хотѣлъ сказать землемѣръ—и вдругъ замеръ съ широко открытыми глазами.

Изъ тѣнистой рощи легко и быстро, прямо на него, бѣжала большая бѣлая лошадь.

IV.

— Неужели та самая, что съ звонкимъ сипомъ прошла давеча возлѣ будки?

Сладострастный трепеть ужаса еще разъ болючимъ холодомъ прошелъ отъ корней волосъ по всему тѣлу, — и земле-

мѣръ потянулъ вожжи, чтобы разглядѣть шибко бѣгущую къ нему лошадь.

Но уже ясно было, что не та.

Медленно тащила скрипучую телѣгу бѣлая кобыла, встрѣтившаяся возлѣ будки. Годы, тяжкая работа, голодъ, неволя сдѣлали ее страшной, костлявой, почти съ крикомъ хватающей воздухъ легкими... Эта же шла бодро, чисто, едва касаясь земли. И такъ гордо и граціозно несла свою голову, что сразу было видно, что она молода, породиста, ни одного дня не знала упряжи...

Но въ этомъ-то и былъ ужасъ. И ошеломленный землемѣръ съ размаху рванулъ вожжи.

Коренникъ высоко задралъ морду и заплясалъ, пристыжая со всего разбѣга ослѣла на заднія ноги. Но тутъ бѣлая лошадь, какъ перышко, перенеслась черезъ канаву возлѣ опушки и вся выскочила на ея высокій валъ. И, увидавъ ее, коренникъ дико всхрипнулъ, пристыжая такъ шарахнулась къ оглоблѣ, что она треснула, — и телѣжка вихремъ, вприпрыжку понеслась по пашнѣ. Землемѣръ, не помня себя, вскочилъ на ноги, въ два замаха замоталъ на руки вожжи и, откинувшись назадъ, изо всей силы рванулъ къ себѣ лѣвую вожжу. И коренникъ, мотая головою отъ удилъ, раздиравшихъ ему челюсти, понесъ обратно, на дорогу, къ лошади, стѣсненно стоявшей на валу.

Она казалась литой изъ серебра. Но, какъ только колеса телѣжки стукнулись о дорогу, тотчасъ же прыгнула съ вала, дала телѣжкѣ мелькнуть мимо себя, — землемѣръ близко видѣлъ ея прекрасные блестящіе глаза, — и весело побѣжала слѣдомъ.

— Грабятъ! — крикнулъ землемѣръ ахтомъ и бросилъ вожжи.

Мелькнули послѣдніе дубки рощи, телѣжка, какъ по рубелю, сдѣлала нѣсколько отчаянныхъ прыжковъ по перекопамъ — и опять въ глаза грянуло широкое пустое поле и неясный лунный свѣтъ надъ нимъ. Землемѣръ обернулся — и увидѣлъ, что и лошадь уже въ полѣ — бѣжитъ за телѣжкой по сѣрой дорогѣ. Только поблѣднѣла немного, какъ поблѣднѣлъ въ полѣ и самый лунный свѣтъ...

— Съ нами крестная сила! — пробормоталъ землемѣръ, съ трудомъ переводя свистающее дыханіе и опять натягивая вожжи.

И опять оглянулся.

Увы, и бѣлая лошадь пошла тише!

И, попрежнему, выраженіе ея морды было спокойно и вызывающее.

— Ну, притворюсь, что мнѣ все равно, — рѣшилъ землемѣръ, снова чувствуя приступъ ужаса, но уже не рѣзкаго и сладостнаго, а холоднаго, безнадежнаго, кошмарнаго.

И погналъ пару подъ изволокъ, въ безконечный Ястребинъ-Колодець.

Мелкая безыменная рѣчка поблескивала и бѣжала по его широкой долиньѣ, — настолько мелкая и прозрачная, что можно было сосчитать подъ водой бѣлые камешки днища. Какъ чешуя рыбы, поблескивала она подъ луною, и печаленъ былъ въ эту лунную ночь каменистый и пустынный Ястребинъ-Колодець!

Но любоваться было не время.

Нужно было зорко править, чтобы не вылетѣть на выбоинахъ спуска, нужно было ловко повернуть полной рысью вправо, а потомъ — въ бродъ, не давъ парѣ заартачиться. Но лошади и сами понимали дѣло — цѣлко пронеслась пристыженная по узкой тропочкѣ надъ обрывомъ косогора, какъ разъ во-время вильнулъ влѣво коренникъ и увѣренно кинулся въ рѣчку... Прѣсно и тепло пахнуло водой — и колеса съ шумомъ заklubились въ серебрѣ и алмазахъ, сыплющихся въ стороны, глухо застучали по размытымъ бѣлымъ камнямъ...

— Глянуть ай нѣтъ? — подумалъ землемѣръ. — Нѣтъ, не надо.

И тотчасъ же оглянулся.

Бѣлая лошадь опять была въ двухъ шагахъ отъ него!

Она какъ разъ по слѣду телѣжки вбѣжала въ воду — и почему-то остановилась. Остановилась и, балуясь, била воду тонкой ногой, поднимая бѣлоснѣжную пѣну. Блѣдное, блестящее лицо луны плавало возлѣ телѣжки слѣва, а сзади стояла красивая и страшная лошадь съ темными человѣчьими глазами.

— Пропалъ я! — съ радостнымъ отчаяніемъ подумалъ землемѣръ и погналъ на берегъ.

И черезъ минуту грохотъ колесъ рѣзко оборвался — и, блестя мокрыми шинами, ровно покатались они по мелкому щебню побережья въ смутную, слегка сизую даль безконечнаго луга... Луна осталась сзади.

Чтобы узнать, цѣла ли тренога, землемѣръ еще разъ взглянулъ назадъ и, къ удивленію своему, лошади не увидалъ. Глянулъ влѣво, на скатъ голаго косогора, глянулъ вправо, на прозрачную воду, бѣгущую по бѣлымъ плитамъ, потомъ опять назадъ... Только широкій лугъ, весь, какъ свѣтлымъ дымомъ, напоенный луннымъ сіяніемъ! Но зато на дрогахъ телѣжки, скрестивъ длинныя, тонкія ноги въ разбитыхъ лаптахъ и повернувъ къ землемѣру беззубое лицо, на-

половину освѣщенное луною, сидить и смотреть круглыми глазами нищенка. И землемѣръ, увидавъ ее, ляскнулъ зубами и сипло засмѣялся бессмысленнымъ смѣхомъ.

— Хороша!—сказалъ онъ.—Красива! Ты смерть, что ли? Нищенка молчала.

— Молчишь?—сказалъ землемѣръ.—Значить, это правда?

Нищенка молчала и смотрѣла ему въ лицо неподвижными глазами, положивъ лѣвую руку—большую, костлявую, лиловатую отъ загара—на привязанную къ сидѣнью треногу.

И землемѣръ задумался.

— Нашла съ кѣмъ шутки шутить!—сказалъ онъ горько.— Или мало тебѣ, что ты всю жизнь издѣвалась надо мною?

И вдругъ почувствовалъ такую острую боль горя и обиды, что, не помня себя, взмахнулъ кнутовищемъ. Сладкія слезы злобы сдавили горло, но, какъ только онъ взмахнулъ кнутовищемъ, старуха точно растаяла въ воздухѣ. И внезапно опять зазвенѣлъ гдѣ-то въ небѣ тонкій, радостно-хищный смѣхъ какой-то ночной птицы:

— Пи-пи-пи-пи!

И, замирая, затерялся надъ лугами...

Землемѣръ пришелъ въ себя и медленно перекрестился.

У.

Въ Долгое онъ пріѣхалъ передъ разсвѣтомъ.

Нищенка исчезла возлѣ подъема на хохлацкіе выселки Яреськи. И тотчасъ же послѣ этого онъ безсильно опустил вожжи. Рубашка на немъ была мокрая, сердце билось. Крестьясь, онъ снялъ картузь, вытеръ рукавомъ потный лобъ и, почувствовавъ ознобъ, накинулъ на плечи чуйку.

— Что за чушь!—сказалъ онъ изумленно и посмотрѣлъ въ лугъ.

Но въ лугу было пусто.

Онъ посмотрѣлъ съ горы въ поля за лугомъ, къ юго-востоку—и что-то грозное глянуло ему въ глаза. А, это поднимается зимнее небо! Уже встанутъ яркія полуночныя созвѣздія: треугольникъ изъ алмазовъ Тельца съ рубиномъ Альдебарана посрединѣ, мистическое Всевидящее Око...

Землемѣръ закурилъ съ жадностью, съ упоеніемъ. Потомъ почувствовалъ такую жажду сна, какая бываетъ только въ дѣтствѣ, послѣ долгаго лѣтняго дня.

— Спать, спать!—сказалъ онъ, закрывая глаза и опуская голову.

Лошади шли шагомъ, темныя, ѣдко пахнуція потными хомутами и разгоряченнымъ тѣломъ. Землемѣръ смотрѣлъ на

сбитую на бокъ шлею коренника, хотѣлъ поправить кнутовищемъ — и не могъ.

— Спать, спать! — сумрачно говорилъ онъ, закрывая глаза. — Я, кажется, съ ума схожу.

И тотчасъ же начинало казаться, что телѣжка бѣжитъ подъ гору, и отъ этого замирало сердце, путались мысли...

Вотъ, чувствуется, случилось что-то. Онъ слабо открываетъ глаза и видитъ, что телѣжка стоитъ — и коренникъ съ шумомъ дѣлаетъ то, для чего остановился.

Луна поднялась высоко-высоко, свѣтлая, блѣдная ночь стала еще блѣднѣе, и далеко вокругъ разстилается равнина, покрытая блѣдной полынью... Степь, поздно, тишина, свѣжесть...

И опять коренникъ трогаетъ съ мѣста, и опять все путается. Кажется, что по землѣ, по полыни свѣтлой мглой бѣжитъ туманъ, а въ туманѣ — бѣлая легкая лошадь... Землемѣръ открываетъ глаза — и видитъ, что коренникъ опять стоитъ: большой дымчатый волъ лежитъ посреди глинистой улицы, половина которой покрыта косою зубчатой тѣнью, а кругомъ — хаты, хохлацкіе выселки. Мѣсто ровное, по-степному голое, улица широкая, а направо и налево — блѣдно-голубыя мазанки съ квадратными глиняными трубами, такія молчаливыя и грустныя въ этотъ поздній часъ долгой лунной ночи. И ни звука! Только осторожно и прерывисто трюкаютъ сверчки въ блѣдно-голубыхъ стѣнахъ съ темными окошечками, слюдой поблескивающими противъ луны.

— Ахъ, дуракъ, дуракъ! — съ ласковой укоризной говоритъ землемѣръ кореннику и легонько ударяетъ его вожжей, обѣзжая важно дремлющаго дымчатаго вола съ огромными рогами.

А въ третій разъ онъ открываетъ глаза уже въ Долгомъ, упершись оглоблями въ ворота своего помѣстья. Похоже на Яреськи, — только улица еще шире и длиннѣе, а хаты тѣнутъ въ палисадникахъ. Набѣжалъ туманъ на луну, стало совсѣмъ прохладно, за воротами хрипло и бодро кричитъ басомъ красно-золотой пѣтухъ. Землемѣръ слѣзаетъ съ телѣжки, направляетъ ноги съ родственнымъ чувствомъ къ своему помѣстью, съ легкой тревогой — благополучно ли въ домѣ? — и чуть слышно стучитъ кнутовищемъ въ кухню, въ крайнее окно длиннаго кирпичнаго дома подъ желѣзной крышей, почти невиднаго за высокими мальвами.

И черезъ минуту щелкаетъ задвижка, и на крыльцѣ, ежась и зѣвая, появляется солдатка Василиса, босая, въ короткой юбкѣ, вся теплая и томная со сна.

— Здоровы? — спрашиваетъ землемѣръ, отводя глаза отъ ея голыхъ полныхъ плечъ.

— Слава Богу, живы, здоровы, — улыбаясь и почесывая подъ мышками, говорить Василиса.

— Ну, возьми лошадей, вели Кузьмѣ распредить...

VI.

Дома все было благополучно, жизнь текла обычно, и, какъ всегда по воскреснымъ днямъ, утромъ изъ зала запахло ладаномъ. Землемѣръ, спавшій не раздѣваясь, плеснуть на лицо водою изъ умывальника и выйти въ залъ. Въ залѣ было солнечно. На столѣ, въ простѣнкѣ между окнами, выходящими въ палисадникъ, кипѣлъ золотой самоваръ. Кушечекъ ладана, брошенный Марьей Яковлевной въ его трубу — для праздника — распространялъ сладкій церковный запахъ. Марья Яковлевна, небольшая женщина лѣтъ сорока, похожая лицомъ на Фонвизина, мыла чашки. И, какъ всегда, землемѣръ поздоровался съ ней ласково-пронически и въ томъ же топѣ поговорилъ о дѣлахъ.

Новостей было мало: только ссора съ Иваномъ Павловымъ, который опять приписалъ въ книжкѣ.

— Такой свинья! — воскликнула Марья Яковлевна. — Да покаралъ Господь! Помнишь его бланжеваго быка? Картошкой подавился!

— Издохъ? — спросилъ землемѣръ.

— И часу не прожилъ! — сказала Марья Яковлевна, раздувая ноздри. — Покаралъ Господь!

Потомъ взглянула въ открытое окно и взволновалась еще больше.

— Ну вотъ! Полюбуйтесь! — сказала она. — Боже, какія мои дѣти пошлыя! Опять босикомъ!

Дѣти были въ палисадникѣ. Толстый трехлѣтній Котикъ, одѣтый, какъ дѣвочка, важно ходилъ среди мальвъ, переваливаясь на кривыхъ ножкахъ. Десятилѣтній Павликъ, худенькій, хорошенькій, съ черными и всегда гнѣвными глазами, закатавъ до самаго паха штанишки, цѣлился изъ лука въ воробьевъ. Таня и Оля, бѣлобрысыя и некрасивыя, съ замираніемъ сердца слѣдили за нимъ.

Землемѣръ посмотрѣлъ въ окно, слабо крикнулъ:

— Здравствуйте наследники! — и, улыбаясь, сказалъ: — При чемъ же тутъ пошлость?

— Ну, конечно! — воскликнула Марья Яковлевна. — У тебя все ни при чемъ. Ты ужъ привыкъ потакать имъ!

И, видя, что землемѣръ слушаетъ разсѣяннo, съ изумленіемъ прибавила:

— Да что это ты какъ блаженный какой?

— Уморился,—виновато сказалъ землемѣръ и отверлъ глаза въ сторону...

Передъ обѣдомъ онъ опять спалъ и поднялся съ тяжелой головой.

Бѣсть не хотѣлось, и, какъ среди мухъ въ жаркій день, было томительно сидѣть среди густого терпкаго запаха картофельнаго супа съ бараниной, среди баловавшихся дѣтей и крика Марьи Яковлевны. „Тоже—залъ называется!“—думалъ землемѣръ, съ кислой улыбкой оглядывая знакомую комнату, вдругъ показавшуюся нестерпимо тѣсной, и противныя украшенія на ея стѣнахъ: Тамару въ гробу, крещеніе Руси и выпѣтшіе фотографическіе снимки, на одномъ изъ которыхъ былъ онъ самъ—въ солдатской позѣ, въ сюртукѣ, въ бѣломъ галстукѣ, въ старомодныхъ штанахъ съ раструбами—и Марья Яковлевна, въ фатѣ, съ безсмысленно-вынужденными глазами. Жадно хотѣлось пива, и, когда принесли изъ лавочки холодную бутылку темнаго толстаго стекла, землемѣръ осушилъ ее почти залпомъ. Потомъ вышелъ за калитку палисадника, на скамейку.

Вечеръ былъ ясный, улица, мирная и красивая отъ бѣлыхъ мазаюкъ и разноцвѣтныхъ малывъ, вся роювала противъ заходящаго солнца, блестя стеклами. Стрижи сверлили воздухъ, кружась надъ площадью направо, надъ куполомъ деревянной церкви. И, какъ всегда въ хорошій вечеръ, съ площади, изъ оконъ сидѣльца винной лавки, неслись рѣзкіе, ухабистые басы и альти аристонa—звуки краковяка.

Землемѣръ слушалъ, весь наполняясь этими вызывающими и бьющими по нервамъ звуками, и тщетно заставлялъ себя обдумать что-то.

— Ну, привидѣніе такъ привидѣніе,—тупо говорилъ онъ себѣ, съ болѣзненнымъ наслажденіемъ вспоминая подъ краковякъ только одно, — что бѣлая лошадь была сильна, прекрасна,—и возвращался къ другой мысли.

Мысль эта пришла ему въ голову еще утромъ и затѣмъ уже не покидала его даже во снѣ.

— Почему,—напряженно думалъ онъ:—почему дѣти такъ любятъ игру въ войну, въ охоту и въ какія-то далекія поѣздки?

Чтобы разсѣяться, онъ всталъ и пошелъ къ хатѣ о. Нифонта, жившаго черезъ улицу, напротивъ.

Загорѣлый поднасокъ въ старомъ дворянскомъ картузѣ гналъ по улицѣ кучку темно-лиловыхъ барановъ, тѣснившихся другъ на друга, мелко перебиравшихъ ножками и поднима-

вишихъ золотисто-розовую пыль. Бѣлоголовые ребяташки катали визгливую телѣжку на деревянныхъ кружкахъ вмѣсто колесъ. По тропинкамъ возлѣ палисадниковъ, среди засохшей глинистой грязи, шли бабы съ подоткнутыми подолами и съ коромыслами на плечахъ и низко кланялись поповой хатѣ, не глядя на нее и виляя кострецами. А попъ, тучный, лысый, сидѣлъ на лавочкѣ возлѣ палисадника, одной рукой разбиралъ большую енотовую бороду, а другой гладилъ ходившаго по его плечу тощаго котенка мышинаго цвѣта.

— Здравствуйте, здравствуйте, Юрій Милославскій! — благодушно сказалъ онъ. — Давненько не были. Небось, весь земной шаръ смѣрили?

Землемѣръ подсѣлъ на лавочку и, принужденно улыбаясь, небрежнымъ тономъ разсказалъ, какая „глупѣйшая“ исторія приключилась съ нимъ въ дорогѣ.

Но на о. Нифонта бѣлая лошадь не произвела никакого впечатлѣнія.

— Бываетъ, — сказалъ онъ. — То ли еще бываетъ! Вонъ мои работники недавно жаловались: какъ только они въ сарай, на боковую, такъ сейчасъ же козель за стѣной: бя-я! А я и козловъ-то отроду не водилъ... Слышали, какъ бычокъ-то подковалъ Ивана Павлова?

Землемѣру стало скучно. Вспомнилъ онъ однообразіе зимнихъ и лѣтнихъ дней въ Долгомѣ, вспомнилъ сонъ послѣ обѣда, Марью Яковлевну, выходящую послѣ сна къ чаю съ желтымъ смятымъ лицомъ, засиженнымъ мухами... И, раздражаясь, сказалъ:

— А быка жалко, батюшка! Великолѣпный былъ быкъ! Бывало, бѣжитъ — земля дрожить... Глаза огненной кровью налиты... Не намъ чета...

— То-есть какъ не намъ чета? — удивленно спросилъ о. Нифонтъ, опуская руку, гладившую головастого котенка.

— А такъ, — рѣзко сказалъ землемѣръ и почувствовалъ, что у него похолодѣли руки. — Сила! Я вотъ ноѣхалъ какъ-то прошлой осенью въ городъ, а въ городѣ звѣринецъ, а въ звѣринцѣ — левъ. Сижу вечеромъ въ номеръ, а стекла такъ и заливаются! У меня, понимаете, свѣчка едва коптитъ, померишка вонючій, зеркальце на стѣнѣ отъ духоты и самоварнаго пара побѣлѣло, а онъ — какъ хватить, хватить! Открылъ я окно — темъ, дождь, всѣ забились въ хибарки, а онъ такъ и пануетъ надъ городомъ!.. Ахъ, о. Нифонтъ, — страстно прибавилъ землемѣръ, начиная дрожать отъ волненія: — все-таки нѣтъ ничего на свѣтѣ хуже безсилія!

— Ну, это дѣло другое, — сказалъ о. Нифонтъ. — А то я не

понять сперва, какую мысль вы хотите провести. Понятно, страшная сила! Пишутъ, будто левъ можетъ хвостомъ быка убить...

Землемѣръ вдругъ ласкнулъ зубами. Раскраснѣвшееся солнце только-что сѣло за площадь, и все сразу потускнѣло, поблекло. Непріятный вѣтеръ, пыля по площади, добѣжалъ до поповой хаты, зашумѣлъ въ мальвахъ, и землемѣръ вдругъ дернулся и стукнулъ зубами отъ холода. Торопливо прости-внившись съ о. Нифонтомъ, онъ торопливо перешелъ улицу, торопливо вошелъ въ домъ и, не зажигая огня, бросился на постель въ своемъ кабинетѣ—узкой комнатѣ возлѣ зады. Въ головѣ, пѣвшей краковякъ, вертѣлась назойливо-мучительная мысль о дѣтской любви къ войнѣ, а нывшее тѣло, жадно просило одѣяль, шубъ, полушубковъ. Перепуганная Марья Яковлевна бѣгала по темнымъ комнатамъ, одѣвала его чѣмъ попало, а онъ видѣлъ, что со всѣхъ сторонъ сыплются на него бѣлые лошадиные черепа, заваливаютъ столы, стулья—и задыхался отъ духоты, жары и неловкости подъ этими черепами... А стекла дрожали отъ далекаго львиного рева... Онъ вспомнилъ однако, что это не ревъ, а громъ, и, открывъ глаза, услышалъ шумъ вѣтра за окномъ, увидалъ какой-то золотой сполохъ, озарившій комнату...

— Марья Яковлевна!—крикнулъ онъ слабо.

— Лампу заправлю,—отеликнулась Марья Яковлевна изъ зады.

И землемѣръ опять потерялъ сознаніе.

Пріѣхавшій на другой день къ вечеру земскій врачъ, человѣкъ съ изумленными глазами, въ очкахъ, съ густой огненной бородой и въ парусиномъ балахонѣ, сказалъ, что у больного крупозное воспаленіе легкихъ.

VII.

Воспаленіе протекло быстро. Но до кризиса землемѣръ пришелъ въ сознаніе только два раза.

Открывъ глаза въ первый разъ, онъ узналъ Марью Яковлевну, понялъ, что онъ дома, что на столикѣ возлѣ кровати горитъ свѣча. Но бока были такъ крѣпко скованы острыми, нестерпимо рѣжущими при каждомъ вздохѣ желѣзными обручами, глазныя яблоки такъ лопило, а дрожащее пламя свѣчи было окружено такимъ печальнымъ и большимъ мутно-радужнымъ шаромъ, что онъ поспѣшилъ повернуть голову къ стѣнѣ, къ ковру, на которомъ былъ изображенъ очень прямо сидящій турокъ въ турбанѣ, въ огромныхъ шальварахъ и съ мундштукомъ кальяна въ рукѣ.

— Ну, какъ ты себя чувствуешь? — сдерживая слезы и стараясь говорить ровнымъ голосомъ, спросила Марья Яковлевна.

Но больной не отвѣтилъ.

Все было такъ чуждо ему, такъ скучно, что отвѣтить не хватило силы. А свѣтъ дрожалъ, краснѣлъ, торокъ въ турбанѣ росъ, расплывался, принималъ фантастическія очертанія...

Второй разъ сознаніе держалось дольше. Въ комнатѣ было темно, Марья Яковлевна всхрапывала въ креслѣ, за окномъ синѣла лунная ночь. И землемѣръ вспомнилъ, какъ, много лѣтъ тому назадъ, когда у него было первое воспаленіе, онъ вотъ такъ же пришелъ въ себя поздней ночью, въ темной комнатѣ... И всю душу его охватила невыразимая тоска. Какъ молодъ онъ былъ тогда, какъ восхитительна была даже болѣзнь! Онъ цѣлый годъ жилъ тогда дома, выгнанный за куреніе изъ пятого класса реального училища, готовился въ землемѣрное, пропадалъ въ полѣ съ ружьемъ и собакой... Въ жаркій апрѣльскій день напился изъ ледяного хрустальнаго ключа въ голомъ веселомъ лѣсу — и слегъ въ постель. Болѣзнь была тяжелая, осложненная разлитіемъ желчи, по ночамъ температура доходила до сорока, но что за ночи стояли тогда! Голова пылаетъ, по тѣлу идетъ острый колючій холодъ, а лунный свѣтъ такъ дерзко и ярко сквозитъ въ щели ставни, и соловьи наполняютъ весь садъ такимъ яркимъ ликоваціемъ, что весь міръ кажется сновидѣніемъ... И во всемъ существѣ была непоколебимая увѣренность въ выздоровленіи.

Увѣренность эта была, впрочемъ, и теперь. И такъ оно и случилось. На шестой день былъ кризисъ, а на десятый больной уже ѣлъ въ постели бульонъ, пилъ чай и просто, спокойно разговаривалъ.

Былъ онъ желтъ, слабъ, голова и борода у него сильно посѣдѣли, — не сдались только однѣ густыя строгія брови, — но это очень шло къ нему. Лицо его стало чище, красивѣе. Марья Яковлевна съ радостью рассказывала, какъ онъ бредилъ, какую чепуху онъ говорилъ иногда, — и землемѣръ улыбался съ ласковой снисходительностью къ самому себѣ.

И съ такой же улыбкой, съ грустнымъ и пріятнымъ сознаніемъ своей слабости, вышелъ онъ въ первый разъ послѣ болѣзни въ залъ, въ прихожую... Казалось, что уже давно-давно не видалъ онъ знакомыхъ комнатъ!

Глаза у него стали темнѣе, больше и смотрѣли на все удивленно, внимательно. На ногахъ были мягкія туфли, подъ ниджакомъ и рубашкой ласково грѣлъ тѣло лифчикъ изъ

лисьей шкурки. Никуда не нужно спѣшить, ни о чемъ не нужно заботиться, — давно не бывало у него такихъ отрадныхъ дней! Но онъ уже твердо зналъ: это его послѣдняя осень. Изъ головы не выходили воспоминанія о бѣлой лошади, — онъ теперь ужъ не сомнѣвался, что видѣлъ ее, — и мысль о звѣриной хитрости астмы: не спроста дала она ему такой долгій отдыхъ!

Положимъ, на то были причины. Астма не уживается съ покоемъ. А онъ жилъ очень покойно. Дѣтей цѣлый день нѣтъ дома, — почти до вечера уходятъ въ школу, — Котикъ ребенокъ тихій, Марья Яковлевна занята по дому. Только и слышишь: „Ахъ, Господи, куда жъ это я ключи забельшила?..“ И дни текутъ въ тишинѣ, въ беззаботномъ одиночествѣ... Но почему астма не трогала его все лѣто?

Вся его жизнь была связана съ нею. Съ ранней молодости онъ отдавалъ третью всѣхъ своихъ силъ на борьбу съ нею, на изученіе ея нрава. Она казалась ему живымъ существомъ, беспощаднымъ, злымъ, внимательнымъ. Малѣйшій упадокъ силъ, малѣйшее разстройство ихъ, малѣйшая слабость — и астма уже спѣшитъ обвиться вокругъ его шеи и радостно начинаетъ сдавливать ее...

— Живая, живая! — подумалъ землемѣръ, волнуясь и бродя по залу, уже полному сумерками, и, взглянувъ въ зеркало, со страхомъ увидалъ въ немъ свое худое лицо, свои расширенные темные глаза, сурово сдвинутыя большія брови, свою чистую, гробовую сѣдину.

Онъ вспомнилъ канунъ Ивана Постнаго, — вечеръ, въ который онъ уѣхалъ отъ Стоцкаго, — вспомнилъ свою безпричинную радость, тоску и тревогу въ дорогѣ, жуткій восторгъ передъ таинственной и злой ночной жизнью... до осязаемости увидѣлъ внутреннимъ зрѣніемъ бѣлую лошадь съ прекрасными человѣческими глазами... заставилъ себя удивиться нелѣпости этого призрака — и не могъ! Былъ въ немъ теперь только холодъ отчаянія, сознаніе, что бѣлая лошадь всѣмъ существомъ своимъ сказала ему о красотѣ и беспощадности той живой, той страшной силы, что со всѣхъ сторонъ окружила его, безсильнаго.

Онъ весь вѣкъ чувствовалъ, что она стережетъ его, издѣвается надъ нимъ, приходитъ къ нему воровски и внезапно, выжидаетъ ночи. И если онъ былъ слабъ, ночь не проходила ему даромъ. Томительная радость, перемѣшанная со смертельной тоской, овладѣвала имъ еще задолго до заката. И какъ только онъ, обезсиленный, дрожащій, ложился въ постель и тушилъ свѣчу, тотчасъ же радостно и безшумно па-

дала ему на грудь астма. Онъ пытался бороться. Онъ вскакивалъ, зажигалъ свѣчу, зеленѣлъ, синѣлъ отъ натуги, отъ жажды хоть единого плотка воздуха — и бѣдное сердце трепетало и кричало въ немъ дикими беззвучными криками... Теперь это сердце опять ждало борьбы, — можетъ-быть, послѣдней... А съ какою жаждой начиналась она, съ какою страстью и любовью ко всему живому, сильному, — ко всему, что теперь такъ безпощадно вытѣсняетъ его изъ міра!

Онъ ушелъ въ кабинетъ, снялъ съ полки Библію и развернулъ давно знакомую книгу Іова. На столѣ лежали какіе-то гвозди, старые планы, разсыпанные патроны папирозъ... Онъ прилачился съ краю и зачитался.

Потомъ положилъ локти на книгу и заглядѣлся на кривую лѣсовку, росшую на пустырьѣ за окномъ.

Да, вотъ былъ человѣкъ непорочный, справедливый, богобоязненный. Былъ онъ богатъ, здоровъ, счастливъ. Но истребилъ сатана, съ изволенія Господня, все его имущество, истребилъ всѣхъ чадъ его и поразилъ его проказою отъ подошвы по самое темя. И взялъ человѣкъ черепицу, чтобы скоблить себя ею, и сѣлъ въ пепелъ внѣ селенія. И открылъ уста свои и страстно проклиналъ день свой. „Погибни, — сказалъ онъ, — день, въ который я родился, и ночь, въ которую сказано: зачался человѣкъ! Дыханіе мое ослабѣло; дни мои прошли; думы мои — достояніе сердца моего — разбиты; ночью ноютъ во мнѣ кости мои: ибо лѣтамъ моимъ приходитъ конецъ, и отхожу я въ путь невозвратный. — Скажу Богу: за что Ты со мною борешься? За что гонишься за мною, какъ левъ, и нападаешь на меня, и чуднымъ являешься во снѣ? Но не отвѣтитъ мнѣ Богъ!“

Было въ простотѣ этихъ словъ, въ образѣ безумно-вдохновеннаго прокаженнаго, сидящаго въ пустынь за селеніемъ, скребущаго черепкомъ гнойныя раны и проклинающаго жизнь отъ колыбели до гроба, что-то столь древнее и въ то же время столь близкое во всѣ времена каждому человѣческому сердцу, что прежде землемѣръ былъ не въ силахъ читать этихъ словъ. Но теперь онъ прочелъ ихъ спокойно и медленно, чувствуя себя почти равнымъ Іову въ безнадежности. Потомъ просмотрѣлъ середину книги — она никогда не нравилась ему запутаннымъ пустословіемъ друзей Іова, — и оставался только на словахъ Сафара:

„Можешь ли ты постигнуть Вседержителя? Онъ превышаетъ небесъ: что можешь сдѣлать? Глубже преисподней; что можешь узнать? Но пустой человѣкъ мудрствуетъ, хотя человѣкъ рождается подобно дикому осленку...“

— Ну, вотъ и отвѣтъ! Вотъ и отвѣтъ дикому осленку! — сказалъ землемѣръ, глядя въ сумерки. — Гдѣ жъ спасеніе? Гдѣ пріютъ безсильному?

— Ей, Господи, приди и возьми! — вслухъ сказалъ онъ, и брови у него страдальчески сморщились и задрожали.

— Я покорюсь, — сказалъ онъ, восторженно всхлипнувъ, и, вставъ съ мѣста, трясущимися руками закурилъ папиросу.

Но тутъ изъ прихожей послышались голоса вернувшихся изъ школы дѣтей, потомъ чьи-то тяжелые шаги, и въ комнату быстро вошла взволнованная, вся пахнувшая осенней свѣжестью Марья Яковлевна.

— Полюбуйтесь! — воскликнула она. — Иванъ Павловъ капусту прислалъ! Ну, пря-ямо смотрѣть не на что! Кочерыжки однѣ!

Землемѣръ сморгнулъ слезы, пѣжно и жалко улыбнулся ей и отвернулся къ окну.

VIII.

Вечеромъ на столѣ горѣла лампа подъ абажуромъ изъ розовой бумаги и стояла миска со щами. Марья Яковлевна медленно и аккуратно ѣла, вся поглощенная думами о капустѣ, а дѣти щипали другъ друга за ноги, вскрикивали отъ боли, хохотали и хватали другъ у друга изъ тарелокъ, расплескивая по столу. Землемѣръ, сторбившись, сидѣлъ съ дымящимся мундштукомъ въ рукахъ и глубоко затыгивался.

Возня дѣтей волновала его, и онъ глядѣлъ на нихъ почти съ ненавистью. Руки у него дрожали, глаза лихорадочно блестѣли, темя ломило, сердце трепетало, въ груди, гдѣ-то глубоко внутри, чесалось... Было похоже на отравленіе табакомъ, на угаръ.

— Я не буду ужинать, — сказалъ онъ, вставая, — лягу спать сейчасъ, вели не шумѣть дѣтямъ...

И затворился въ кабинетъ.

Тамъ онъ сѣлъ въ кресло, согнувшись и крѣпко, съ цѣпкостью сумасшедшаго стиснувъ ледяными пальцами ручки. Ротъ его ирѣдка раскрывался, со свистомъ ловя воздухъ, блестящіе глаза были расширены. Лицо посинѣло отъ натуги, и посѣдѣвшая борода казалась страшной.

Потомъ, собравъ всѣ силы, съ поднятыми плечами, онъ сталъ жечь на свѣчкѣ селитренную бумагу и жадно втягивать ѣдкій дымъ ртомъ и ноздрями.

Стало немного легче, и тогда онъ послѣшилъ раздѣться, дунуть на свѣчку и тотчасъ же забылся въ наступившей темнотѣ.

Но темнота начала сгущаться, чернѣть и давить грудь. Онъ сдѣлалъ усиліе, вздохнулъ и перевернулся на бокъ. Черная темнота заколебалась, поплыла — и колокольня, обозначившаяся въ ней, стала наклоняться, наклоняться — и вдругъ вся рухнула на него. Онъ барахтался, силясь освободиться отъ сыплющихся на него камней, пыли, известки, — и наконецъ, глухо, по-животному, заревѣвъ въѣмъ цутомъ, раскинулъ ихъ. Раскинулъ — и, весь въ ледяномъ поту, стрепещущимъ сердцемъ порывисто сѣлъ на постели... Нужно было нашарить въ темнотѣ коробку со спичками, поскорѣе зажечь свѣчу и закурить черную, пахнущую горячимъ вѣникомъ сигару Эспикъ... По крышѣ шумѣлъ проливной дождь, и этотъ шумъ, вмѣстѣ съ лихорадочнымъ шумомъ въ ушахъ, съ каждою минутой становился все нѣвучѣе, наполняясь вызывающими звуками краковяка.

Подъ утро землемѣръ забылся и, свистя запухшими бронхами, крѣпко спалъ до десяти часовъ утра. Мирный величавый гулъ, отъ котораго нѣжно дребезжали стекла, слышался ему сквозь сонъ. Онъ отеръ глаза и понялъ, что это колоколь: было первое октября, престольный праздникъ въ Долгомъ. Нѣжно звеняція стекла были матово-голубыя, — значитъ, передъ утромъ былъ крѣпкій морозъ, чистый легкій воздухъ, яркое небо... Землемѣръ освѣжилъ водой свое точно заплаканное лицо. Въ домѣ было тихо, — всѣ были въ церкви, — на столѣ въ залѣ стоялъ остывшій самоваръ. Землемѣръ выпилъ стаканъ теплаго чаю и на минутку вышелъ на крыльцо, — первый разъ послѣ болѣзни.

Боже, какое невыразимое счастье — дышать! Думать, смотреть, двигаться — это дивно, сладко, но дышать... люди даже и представить себѣ не могутъ, чего они лишатся, утративъ блаженство пить этотъ божественный напитокъ жизни!

И, сладостно слабѣя отъ душистой свѣжести, проникавшей до самой глубины наболѣвшей груди, землемѣръ прислонился къ двери.

На крыльцѣ — яркое радостное тепло, изъ палисадника тянетъ холодкомъ сырой земли и вялымъ ароматомъ гнѣющихъ цвѣтовъ и листьевъ. Противоположная сторона улицы еще въ тѣни, и въ прозрачномъ воздухѣ такъ близки кажутся голубовато-бѣлыя стѣны мазанокъ. Вѣтви лозинъ за ними уже голы и четко рисуются на чистой лазури... Какой просторъ сіяетъ теперь за селомъ, въ степи, — на мерзлыхъ кочковатыхъ дорогахъ, на озимяхъ, надъ которыми дрожатъ острые крылья ястребковъ и кобчиковъ! — Но стоять было трудно, воздухъ пьянилъ и рѣзалъ грудь.

Онъ повернулся и столкнулся съ Василисой, выносившей изъ дому мѣдный подносъ съ самоваромъ и чашками. „Вотъ здоровье!“—острой завистью мелькнуло у него въ головѣ. Не то кукла, не то истуканъ какой-то! Черные глаза безсмысленно блестятъ, лицо сизо отъ густого румянца и цинковыхъ бѣлилъ, бордовое шерстяное платье, неуклюже сшитое по модѣ и надушенное „персидской сиренью“, чуть не трещитъ по швамъ, въ черныхъ волосахъ краснѣетъ бумажная роза, на шеѣ разноцвѣтныя бусы...

— Съ праздникомъ, баринъ!—сказала Василиса бойко.— Чуть было не задавила васъ!

И ловко захлопнула дверь ногою.

А въ залѣ, на высокомъ стулѣ возлѣ стола, сидѣлъ Котикъ, ѣлъ съ блюдечка яйцо всмятку и таращилъ глаза, засовывая въ ротъ чайную ложечку. За столомъ стояла недавно нанятая нянька, бѣдная мѣщанка Целагея, очень худая и высокая, съ длиннымъ лицомъ, съ длинными зубами, въ темномъ старушечьемъ платьѣ горошкомъ, и говорила печально и разсѣянно:

— Вы, батюшка, яичка-то поменьше, а хлѣбца побольше,— вотъ и сыти будете...

Въ одиннадцать пришли изъ церкви дѣти и Марья Яковлевна, нарядныя, церемонныя,—какъ гости. Марья Яковлевна—въ лиловомъ шелковомъ платьѣ, маленькой старомодной шляпкѣ; дѣвочки, блѣдныя, некрасивыя,—обѣ въ розовомъ, Павликъ, стройный, хорошенькій,—въ темно-синемъ суконномъ костюмчикѣ, похожемъ на матросскій. И только одинъ Павликъ вошелъ въ комнату бодро, блестя черными злыми глазками. А дѣвочки и Марья Яковлевна еле двигались.

— Ахъ, Боже мой!—жеманно сказала Марья Яковлевна, поставивъ въ уголъ зонтикъ и развязывая подъ подбородкомъ ленты черной корзиночки, чуть державшейся на макушкѣ ея прилизанной головы съ широкимъ проборомъ.

И дѣвочки, крутя головками, томно повторили въ одинъ голосъ:

— Ахъ, Боже, какая духота была въ храмѣ!

— Давайте поскорѣе обѣдать,—сказалъ землемѣръ, чувствуя отвращеніе ко всему своему дому.

Бѣсть не хотѣлось, но чѣмъ, кромѣ ѣды, наполнить долгій праздничный день въ этомъ скучномъ и противномъ домишкѣ, гдѣ интересенъ только одинъ черноглазый Павликъ?

— Я золь, измучился за ночь,—подумалъ землемѣръ и съ тяжелымъ камнемъ на сердцѣ легъ въ постель.

Но сердце дрожало, замирало, и, какъ только землемѣръ

закрывъ глаза, постель полетѣла въ бездну. Онъ съ трудомъ приподнялся, снялъ пиджакъ, ситцевую рубашку и швырнулъ въ уголъ жаркую лисью курточку. Но и рубашка была противна: еще ни разу не мытая, горячая, съ запахомъ галантерейной лавки. Отъ этого запаха тошнило и ломило голову... Потомъ поднялся мучительный затяжной кашель съ насморкомъ... И замученнаго землемѣра охватила страстная жажда смерти, нечеловѣческаго вздоха, отъ котораго сразу лопнуло бы сердце... Съ этой жаждой онъ и забылся.

Въ три часа онъ внезапно очнулся, услыхавъ какую-то возню въ залѣ, и слабо крикнулъ:

— Кто тамъ?

Но никто не отзывался.

Марья Яковлевна ушла съ дѣтьми въ гости къ станому. Прислуга была за воротами. И въ душѣ вдругъ такъ ясно, такъ отчетливо слышались рѣзкіе ухабистые звуки, хриплые басы и альти аристана, играющаго краковякъ, что на головѣ зашевелились волосы. И опять съ ужасающей яркостью представилась бѣлая лошадь, вошедшая въ темнѣющій залъ.

— Боже, какой вздоръ!—подумалъ землемѣръ, закрывая глаза и сисясь освободиться отъ этого нестерпимо живого образа.—Боже, какое издѣвательство!

Вдругъ что-то стукнуло. По столу мелькнулъ длинный хвостъ большой сѣрой крысы. Землемѣръ затаилъ дыханіе и сталъ поджидать, что будетъ дальше.

— Придетъ или нѣтъ?—думалъ онъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.—Если придетъ,—значить, нынче конецъ мнѣ!

И, не дождавшись, снова заснулъ глубокимъ сномъ. А когда открылъ глаза, весь похолодѣлъ отъ страха: въ комнатѣ почти темно, тишина гробовая, а крыса стоитъ на столѣ на заднихъ лапкахъ, задомъ къ окну, и пристально смотритъ на постель... Ушки подняты и розовѣютъ на свѣтъ... Значить, конецъ! Онъ спалъ, какъ силъ передъ казнью!

И, весь дрожа отъ страха и холода, землемѣръ уронилъ голову на подушку.

— Помилуй мя, Боже, по величій милости Твоей!—пробормоталъ онъ умоляюще-безсильно.

Онъ представилъ себѣ свое дѣтство, младенчество—и почувствовалъ невыразимую жалость къ этому бѣдному маленькому осленку, неизвѣстно зачѣмъ пришедшему въ міръ и осмѣлившемуся мудрствовать. Что отвѣтить ему Богъ въ шумѣ бури? Онъ только напомнить безумцу его ничтожество, напомнить, что пути Творца неисповѣдимы, грозны, радостны,

и развернетъ бездну величія Своего, скажетъ только одно: Я—Сила и Безпощадность. И ужаснетъ великой красотой проявленія этой силы на землѣ, гдѣ отъ вѣка и етъ кровавое состязаніе за каждый глотокъ воздуха и гдѣ безпомощный и несчастный всѣхъ—человѣкъ.

— Кто сей, омрачающій Провидѣніе словами безъ смысла?—вспомнилъ онъ страшныя слова, звучавшія когда-то въ шумѣ бури.—Пренюхъ нынѣ чресла свои, какъ мужъ: Я буду спрашивать, а ты отвѣчай Мнѣ...

— О, какая красота!—сказалъ землемѣръ, и горячія слезы выступили изъ-подъ его рѣсницъ.

— Знаешь ли ты время, когда рождаютъ дикія козы на скалахъ?—Онѣ изгибаются, рождая дѣтей своихъ, а дѣти ихъ приходятъ въ силу, растутъ въ полѣ и не возвращаются къ нимъ. Знаешь ли ты, кто разрѣшилъ узы онагру, которому степь я пазначилъ домомъ, а солончаки жилищемъ? Захочетъ ли единорогъ служить тебѣ и переночуетъ ли у яслей твоихъ? Ты ли далъ перья и пухъ страусу? Онъ оставляетъ яйца свои на пескѣ и забываетъ, что полевой звѣрь можетъ растоптать ихъ. Онъ жестокъ къ дѣтямъ своимъ, какъ бы не своимъ...

— Все сила, сила и—звѣриная свобода!—воскликнулъ землемѣръ, сядя на постели и почти видя въ темнотѣ передъ собой свою гибель, свою смерть—бѣлую лошадь съ диковеселымъ, вызывающимъ и безпощаднымъ взглядомъ.

— Храбріе поздрей ея—ужасъ,—съ безумнымъ восторгомъ вспомнилъ онъ стихи о лошади въ книгѣ Іова.—Роетъ ногою землю и восхищается силою. Въ порывѣ ярости глотаетъ землю и не можетъ устоять при звукѣ трубы. При звукѣ трубы издаетъ голосъ: Гу! Гу! и издадека чуетъ битву, громкіе голоса вождей и крикъ...

— А верхъ путей Его!—дерзко и громко, точно въ бреду, сказалъ землемѣръ.—Верхъ путей Его—быкъ Ивана Павлова... бегемотъ... левіаѳанъ...

— Сила въ чреслахъ бегемота и крѣпость въ мускулахъ его. Поворачиваетъ хвостомъ своимъ, какъ кедромъ. Жилы же на бедрахъ его переплетены. Ноги у него, какъ мѣдныя трубы. Кости у него какъ желѣзные прутья. Это—верхъ путей Божіихъ.

— *Детма Ты*,—сказалъ землемѣръ, блестящими бѣшеными глазами глядя въ темноту и свистя бронхами.

IX.

Ночью въ тускломъ воздухѣ кабинета тускло горѣла лампа. Тяжело пахло холоднымъ дымомъ сигаръ и жженой бумаги.

Землемѣръ, съ опухшимъ пятнистымъ лицомъ, съ расширенными черными глазами и густой бѣлой бородой, въ разорванной съ верху до низу рубашкѣ, полулежалъ на высоко взбитыхъ подушкахъ. Грудь его, покрытая сѣдѣющими курчавыми волосами, была въ круглыхъ кровоподтекахъ: вернувшаяся въ десять часовъ отъ становаго Марья Яковлевна нашла его безъ сознанія и поставила ему банки, зажигая вату и быстро прикрывая стаканами... Стало легче, и онъ уговорилъ Марью Яковлевну итти спать. И въ домѣ, послѣ суматохи и бѣготни, наступила тишина.

Въ полночь землемѣръ привсталъ съ постели, потушилъ лампу и закрылъ глаза въ смертельной жаждѣ отдыха. Но лампа внезапно зажглась снова—сама собою. Отъ страха у землемѣра опять заколотилось сердце, и онъ опять пошелъ тушить ее. И увидалъ, что онъ въ людномъ дымномъ вагонѣ, бѣгущемъ среди зыбкихъ снѣжныхъ полей,—лежитъ на диванѣ и смотритъ на кавалериста-офицера, сидящаго напротивъ. Офицеръ молодъ, красивъ и крѣпко-крѣпко затянутъ въ рейтузы и смѣшно-короткій китель. Глаза у него блестятъ, губы яркія, короткіе курчавые волосы черны, какъ смоль. Усики маленькіе, нахальные. И, нахально наклоняясь къ землемѣру, офицеръ глухо кричитъ ему на ухо:

— Вы все-таки счастливецъ! Скоро приѣдете!

И, наклоняясь все ниже и ниже и чувствуя, что землемѣръ почти не слышитъ его, кричитъ еще громче и еще невнятиѣ:

— А надо вамъ сказать, что я безумно люблю свою жену...

Но землемѣръ съ отчаяніемъ чувствуетъ, что не слышитъ его. По лицу офицера видно, что онъ кричитъ,—но голоса не слышно. И, задыхаясь отъ напряженія, землемѣръ вскочилъ и побѣжалъ къ воротамъ скотнаго двора, упалъ на землю и нырнулъ въ подворотню, но ворота тотчасъ же осѣли—и стопудовой тяжестью притиснули его къ землѣ. Онъ крикнулъ и сдѣлалъ нечеловѣческое усиліе освободиться... И, вскочивъ съ постели, кинулся къ окну, за которымъ бѣлѣлъ разсвѣтъ, и съ размаху ударилъ ладонью въ раму. Рама распахнулась, въ комнату ворвался свѣжій сырой воздухъ, но землемѣръ не успѣлъ глотнуть его: онъ упалъ въ кресло и такъ и остался на мѣстѣ съ закинутой назадъ головой, выкатившимися бѣлками и раскрытыми посинѣвшими губами... И долго тянуло въ эти раскрытыя губы холодной пахучей сыростью ненастнаго осенняго разсвѣта...

А въ полдень, когда землемѣръ уже спокойно лежалъ на

столъ, на сѣнѣ, застланномъ простынею, вымытый, причесанный, въ сюртукъ и крахмальной рубашкѣ, въ залъ на цыпочкахъ вошелъ Иванъ Павловъ, поклонился ему до земли, поцѣловалъ въ ледяной лобъ, въ лиловатыя выпуклости закрытыхъ глазъ и, увидавъ выходящую изъ кабинета заплаканную Марью Яковлевну, вѣжливо, кротко и радостно сказалъ:

— Имѣю честь поздравить съ новопреставленнымъ.

1907 г.

СТАРАЯ ПѢСНЯ.

I.

Въ этотъ вечеръ мы встрѣтились на станціи.

Она кого-то ждала и была разсѣяна.

Поѣздъ пришелъ и затопилъ платформу народомъ. Пахло лѣсомъ послѣ дождя, каменнымъ углемъ. Знакомыхъ было такъ много, что мы едва успѣвали раскланиваться. Но того, кого она тревожно искала глазами, невпопадъ отвѣчая на мои вопросы, — не было.

Поѣздъ тронулся—и она остановилась, глядя широко раскрытыми синими глазами на мелькающіе вдоль платформы вагоны. Въ окнахъ, на площадкахъ—всюду были лица, лица... Но того лица, что было нужно, не было.

Наконецъ стѣна вагоновъ сразу оборвалась, мелькнулъ задній буферъ, поѣздъ, быстро уменьшаясь, сталъ таять въ пролетѣ между зелеными лѣсами... На опустѣвшей платформѣ тонко заблестѣли длинныя полосы дождевой воды, голубой отъ неба.

Платформа была въ тѣни, — солнце скрылось за ея навѣсомъ, сзади насъ, но дачи въ лѣсу, напротивъ, были еще озарены и весело горѣли стеклами, какъ золотой слюдой. Гдѣ-то страстно и отчаянно, въ носъ, пѣлъ граммофонъ; гдѣ-то щелкали шары крокета и раздавались крики... Я проводилъ глазами пѣгаго легаша, бѣжавшаго по рельсамъ, и уже взялся было за козырекъ. Но тутъ она, даже не взглянувъ на меня, коротко сказала: „Пройдемтесь немного“—и я пошелъ.

За платформой въ глаза ударило яркое вечернее солнце; но дальше стоялъ тѣнистый лѣсъ. И мы долго шли его прохладной просѣлкой, по корнямъ и утоптаннымъ, упругимъ тропинкамъ возлѣ грязной дороги, среди зеленыхъ лимовъ, осинъ и густого орѣшника, задѣвавшего насъ бархатистой листвою.

Она шла впереди, — и я глядѣль на ея юбку, подоломъ которой она обвила себѣ ноги, на клѣтчатую кофточку, на тяжелый узелъ агатовыхъ костей. Она ловко выбирала мѣста посуше, наклоняясь отъ вѣтокъ.

И, помню, мнѣ было скучновато.

Надоѣло молчать, надоѣло нести на рукѣ пальто...

— О чемъ вы думаете? — спросила она разъ, не оборачиваясь.

— О вашихъ ботинкахъ, — сказалъ я. — Ноги у васъ красивыя и обувь всегда отличная, — главное, не на французскихъ каблукахъ. Не вѣрю женщинамъ на французскихъ каблукахъ.

— А мнѣ вѣрите?

— Вѣрю...

Но вотъ просьба кончилась, мы очутились на солнцѣ, на открытомъ зеленомъ бугрѣ, — и она вдругъ остановилась и обернулась.

Лицо ея было спокойное.

— Какой вы милый! — сказала она. — Идетъ себѣ и молчить...

У меня неожиданный приливъ нѣжности къ вамъ.

Я отвѣтилъ сдержанно:

— Спасибо. Это въ горѣ бываетъ

Она широко раскрыла заблестѣвшіе глаза.

— Въ горѣ? Да клянусь вамъ всѣмъ, чѣмъ угодно! Напротивъ...

— Толкуйте!

— Не вѣрите?

— Не вѣрю. Мало того: знаю, что сейчасъ вы предложите мнѣ догонять васъ.

— Bravo! Угадали. Хотите?

Я подошелъ къ ней и, взявъ за руки, слегка притянулъ къ себѣ. Она отклонилась.

— Нѣтъ, — пробормотала она. — Нѣтъ... Пожалуйста!

И, помолчавъ, ловкимъ движеніемъ выдернула руки, подхватила юбки и побѣжала съ бугра въ разлужье.

Направо и налево были овраги, заросшіе лѣсомъ, впереди — широкая лощина, покрытая рядами скошеннаго сѣна, почти вся въ тѣни. Сбѣжавъ въ разлужье, она остановилась на границѣ этой тѣни, въ блескѣ низкаго солнца. Но, подпустивъ меня на шагъ, прыгнула черезъ канаву и пустилась по лощинѣ. Я прыгнулъ за нею — и вдругъ съ неба посыпался быстрый сухой шорохъ, а на взгорье налево внезапно пала легкая, чуть дымящаяся радуга.

— Дождь! — звонко крикнула она и еще быстрее побѣжала по засвѣржавшему подъ ливнемъ лугу.

Половина его, еще озаренная солнцемъ, дрожала и сіяла въ стеклянной, переливающейся золотомъ сѣти, — рѣдкій крупный дождь сыпался торопливо и шумно. Видно было, какъ длинными иглами неслись съ веселаго голубого неба, изъ высокой дымчатой тучки, капли... Потомъ онѣ замелькали рѣже, радуга на взгорьѣ стала меркнуть — и шорохъ сразу замеръ.

Добѣжавъ до стога, она упала въ него и засмѣялась.

— Возьмите хоть пальто-то! — крикнулъ я.

— Да ужъ прошло все, — отвѣтила она, блестя счастливыми глазами.

Однако поднялась и накинула пальто на плечи.

— Недо таетъ надѣтъ набекрень вашъ картузъ, — сказала она. — И потомъ сняться, какъ это дѣлаютъ всѣ дачныя дѣвицы.

Смѣхъ еще искрился въ ея глазахъ, грудь дышала порывисто, въ волосахъ мерцали капельки.

— Попробуйте, какъ бьется сердце, — прибавила она, взявъ мою руку.

И неловко приложилъ ладонь къ ея лѣвой груди. Потомъ обнять за талію.

— Лена...

— Чтò? — спросила она шопотомъ, глядя на меня большими синими глазами. — Ну, чтò?

И наклонился къ ея полуоткрытымъ губамъ. Она не сопротивлялась.

Потомъ тихо отстранила меня, сѣла въ сѣно и отвернула отъ меня зардѣвшееся лицо. Она перекусывала сухой стебелекъ и блестящими глазами разсѣянно смотрѣла вдаль.

— Это первый и послѣдній разъ, — сказала она. — Хорошо?

— Хорошо, — отвѣтилъ я.

— Серьезно?

— Совершенно.

Она пристально посмотрѣла на меня.

— А вы хоть немножко любите меня?

— Мнѣ сейчасъ очень хорошо съ вами.

— И мнѣ... Впрочемъ, мнѣ ужъ давно... И не ревнуете меня ни къ кому... Мое чувство къ вамъ... не обычно, что ли, но никогда еще...

— Вѣрю и понимаю.

Она задумалась.

— А часто мы будемъ встрѣчаться?

— Каждый день.

— А то, что я ждала кого-то, право, не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ намъ...

Она протянула мнѣ руки. Я поцѣловалъ сперва одну, потомъ другую.

— А теперь пойдемъ.

— Куда?

— Еще нечного по лугу.

— А мамаша съ папашей?

— Это пустяки. Мама надуется, а папа—чудесный... Впрочемъ, всѣ дѣвицы обожаютъ отцовъ... Поднимите меня.

Я поднялъ ее — и она мелькомъ, застѣнчиво улыбнулась. Потомъ милыми женскими движеніями поправила волосы, глубоко вздохнула свѣжестью луга и подобрала юбки.

Въ лѣсу, то тамъ, то здѣсь, глухо куковала кукушка, отѣняя глубину и звучность его послѣ дождя, высоко въ небѣ плыли и таяли теплыя дымчатыя облака съ золотисто-алыми краями... И, немного фальшиво поддерживая незначительный разговоръ, дѣлая видъ, что не случилось ничего особеннаго, мы легко пошли куда глаза глядятъ по лугу.

II.

На обратномъ пути мы заблудились.

Были сумерки, надвигались тучи... Я слегка растерялся. Но она быстро сообразила, что гдѣ. И увѣренно повела меня.

Тутъ, уступая моей просьбѣ, кратко, намеками, не называя имени и волнуясь, она рассказала мнѣ свою исторію. Кончивъ, она долго шла молча.

Потомъ заглянула мнѣ въ лицо.

— А если я спрошу что-нибудь? — сказала она. — У васъ вѣдь тоже что-то было?

— Боже мой, у кого этого не было!

— И что же — вы были... счастливы?

— „На свѣтѣ счастья нѣтъ...“ — сказалъ я шутливо.

— „А есть покой и воля...“ — добавила она. — Да, да... Но все-таки?

— Одинъ вечеръ былъ чудесный.

— Милый, расскажите, — какъ это было?

— Въ морѣ, осенью. Мы съ ней сидѣли въ каютъ-компаніи. Она читала, я слушалъ, какъ шумѣлъ за тонкими стѣнами вѣтеръ, смотрѣлъ то въ круглые иллюминаторы, то на ея подборъ. Волосы у нея были черные, рѣсницы длинныя, кроткія. Темнѣло, пароходъ шелъ, кланяясь и раскачиваясь, по иллюминаторамъ, то опускаясь, то поднимаясь, двигалась полоска горизонта...

— А что такое иллюминаторъ?

— Окно.

— Корабельное? Ахъ, Боже мой, Боже мой! Какъ бы я хотѣла...

— Далеко, далеко?

— Ну да, далеко, далеко. Не смѣйтесь: это такая завѣтная мечта!.. Впрочемъ, рассказывайте лучше.

— Да и рассказывать-то больше нечего. Иногда я видѣлъ только волны, синеватую волнистую равнину, идущую въ гору; иногда—только пустое облачное небо. Лакеи, присѣдая, стучали тяжелыми тарелками, раскладывали ихъ по столу; два нѣмца, скованные узкими модными костюмами и высокими воротничками, разсматривали свои письма, счеты и съ величайшимъ трудомъ поворачивали головы съ короткими, прилизанными волосами...

— Да пѣть, милый, вы серьезно рассказывайте!

— Самымъ серьезнымъ образомъ.

— Да, но совсѣмъ не о томъ. Мнѣ это ужасно нравится, но сейчасъ мнѣ не до нѣмцевъ.

— А безъ нѣмцевъ я не могу.

— Ну, рассказывайте, какъ можете.

— Ну, такъ вотъ я и говорю: сидѣли нѣмцы, слышался глухой и неравномѣрный грохотъ винта, работавшаго гдѣ-то глубоко подъ нами, да шумъ волнъ, бившихъ въ корму, царапавшихъ обшивку... Наступала ночь, качка, а мнѣ казалось, что все хорошо, все отлично, что я теперь могу ничего не бояться... Помню, она сказала: „темно“—и подняла на меня доверчивые дѣвичьи глаза... Встала, покачнулась, засмѣялась, схватила за мою руку... И мы пошли по зыбкимъ, поминутно опускающимся лѣстницамъ въ рубку... Вѣтеръ вырвалъ изъ моихъ рукъ дверь, какъ только мы переступили порогъ на палубу, обдалъ насъ холодомъ, свѣжестью, запахомъ моря, оглушилъ смѣшаннымъ шумомъ волнъ и снастей... И такъ далѣе, и такъ далѣе...

Я замолкъ. Она опустила голову и что-то думала, разглядывая дорогу.

Въ лѣсу стояли долгія сѣверныя сумерки. А лѣсъ, молчаливый, темный, тянулся на много верстъ вокругъ. И весь этотъ лѣсной край былъ погруженъ теперь въ грустное и спокойное ожиданіе ночи, медленно нараставшей, безшумно приближавшейся по глухимъ тропинкамъ, подъ недвижными вѣтвями березъ и елей. Зыбкій полусвѣтъ таялъ, задремывалъ. Мелкое болотистое озеро, по берегу котораго мы пробирались, еще бѣлѣло межъ деревьевъ. Но и оно было тускло и печально—какъ все въ лѣсу.

— А потомъ? — вдругъ спросила она.

— Что жъ потомъ? Конечно, будни, ссоры, непониманіе другъ друга... Вы не устали?

— Нѣтъ,—отвѣтила она.—Я, мнѣ кажется, тысячу верстъ могу нынче пройти. Да скоро и линія, а тамъ, по шпаламъ, будетъ легче...

Надвинулись тучи, сливаясь съ темнотою лѣса. Цѣпенѣлъ теплый сонный воздухъ, напоенный прянымъ ароматомъ болотныхъ травъ и хвои. Свѣтляки золотистыми изумрудами тѣли подъ кустами, задремывающими подъ таинственный шонотъ кузнечиковъ... Чтобы сократить путь, мы повернули отъ озера въ длинный и широкій коридоръ вѣковыхъ сосенъ. И, уже съ трудомъ различая дорогу, пошли по глубокому песку и корнямъ къ полянѣ.

И вдругъ... Что-то зашуршало въ сухой перепутанной хвоѣ—и оттуда коломъ вынырнула большая головастая сова. Она метнулась на насъ—я даже успѣлъ разглядѣть ея сѣрые штаники—и взвилась на своихъ широкихъ, круглыхъ крыльяхъ.

Она отшатнулась и стала.

А сова, беззвучно описавъ дугу, снова пала внизъ и плавно потонула въ чащѣ вѣтвей, во мракѣ.

— Не къ добру,—сказала она, покачавъ головой.

Я улыбнулся.

— Увѣряю васъ, не къ добру,—повторила она просто и настойчиво.

— Что же будетъ?

— Ахъ, да что всегда бываетъ! Впрочемъ, мнѣ все равно... Эти дни съ вами и особенно этотъ вечеръ я никогда не забуду. Дайте я поцѣлую васъ—на прощаніе. Мы почти пришли.

— Бросьте вы эту мистику,—сказалъ я.

— Да нѣтъ, я многого вамъ не досказала...

— А условіе?

— Ну что жъ, и это по-женски... Вѣдь мы больше не увидимся. Ну?

Она обняла меня и крѣпко поцѣловала въ губы. Грустно и нѣжно посмотрѣла въ лицо, подумала и поцѣловала одинъ глазъ, другой...

И мы пошли черезъ поляну на зеленый огонекъ семафора, мерцавшій за деревьями. Совсѣмъ стемнѣло; тихо зашептался съ лѣсомъ дождь. А когда мы вбѣжали на балконъ дачи, подъ парусиновый навѣсъ, къ чайному столу, освѣщенному свѣчами въ колпачкахъ, дождь уже лилъ, какъ изъ ведра.

Мы отряхивались и притворно-весело рассказывали, какъ мы заблудились, какъ искали дорогу. И вдругъ смолкли: изъ

темнаго угла балкона, съ качалки, поднялся непомѣрно высокій, худой и широкоплечій человѣкъ лѣтъ тридцати, съ красивымъ голымъ черепомъ, чудесной черной бородой и блестящими глазами. Старики смутились, она поблѣднѣла... Мы пожали его большую руку, и, сдѣлавъ надъ собой усиліе, я посмотрѣлъ ему въ лицо и сказалъ:

— Боже, какой вы высокій!

— Дальше видно, — отвѣтилъ онъ машинально, оглядывая меня.

— Изъ васъ вышелъ бы отличный средневѣковый латникъ.

— Да? — живо спросилъ онъ. — Что жъ, могло быть. Меня зовутъ графъ Маммуна. Я немного арабъ.

Я съ притворнымъ изумленіемъ раскрылъ глаза:

— Эдь-Маммуна?..

И поспѣшилъ проститься.

Мнѣ отыскиали старый огромный зонть, раскрывавшійся съ трескомъ, какъ какая-то высушенная черная птица, надавали совѣтовъ, гдѣ лучше пройти, и я спустился съ мокрыхъ ступеней балкона въ непроглядную тьму.

Она стояла на порогѣ, въ свѣтломъ треугольникѣ парусиннаго шатра. Когда я добрался до калитки, она, не повышая голоса, сказала:

— Вѣдь это его я ждала на станціи...

И еще тише прибавила:

— Прощайте.

И это было послѣднее слово, слышанное мною отъ нея.

III.

„Дорогой другъ мой, — писала она мнѣ черезъ четыре мѣсяца послѣ этого: — помните ли, что я говорила вамъ про сову-то? Я была права.

Не вините меня, что я исчезла, даже не предупредивъ васъ. Онъ въ тысячу разъ сильнѣе меня. Я потеряла волю, упустила страшный моментъ, когда еще можно было все переломить — и, можетъ-быть, такъ хорошо переломить! Но дѣло сдѣлано — и теперь у меня нѣтъ уже почти никакихъ надеждъ на встрѣчу съ вами. Да и какъ бы мы встрѣтились? Мнѣ кажется, я нисколько, нисколько не обманываю себя насчетъ *вашего* чувства. Для васъ это былъ очень неожиданный и очень маленькій романъ. Но все равно: клянусь вамъ, — если я кого-нибудь любила за всю свою жизнь, то это васъ. Старая пѣсня, какъ вы говорите...

Что такое эта мириады разъ воспѣтая людьми любовь? Мнѣ часто казалось, что пора бы постыдиться воспѣвать

ее. Но, можетъ-быть, дѣло-то и не въ самой любви. Въ письмахъ одного умершаго писателя я недавно прочла:

— Любовь — это когда хочется того, чего нѣтъ и не бываетъ.

Да, да, никогда не бываетъ! Но все равно. Нужно нести въ себѣ хоть какой-нибудь, хоть слабенькій огонекъ!

Вспоминаю я васъ чаще всего въ сумерки. Въ сумерки мы простились, въ сумерки я пишу вамъ это первое и, вѣрно, послѣднее письмо.

Въ тѣ вечера, что бываютъ похожи на тотъ золотой, единственный вечеръ, когда я поцѣловала васъ, я не могу думать. Мнѣ хочется тогда закричать, заплакать страшными, отчаянными слезами.

Другое дѣло — ночь, сумерки...

Пишу вамъ Богъ знаетъ откуда: изъ Альпъ, изъ ледяного пустого отеля за облаками, въ октябрьскій вечеръ. У него начинается чахотка — и я безсовѣстно издѣваюсь надъ его жизнью. Я не только держу его въ Альпахъ въ самую нелѣпую пору — я еще таскаю его въ самые скверные туманные дни по озерамъ, въ горы... Мы теперь совсѣмъ чужіе другъ другу, но теперь онъ покоренъ мнѣ.

Онъ молчитъ по цѣлымъ днямъ, блеститъ глазами, но покоренъ. Молча шелъ и на Риги. Когда мы вошли сюда, прислуга отеля, доживающая здѣсь послѣдніе дни простой, крестьянской жизнью въ кухнѣ, ахнула отъ изумленія: вотъ такъ гости! Но, можетъ-быть, и потому, что онъ былъ блѣденъ и огроменъ, какъ смерть.

А пошла я сюда ради васъ. Чтобы думать, вспоминать въ тишинѣ, въ безнадежности...

Такъ хорошо, такъ задумчиво синѣютъ поздней осенью долины, уходя другъ за другомъ въ горы. А вершины горъ, дикія, сумрачныя, по плечи тонуть въ облачномъ небѣ. Небо равнодушно и низко виситъ надъ озерами, и неподвижно лежатъ темно-свинцовыя озера, налитыя между туманно-сизыми кряжами. Когда я гляжу въ это облачное небо, меня всегда тянетъ уйти въ его туманы, провести ночь въ какомъ-нибудь пустомъ горномъ отелѣ... Я бы полжизни отдала, чтобы вы были здѣсь со мною, а не онъ, — буду же хоть писать вамъ...

Мы уѣхали изъ города на пароходѣ утромъ, а послѣ полудня были уже далеко въ горахъ. Немного жутко было, — а вдругъ пойдутъ мятели? Но какая-то старенькая обезьяна въ деревянныхъ башмакахъ, бритая, съ черной трубкой въ зубахъ, встрѣтившаяся намъ на забытой до весны зубча-

ой дорогѣ, утѣшила насъ: „О, нѣтъ, это еще не пора мѣлѣй“.

Зато какъ печально тутъ!

Низкорослый лѣсъ на обрывахъ и скатахъ былъ рѣдокъ, ремаль и скупо ронялъ мелкіе желтые листья. Иногда изъ-за ерѣвьевъ глядѣли тупыя, изумленные морды большихъ красныхъ коровъ. Иногда слышался птичій свистъ мальчишекъ-пагуховъ, собиравшихъ по кустарникамъ хворостъ...

Когда замерли и эти звуки, въ воздухѣ очень посвѣжѣло...

Въ глубочайшей тишинѣ мы шагали все выше и выше, а въ горѣ, съ кручъ, сумрачно синѣвшихъ сосновыми лѣсами, брымъ дымомъ спускалась зима.

Останавливаясь, чтобы передохнуть, я подолгу смотрѣла въ долины, слабо лиловѣвшія въ деревьяхъ далеко внизу. Тогда слышно было паденіе каждаго листика. Мокрые кугарники плакали — тихо, тихо...

Близъ какаго-то тоннеля, чернѣвшаго своимъ жерломъ въ туманѣ, встрѣтили какой-то поселокъ — пять-шесть сонныхъ ижицъ на скатѣ. Только не спѣша можно было одолѣвать рудный подъемъ по грязнымъ, скользкимъ шпаламъ. Но очень скоро отъ поселка осталось одно пятно внизу, а съ горѣ уже овѣяло сыростью осенняго снѣга.

Тутъ онъ остановился и предложилъ вернуться.

Я наотрѣзъ отказалась.

— Не остроумно, — сказалъ онъ задумчиво. — Я весь окры.

И прибавилъ:

— Похоже на бабій капризъ.

Мнѣ сдѣлалось страшно неловко, потому что и правда — послѣ этого разговора стало похоже.

Но тѣмъ глупѣй было бы вернуться...

Туманъ все густѣлъ и темпѣлъ, а мы шли ему навстрѣчу, иновали черную, закопченную и гулкую дыру тоннеля, роили почти отвѣсный мостъ надъ дымнымъ бездоннымъ щельемъ... Если мой невольный спутникъ отставалъ, онъ мгновенно распыливался въ туманѣ. И когда мы перекликались, голоса наши были глухи и странны.

Разъ онъ окликнулъ меня, — онъ все сзади шелъ, — и, когда я остановилась, подошелъ и протянулъ мнѣ руку.

— Будь ласкова, — несмѣло сказалъ онъ: — заберись мнѣ въ рукавъ и вытяни фуфайку. У меня такія лапищи...

И мнѣ стало жаль его. Онъ уловилъ это, опустилъ глаза и прибавилъ:

— И потомъ, поѣдемъ куда-нибудь, гдѣ тепло, и займемся

оба какимъ-нибудь дѣломъ. Я попробую поправиться... А такъ очень тяжело.

— Разойтись намъ надо, — отвѣтила я.

Онъ помолчалъ. И пробормоталъ, сдвигая брови:

— Трудно это...

— Тогда я возьму на себя этотъ трудъ — сказала я. — Эта драма начинается становиться пошлой. Ты не смѣешь дѣлать меня жертвой своей недѣльной страсти.

— Я все смѣю, — сказалъ онъ, въ упоръ глядя на меня. — Мнѣ терять нечего.

Я отвернулась и пошла...

Настоя ли я на своемъ или нѣтъ, не знаю. Но внутренняя увѣренность въ этомъ у мен такъ сильна, что мнѣ не хочется даже обдумывать, какъ выйдетъ.

Мокрые рельсы, покрытые тающимъ снѣгомъ, сбѣгали сверху, сосны и ели шли оттуда по обрывамъ. Въ сумеркахъ, въ туманѣ можно было скорѣе чувствовать, чѣмъ различать ихъ лиловыя пятна. И надо всѣми этими хмурыми горами стояла такая тяжелая тишина заоблачнаго царства, которая исключала малѣйшій признакъ жизни...

Но вотъ въ старой ели, стоявшей возлѣ дороги, послышался шорохъ. Помните сову? Я именно здѣсь вспомнила ее и послѣ этого рѣшила непременно написать вамъ. Эта была, конечно, не сова, это былъ королекъ, кажется, самая маленькая изъ всѣхъ существующихъ птицъ. Сѣренькій, вспорхнулъ онъ съ мокрого, дымящагося рукава ели, сѣлъ-было на дорогу — и тихо перелетѣлъ къ обрывамъ налѣво, въ туманъ...

Представляете себѣ этотъ вечеръ? Мглистыя стѣны бора, мокрый блѣдный снѣгъ вдоль дороги, дымныя пропасти, гдѣ виситъ густая аспидная мгла... А королекъ спокоенъ. Онъ занятъ какимъ-то тихимъ дѣломъ. Его не пугаетъ зимняя горная ночь. Онъ проведетъ ее гдѣ придется — предоставивъ себя чьей-то высшей защитѣ... У меня же нѣтъ вѣры въ эту защиту!

Сейчасъ лягу спать въ этомъ пустомъ ледяномъ номерѣ, пахнущемъ сосною, и, когда потушу электричество, буду думать, что я за облаками, въ настоящемъ царствѣ смерти. Онъ лежитъ въ сосѣднемъ номерѣ и глухо кашляетъ. Это не человѣкъ, а какія-то погребальныя дроги. Я ненавижу его всей душою!

Больше я писать вамъ, вѣрно, не буду. Если встрѣтимся и я буду свободна, поцѣлую ваши руки отъ радости — дѣлайте тогда со мной, что хотите. Нѣтъ — такъ тому и быть.

Ради Бога напишите мнѣ хоть словечко — въ Веве. Ваша Лена“.

IV.

Но и это письмо дошло до меня Богъ знаетъ когда. Изъ Москвы переслали его въ деревню. Тамъ оно провалялось уть не три мѣсяца, потомъ колесило по югу. И получилъ я го уже въ началѣ марта, передъ отъѣздомъ изъ Крыма.

Тронуло оно меня, взволновало — ужасно.

Но что написать въ отвѣтъ, что сдѣлать? Я долго думалъ надъ этимъ и придумалъ только одно, прости меня, Боже:

— Поѣду-ка и я черезъ горы, на лошадахъ.

На крымскихъ горахъ тоже висѣлъ туманъ. Но была весна, нѣ было двадцать восемь лѣтъ...

На Ляй-Лю, въ грязной корчмѣ на перевалѣ, я пилъ кислое красное вино, пока перепрягали тройку. Все тонуло во мглѣ, проносившейся по вѣтру мимо окошечка корчмы — и вспоминались осенніе вечера, пастухи, проводящіе здѣсь почти всю вою жизнь среди облаковъ и свиста горнаго вѣтра, овцы, смущающія другъ къ другу въ загонахъ... Я вынулъ письмо къ Риги, перечиталъ его — и у меня забилося сердце.

— Ахъ, милая, чудесная! Но что сдѣлать? Что сдѣлать?

Въ корчмѣ не сидѣлось. Я вышелъ на воздухъ...

Туманъ розовѣлъ, таялъ. Въ мгlistой вышинѣ свѣтлѣло, еплѣло. Въ небесахъ, въ дымѣ облаковъ обозначалось что-то радостное, нѣжное... Оно росло, ширилось — и внезапно заняло лазурью...

Надо написать, — непременно!

Но что?

У нея синіе прелестные глаза, грудной голосъ... У нея сть и красота, и умъ, и вкусъ, и здоровье, и молодость... Поцѣлую ваши руки отъ радости, если буду свободна и стрѣчу васъ". А я ничего не могу! Я самъ едва выпутался изъ не менѣ тяжелой исторіи...

Въ величавомъ храмѣ горной пустыни, окружавшей меня, іалъ легкій, легкій куполь. Но еще долго рѣяла по Ляй-Лю онкая разсѣянная мгла, еще долго, какъ жертвенники, куились зубчатые утесы надъ стремнинами, пока не блеснуло аконецъ солнце. И тогда отъ тумана не осталось и слѣда. лебо раскрылось надъ горами во всей своей необъятности, алеко зазеленѣло въ чистомъ воздухѣ волнистое плоскогорье... ѣтеръ тянулъ съ сѣвера, но онъ былъ ласковъ, мягокъ... И, пьяненный солнечнымъ тепломъ, этимъ вѣтромъ, я быстро юшелъ къ обрывамъ, чтобы еще разъ взглянуть на море.

Исполинская дымчатая тѣнь въ радужномъ ореолѣ пала ть меня въ густой зыбкій паръ подъ обрывомъ. Безконечная.

изрытая равнина сгустившихся облаковъ — цѣлая страна бѣлыхъ рыхлыхъ холмовъ — развернулась передъ моими глазами. вмѣсто бездонныхъ стремнинъ и скалъ, вмѣсто прибрежій и заливовъ, до самаго горизонта — и къ югу, и къ востоку, и къ западу — простиралась подо мною эта равнина, необозримымъ слоемъ повисшая надъ моремъ... И вся сила моей души, вся печаль и радость — печаль о той, другой, которую я еще любилъ тогда, и безотчетная радость весны, молодости — все ушло туда, гдѣ, на самомъ горизонтѣ, за южнымъ краемъ облачнаго слоя, длинной, яркой лентой синѣло море...

Надо написать, надо что-то сдѣлать... Но что?

Колокольчикъ однообразнымъ дорожнымъ напѣвомъ говорилъ о долгомъ пути, о томъ, что прошлое — отжито, что впереди — новая жизнь... „И все это мое, и все это во мнѣ, и все это — я“, подумалъ я словами Пьера Безухова, глядя въ голубое небо. Старая дорожная коляска, старая почтовая тройка, ушастый ямщикъ-татаринъ на высокихъ козлахъ рядомъ съ увязанными чемоданами, дружный топотъ копытъ подъ несмолкающій плачъ колокольчиковъ, безконечная лента шоссе... Долго я оборачивался и глядѣлъ на сизые зубцы скалъ, вырѣзывающихся на фонѣ пустого неба... А тройка, подъ заливающимся звономъ и топотомъ, катилась и катилась все ниже и ниже, все глубже и глубже, въ лѣсистыя живописныя пропасти, все дальше и дальше отъ перевала, вырастающаго и уплывающаго въ небо..

Здѣсь, въ этихъ молчаливыхъ горныхъ долинахъ, стояла прозрачная тишина первыхъ весеннихъ дней, красота блѣдно-ясной лазури, черныхъ голыхъ деревьевъ, прошлогоднихъ коричневыхъ листьевъ, слежавшихся въ кустахъ, первыхъ томныхъ фиалокъ, дикихъ тюльпановъ...

Здѣсь еще только начинали зеленѣть горные скаты, отдыхая отъ стужи и снѣга. Здѣсь хрустально-чистъ и свѣжъ былъ воздухъ, какъ бываетъ онъ чистъ и свѣжъ только ранней, ранней весной...

И казалось, что ничего не нужно, кромѣ весны, молодости, неопредѣленныхъ думъ о счастьѣ...

И я отложилъ отвѣтъ на письмо съ Риги. Все откладывалъ и послѣ — дома, на сѣверѣ.

А въ концѣ марта пошелъ какъ-то на почту, въ село верстъ за пять отъ усадьбы, и получилъ записку изъ Женева:

„Исполняя болѣю дочери, сообщаю вамъ, что она скончалась отъ преждевременныхъ родовъ 17 сего марта“.

V.

Были зимне-весеннія сумерки, только-что начало таять. Я вышелъ изъ села, перешелъ желѣзную дорогу, вскинулъ ружье на плечи и пошелъ цѣликомъ.

За Каменкой я сбѣжалъ съ горы въ дуга, къ нашему лѣсочку „Ключики“. Хотѣлось сдѣлать что-нибудь необыкновенное, и, дойдя до караулки, я постучалъ въ окошечко. Вышелъ Сибирка, рябой, широкогрудый и приземистый мужикъ въ косматой волчьей шапкѣ.

— Вотъ, Сибирка, — сказалъ я ни съ того ни съ сего: — получилъ я нынче письмо: померъ одинъ мой пріятель. Дома скука, хочу у тебя переночевать.

Сибирка тряхнулъ шапкой, зорко глянулъ мнѣ на ноги.

— Что жъ, — сказалъ онъ: — царство небесное, вѣчный покой. Всѣ помремъ, да не въ одноѣ время.

И сейчасъ же попросился домой сбѣгать, ребятишекъ провѣдать.

Я согласился и прибавилъ:

— Ъхалъ я домой, Сибирка, было мнѣ въ родѣ какъ восемнадцать лѣтъ. А теперь мнѣ сорокъ.

— Горе-то хушь кого смотаетъ, — отозвался Сибирка.

И, кивнувъ головой, зашагалъ по темной тропинкѣ, убѣгавшей въ дубнякъ, по оврагамъ.

Скоро его коротконогая фигура слилась вдали съ сумракомъ, скрылась за изгородью пустого пчельника въ разлужьѣ, гдѣ изъ снѣга торчали ульи, прикрытые корой и похожіе на грибы. И такая тишина была въ тепломъ зимнемъ воздухѣ, что хотѣлось закрыть глаза и стоять такъ долго, долго... И неподвижно сидѣли и сонно жмурились у ногъ моихъ собаки, — черный въ бѣломъ жилетѣ Цыганъ и остромордый рыжій Волчокъ въ своей пушистой шубкѣ.

Сталь падать снѣжокъ, вывелъ меня изъ оцѣпенѣнія — и мрачно взглянула на меня пустая изба, когда я отворилъ ея тяжелую потную дверь. Низкая, просторная, съ маленькими окошечками и огромной широкоплечей печью, она производила впечатлѣніе жилища почти дикаго. Дубки уже гудѣли въ бѣлосой темнотѣ за нею. Возвращалась зима. И, когда я зажегъ въ печи лучины, поставилъ на нихъ таганчикъ и чугунъ съ водою и вышелъ въ сѣни за хворостомъ, навстрѣчу мнѣ понесло свѣжестью мятели. Нервно хотѣлось работать, и, прозябнувъ въ сѣняхъ, я съ наслажденіемъ вбѣжалъ опять въ избу и крѣпко прихлопнулъ ея черную, липкую дверь.

Изба наполнялась душистымъ запахомъ сырыхъ дубовыхъ

дровъ, сказочно была озарена яркой пастью печки. Длинные оранжево-красные языки вырывались изъ нея, — дрожа, переплетаясь, бѣжали и лизали устье, и стѣны, покрытыя сажей отъ топки по-курному, трепетно блестя, какъ смоляныя. Черно-бархатная кошка примостилась на концѣ широкой лавки у загнѣтки, ежилась, мурлыкала и жмурилась. Красный голенастый пѣтухъ, разбуженный огнемъ, туло бродилъ по соломѣ, въ теплому кругу свѣта. А изъ-подъ лавки зелеными самоцвѣтами вспыхивали иногда глаза Волчка.

Чугунъ съ кулешомъ межъ тѣмъ нагрѣвался. Онъ ужъ шипѣлъ и заплѣвалъ задумчивыми жалобными голосами. Дикой красотой старой русской сказки притягивала къ себѣ широкая ярко-цвѣтная игра пламени. И, присѣвъ на дубовый обрубокъ среди полутемной избы, я долго смотрѣлъ на бѣгущія оранжевыя ленты.

— Умерла! — говорилъ я себѣ — и, вздрагивая, смѣялся.

Черный хлѣбъ былъ липокъ, какъ замазка, отъ чугуна воняло саломъ, но ѣлъ я съ жадностью. Свѣтъ замирающаго пламени дрожалъ подъ низкимъ потолкомъ, озарялъ то окно, то покоробленную доску иконы, стоявшей въ переднемъ углу на лавкѣ. Образъ былъ суздальскій, большіе косые глаза Кого-то, похожаго на Будду, были страшны въ этомъ мерцаніи... Страшны пути Твои, Господи!

Я настелилъ на лавкѣ соломы, кликнулъ въ избу Цыгана, кинулъ въ изголовье полушубокъ... Собаки подошли, посмотрѣли и, съ визгомъ зѣвая, легли... И все вокругъ стало тихо и печально.

Чтобы не угорѣть, я не закрылъ трубы и не задвинулъ печку заслонкой. Дрова проторѣли, свѣтъ медленно меркнулъ. На мгновенье въ сумракѣ у дверей мнѣ померещилась высокая темная фигура...

— Цыганъ! — слабо крикнулъ я, приподнявшись, съ застучавшимъ сердцемъ.

Цыганъ перекошилъ и насторожилъ ухо. Насторожился и Волчокъ. Однако, прислушавшись, оба поглядѣли на меня и успокоились. „Спи, никого нѣтъ“, — сказали мнѣ эти взгляды.

Но красноватая темнота все сгущалась. На мгновенье со страшной живостью увидѣлъ я ее на лавкѣ противъ печки. Она была въ короткой юбкѣ, свѣтъ углей освѣщалъ ея ноги. Приподнявъ руки, она поправляла волосы и, ласково глядя мнѣ въ лицо, беззвучно смѣялась... Нѣжность, боль и ужасъ охватили меня...

Темнота подошла къ устью, и послѣдній уголекъ на загнѣткѣ глядѣлъ въ нее, подобно закрывающемуся глазу. Вотъ

и онъ померкъ... Вѣтеръ шуршалъ по завалинкѣ, заносилъ снѣгомъ окошечки. Окошечки тускло сѣрѣли... Кто-то подошелъ и заглянулъ въ одно изъ нихъ... Чья-то высокая тѣнь промелькнула и скрылась...

Я зналъ: это оборвавшаяся притуга. Но тяжело и страшно было мнѣ, какъ въ могилѣ. То, что такъ радостно сыпало дождемъ сквозь солнце подъ Москвою, что такъ вольно звало въ даль надъ Ляй-Лю, теперь смотрѣло въ окошечко такимъ тусклымъ, тусклымъ окомъ!

1908 г.

БѢДЕНЬ БѢСЬ.

I.

Съ горы, по наглаженной ухабистой дорогѣ, спускался къ рѣкѣ студентъ Вороновъ. Возлѣ моста, положивъ руки на костыль и глядя на рѣку, стоялъ какой-то маленькій человѣчекъ.

Изумрудныя льдины лежали вокругъ темно-лиловой проруби. Голоса бабъ, полоскавшихъ бѣлье, звонко раздавались въ морозномъ воздухѣ. Солнце скрывалось за садами и горою, снѣжная долина вся была въ тѣни, но оконца избъ и кресты розово-бѣлой церкви на противоположной сторонѣ еще горѣли лучистымъ золотомъ. Глубокіе январскіе снѣга, огромныя снѣжныя шапки на избахъ алѣли. Красновато чернѣли и сквозили возлѣ церкви садъ вороновскаго помѣстья, густо и свѣжо темнѣли сосны палисадника. Дымъ изъ трубъ поднимался въ чистое зеленое небо ровными фіолетовыми столбами.

Казалось, что стоявшій возлѣ моста любитъ.

Мимо него, со скрипомъ, раскатываясь, неслись развальни: шибко возвращался обозъ порожнякомъ. И онъ благоразумно отошелъ къ сторонѣ, въ снѣгъ.

— Держись, сръжу!—крикнулъ одинъ изъ обозчиковъ, сапи котораго раскатились особенно лихо.

Стоявшій обернулся, что-то крикнулъ въ отвѣтъ... И, махнувъ рукой, закашлялся.

Студентъ сбѣжалъ къ мосту,—онъ все кашлялъ. По вытянутой шеѣ и склоненной головѣ, по тому, какъ онъ отставилъ костыль, опершись на него обѣими руками, видно было, что кашель затяжной, мучительный. Но, должно-быть, притворный: вѣрно, это—дурачокъ, бродяга по святымъ мѣстамъ и, вѣрно, онъ замѣтилъ барина.

Студентъ поровнялся съ нимъ, заглянулъ ему въ лицо, подъ самодѣльную шапку съ наушниками и назатыльникомъ,

мѣхомъ внутрь. Тогда онъ смолкъ, низко поклонился и, отдуваясь, медленно побрелъ по мосту, съ визгомъ вонзая въ морозный снѣгъ желѣзный пакопечникъ костыля. Худыя ноги въ большихъ лаптяхъ еле волочились...

Нѣтъ, не дурачокъ. Просто нищій и больной.

Необычна была только аккуратность, съ которой лежали мѣшки за его спиной. Необыченъ и зипунишка—цвѣта ржаного хлѣба, старый, но тщательно заплатанный и доходившій всего до колѣнъ: колѣни были прикрыты кожаными полами,—полами, отрѣзанными отъ полусубка и къ зипуну пришитыми. И уже совсѣмъ необычно было лицо—лицо подростка лѣтъ подъ сорокъ: блѣдное и изможденное, простое и печальное. Черные глазки глядѣли со страннымъ спокойствіемъ. Пепельныя губы среди рѣденькихъ усовъ и бороды полуоткрывались. Прядь длинныхъ волосъ, по-женски дожившаяся на маленькое восковое ухо подъ наушникомъ, была суха и мертва, какъ у отшельника. Тѣло—щуплое, тощее, съ болѣзненно приподнятыми плечами...

— Застылъ, старикъ? — крикнулъ студентъ съ дѣланой бодростью.

Нищій пріостановился и тяжело перевелъ дыханіе, раскрывая ротъ, поднимая грудь и плечи.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ онъ неожиданно-просто и даже какъ будто весело.—Застыть не застылъ...

И опять собрался съ духомъ и прибавилъ еще бодрѣе—такимъ тономъ, точно все обстояло вполне благополучно, кромѣ того, съ чѣмъ ужъ ничего не подѣлаешь:

— Застыть не застылъ. А вотъ здоровье...

Онъ приподнялъ грудь:

— А вотъ здоровье все хужѣетъ!

И легонько двинулся впередъ.

Студентъ осматрѣлъ его лапти, онучи: ноги тонки и слабы, онучи тонки и стары, лапти разбиты, велики... И какъ это онъ ухитрится ходить по такому морозу?

— Ужъ очень у тебя, дядя, обужа-одежа плоха!—сказалъ студентъ.

— Обужа, вѣрно, плоха,—согласился нищій. — А одежда... нѣтъ, одежда ничего. У меня подъ ней кофта ватная.

— Все-таки студисься, небось, безъ валенокъ-то?

— Студисься... Бока колетъ. Закашляешься — ну, прямо смерть.

Говорить на ходу было однако трудно. И студентъ остановился. Остановился и нищій и поспѣшилъ положить дрожавшія руки на костыль.

— Дальній?

— Дальній... Изъ-подъ Ливень.

— Давно удушье-то?

— Удушье-то? Семой годъ.

— Селитру не жегъ? Очень помогаетъ.

— Нѣтъ. Перець... пиль.

Студентъ покачалъ головою.

— Глупо!—сказалъ онъ. — Я вотъ на доктора учусь, докторомъ, значить, буду... понимаешь?

— Дѣло хорошее... Какъ не понимать!

— Ну, такъ и послушайся меня: перець не пей, а купи селитры. И стоить-то всего двѣ копейки! Разведи, намочи бумагу, высуши и жги. Подышишь—полегчаетъ.

И опять согласился нищій, не придавъ, видимо, ни малѣйшаго значенія селитрѣ:

— Это можно. Деньги не велики.

— А ночевать гдѣ нынче будешь?

— Ночевать-то? Ночевать вездѣ можно. Въ Знаменскомъ ночую...

— Та-акъ!—усмѣхнулся студентъ.—Но вѣдь ты туда къ свѣту со своей ходьбой придешь!

— Мнѣ спѣшить некуда. Сила, братецъ ты мой, не въ томъ...

Нищій виновато улыбнулся, собираясь съ духомъ:

— Сила въ томъ, что здоровье все хужѣтъ!

И это было сказано такъ трогательно, что студентъ слегка смѣшался. Помолчалъ и спросилъ:

— По деревнѣ пойдешь?

— Нѣтъ. Нынче собралъ малость. Я на это не жадень.

— А водку пьешь?

— Непьютъна небеси, атутъ—комуни поднеси... Много не пью.

— Поборъ въ мѣшкахъ-то?

— Ну, поборъ! Добришко... Рубахи, портки. Портокъ у меня много... Трое... А вотъ рубахи — бѣда. Каляныя дюже.

— То-есть какъ каляныя?

Жестки дюже. Съ каляными воротами. Баринъ измалковскій даль...

За мостомъ дорога раздваивалась: одна шла круто въ гору, къ вороновскому помѣстью; другая, отлогая, наискось къ церкви.

— Слушай,—сказалъ студентъ:—пойдемъ къ намъ. Я бы тебѣ деньжонокъ далъ...

Солнце закатывалось. Нищій посмотрѣлъ на гору, на свѣжую, густую зеленъ палисадника, на мертвѣющія сизыя крыши, на малахитовые снѣга выгона... И не спѣша отвѣтилъ:

— Бѣденъ бѣсъ, на немъ крестанѣтъ. А деньжонокъ неплохо бы.

— Ну вотъ и пойдёмъ.

— А пойтить... не пойду. Думается, и такъ управлюсь. Гора-то... дюже высока.

— Ну что жъ, что высока? Зато отдохнешь. Ночуешь.

Нищій подумалъ.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ твердо: — не ночую. Думаю, въ Знаменскомъ лучше...

И, склонивъ голову, отдуваясь, полегоньку, но упорно побрелъ по дорогѣ къ церкви.

II.

Студентъ забѣжалъ домой, захватилъ кошелекъ и догналъ этого чудака на выѣздѣ въ поле. Оттуда, съ сѣвера, дуло острымъ вѣтромъ, клейко схватывавшимъ усы и рѣсницы. Темнѣла и вся двигалась мутно-фіолетовая спѣжная равнина, отлого поднимавшаяся къ высокому вѣтряку на горизонтѣ. Свѣтъ заката еще брезжилъ на ея крестомъ простертыхъ крыльяхъ. А темнѣющее поле все курилось и курчавилось, бѣжало быстрой дымящейся зыбью поземки.

— На-ка вотъ тебѣ полтинничекъ, — слегка задохнувшись, сказалъ студентъ, когда, на скрипъ шаговъ, нищій обернулся и остановился. — Да скажи, какъ поминать тебя, — прибавилъ онъ шутливо.

Нищій усмѣхнулся.

— А мнѣ теперь ничего, полегчало, — отвѣтилъ онъ бодро, хотя лицо его посинѣло и сморщилось, а на глазахъ отъ вѣтра выступили слезы.

Снявъ большую варешку, онъ неловко взялъ мертвыми ледяными пальцами монету и задумчиво посмотрѣлъ на нее. Студентъ ждалъ великой радости, но поблагодарилъ нищій довольно спокойно:

— Вотъ за это спасибо... А поминать меня, Богъ дастъ, не придется. Дойду.

— Серьезно, какъ звать-то тебя и что ты за чудакъ такой? — спросилъ студентъ.

— Звать-то? Звали Лукьяномъ... А ужъ чѣмъ чуденья — не знаю.

— Да вѣдь замерзнешь!

— И замерзнешь — не откажешься. Смерть, братъ, — она какъ солнце, глазами на нее не глянешь. А найдетъ — вездѣ. Да и помирать-то не десять разъ, а всего одинъ.

— Въ рай, значить, спѣшишь попасть? — сказалъ студентъ насмѣшливо, трогая ухо и поворачиваясь отъ вѣтра.

— Зачѣмъ въ рай? Это еще дѣло темное — не то есть онъ, рай-то, не то нѣтъ. А мнѣ и тутъ не плохо.

Вѣтеръ все сильнѣе дулъ въ спину, въ голову, ледянилъ затылокъ, знобилъ, дѣлалъ легкими ноги. Студентъ опустилъ руку и съ удивленіемъ взглянулъ въ лицо нищаго.

— Ого!—сказалъ онъ.—Это тебѣ-то не плохо?

Нищій тоже взглянулъ ему въ глаза.

— А что жъ мнѣ?—спросилъ онъ.—Бѣденъ бѣсъ, на немъ креста нѣтъ. А я живу себѣ...

— Да, вотъ оно что! „Какъ птицы небесныя“...

— А что жъ—птицы небесныя? Птицы-звѣри всякіе, они, братъ, объ раяхъ не думаютъ, замерзнуть не боятся.

— Да ты—что? Философъ? Атеистъ?

— Не понимаю я этихъ словъ.

— Знаю, что не понимаешь. Я хотѣлъ спросить: въ Бога-то ты вѣришь?

Нищій подумалъ.

— Въ Бога—нѣтъ того созданія, чтобъ не вѣрило,—твердо сказалъ онъ.

Студентъ взглянулъ на него съ еще бѣльшимъ удивленіемъ. Но стоять было такъ холодно, что онъ поколебался, поколебался—и рѣшительно выговорилъ:

— Ну, съ Богомъ!

— Стало-быть, прощайте, —отозвался нищій и трахнулъ своей круглой шапкой.—Спаси Христось.

И, подумавъ, надѣлъ варежку и повернулся... Маленькій, сгорбленный, съ высокимъ костылемъ, онъ скоро сталъ еще меньше, по поясъ утонулъ въ сумеркахъ и волнистой снѣжной зыби, густо бѣжавшей на него отъ мельницы...

Вечеромъ студентъ долго ходилъ изъ угла въ уголъ по залу. Прислуга спала. На столѣ горѣла лампа, въ углу, предъ иконой—лампадка: когда барыни не было дома, нянька всегда зажигала ее, —чтобы Богъ далъ благополучную дорогу. И теперь студентъ съ тревогой посматривалъ на часы,—былъ уже девятый, а матери все не было.

— Дикари!—говорилъ онъ иногда вслухъ, вспоминая нищаго.

Ночью онъ спалъ мало. Съ вечера читалъ Юнга и часовъ въ десять, въ валенкахъ и башлыкѣ, вышелъ взглянуть на восходъ Близнецовъ, да кстати и на погоду. И на порогѣ сѣней оторопѣлъ: показалось, что свѣту Божьяго не видно,—такъ гулко шумѣлъ садъ отъ морозной бури, такъ бѣшено несла поземка. Но странно!—садъ четко чернѣлъ надъ ея непрерывно несущимися вихрями, и звѣзды огнемъ горѣли на черно-синемъ чистомъ небѣ. Утопая въ снѣгу, нагибая голову отъ жгучей, захватывающей духъ пыли, студентъ одолѣлъ гудящую аллею и глянулъ въ поле: темъ, смутно

волнующееся блѣсое море — и надъ нимъ, какъ два страшныхъ, то исчезающихъ, то появляющихся алмазно-голубыхъ глаза, двѣ яркихъ, широко разставленныхъ звѣзды...

Второй разъ студентъ добрался до садоваго вала въ двѣнадцатомъ часу. То же самое! Только еще морознѣе и страшнѣе. Все спитъ мертвымъ сномъ, нигдѣ ни огонька, садъ реветъ властно и дико. Небо еще чище, чернѣе, звѣзды еще пламеннѣе. А надъ бѣлымъ моремъ мятели—два другихъ, еще шире раскинутыхъ, кровавыхъ глаза: рѣдкое и зловѣщее сочетаніе Арктура и Марса. Остро блещутъ зерна Волопаса, вѣеромъ разсыпанныя на горизонтѣ за мельницей. Близнецы, сдвинувшись, горятъ почти надъ головой...

— Замерзнетъ, чортъ!—съ сердцемъ подумалъ студентъ.

И всю ночь тревожно и однообразно стучали въ темный домъ, заносимый снѣгомъ, плохо прикрытыя ставни. До костей промерзнувъ на вѣтру, студентъ заснулъ крѣпко, но потомъ сталъ сквозь сонъ томиться этимъ стукомъ. Онъ очнулся, зажегъ свѣчу, одѣлся... Ставни уже не стучали. И, выйдя на крыльцо, онъ услыхалъ отдаленную сонно-пѣвучую переключку пѣтуховъ и замеръ отъ восхищенія.

Свѣжо и остро пахло тѣмъ особеннымъ воздухомъ, что бываетъ послѣ вьюги съ сѣвера. Тихая, звонкая ночь, вся золотистая отъ полумѣсяца, низко стоявшаго надъ побѣлѣвшими садами за долиной, мѣшалась съ тонкимъ свѣтомъ зари, чуть алѣвшей на востокѣ. Треугольникомъ дрожащаго расплавленного золота висѣла тамъ Венера. Марсъ и Арктуръ искрились высоко на западѣ. И всѣ звѣзды, мелкія и крупныя, такъ отдѣлялись отъ бездоннаго неба, такъ были ярки и чисты, что золотыя и хрустальныя нити текли отъ нихъ чуть не до самыхъ снѣговъ, слабо отражавшихъ ихъ блескъ. Горѣли огни по избамъ на селѣ, пѣтухи какъ бы убаюкивали нѣжно-усталый, склоняющійся полумѣсяцъ. И съ звонкимъ скрипомъ, съ визгомъ вѣвжала въ ворота знакомая тройка—вся сѣро-курчавая отъ инея, съ бѣлыми пушистыми рѣсницами...

Когда студентъ подбѣжалъ къ санямъ, мать и кучеръ въ одинъ голосъ крикнули ему, что на знаменской дорогѣ лежить въ снѣгу мертвое тѣло.

III.

Лежало оно внизъ лицомъ. Подняли его въ тотъ же день, въ обѣдъ. Но какой-то звѣрекъ уже успѣлъ изгрызть ему шею.

Станового оно дожидалось въ холодной избѣ старосты. Постелили на полу соломки—и положили...

Закопали просто и равнодушно.

Взглянуть на него студентъ не рѣшился. Пошелъ только къ выносу, къ церкви. Опять былъ морозный ясный вечеръ, опять блестѣлъ крестъ въ зеленоватомъ небѣ. На крыльцѣ сторожки, возлѣ воротъ церковной ограды, безъ шапки стоялъ лысый сторожъ, георгіевскій кавалеръ, и съ азартомъ въ сотый разъ рассказывалъ студенту о томъ, какъ онъ былъ подъ „Кискинтинополемъ“.

— А боялся ты на войнѣ?—спросилъ студентъ.—Смерти-то боишься?

— Смерти-то? Чего жъ ее бояться? Двумъ смертямъ не бывать, одной не миновать!—бойко отвѣтилъ сторожъ.

— Эко-ся! — сказалъ студентъ, поддѣлываясь подъ его тонъ.—А ну-ка да нѣтъ тамъ ничего,—на томъ свѣтѣ-то?

Сторожъ подумалъ, хитрыми глазами глядя въ землю. И вдругъ быстро и восторженно срѣзалъ его:

— Такъ. А кто жъ колчегъ-то строилъ?

Студентъ опѣшилъ. „Какой такой колчегъ? Ковчегъ, что ли?“—хотѣлъ спросить онъ. Но сторожъ уже замѣтилъ, что срѣзалъ.

— Вотъ то-то и оно-то!—воскликнулъ онъ восторженно.

„Дикарь!“ — подумалъ студентъ съ сердцемъ и отвернулся.

Наконецъ показалась небольшая толпа: нѣсколько чело-вѣкъ, безъ шапокъ, низко несли на полотенцахъ огромный тесовый гробъ. Ударили въ колоколь. Подкатали козырьки съ высокимъ и сутулымъ дьякономъ и сѣдобородымъ попомъ въ теплой скуфѣ.

— Поживѣй, ребятушки, поживѣй!—бодро крикнулъ попъ, выпрастывая изъ козырьковъ ногу въ большой калошѣ.

И тащившіе гробъ почти бѣгомъ, спотыкаясь подъ тяжестью, дружной толпой кинулись въ ворота среди дѣвокъ и мальчишекъ. Студентъ, съ застучавшимъ сердцемъ, приподнялъ картузъ и покосился на коленкоръ, закрывавшій лицо этого страннаго, всѣмъ чужого покойника.

Вдругъ изъ-подъ горы показался мужикъ, лохматый, тоже съ раскрытой головой,—съ дѣтскимъ гробикомъ подъ мышкой. Онъ бѣжалъ и весь сіялъ отъ радости.

— Разрѣшилъ! — крикнулъ онъ сторожу и, добѣжавъ до церковной ограды, остановился перевести духъ. — Дьяконъ было-уперся, а батюшка и слова не сказалъ!

Сторожъ хлоннулъ себя по лямкамъ и вытарапцилъ слеза щіеся глаза.

— Да что ты? Ну, значить, могорычъ! Только что жъ ты, дуракъ, съ гробомъ-то бѣгалъ?

Мужикъ заволновался.

— Чудакъ человѣкъ! Да ты жъ самъ болталъ—не велить, моль, батюшка безъ спросу въ церковь ставить... Да и тяжести-то всего два фунта.

— А въ чемъ дѣло?—спросилъ студентъ.

— Да въ томъ дѣло, что ужъ очень ловко линія мнѣ вышла,—радостно сказалъ мужикъ.—То бы мнѣ, значить, для дѣвчонки-то могилку рыть, да батюшку, али, скажемъ, хоть отца дьякона тревожить, да то, да се, а тутъ такъ ловко вышло, что поставлю я ее съ Господомъ на этого самого странничка—и шабашъ!

— Ну вотъ, къ тому я и говорю,—перебилъ сторожъ.— Къ тому и веду, что могорычъ съ тебя на радостяхъ.

— За мной, братъ, не пропадетъ,—пробормоталъ мужикъ, поворачиваясь къ воротамъ.

Долго казалась студенту странной безыменная могила, выросшая на погостѣ за церковью. Все вспоминались высокій костыль, черные глаза, прядь длинныхъ волосъ. Хотѣлось написать рассказъ... Но вѣдь столько уже написано объ этихъ замерзающихъ! Хотѣлось озаглавить зло и рѣзко: „Дикари“. Но дикари ли? Да и смущалъ, трогалъ дѣтскій гробикъ, случайно попавшій въ эту могилу, на чей-то безтолково-огромный, всѣмъ чужой гробъ... Развѣ это выразишь?

1909 г.

ХРАМЪ СОЛНЦА.

Путевыя поэмы.

ТѢнь Птицы.

I.

Второй день въ пустынномъ, пепельно-синемъ и спокойномъ Черномъ морѣ.

Начало апрѣля, но съ утра свѣжо и облачно. Воздухъ прозраченъ, краски нѣсколько дики.

Стая краснолапыхъ чаекъ долго провожала насъ вчера, долго плыла на тугихъ острыхъ крыльяхъ, скосивъ глаза на длинный малахитовый слѣдъ за кормою. Но низкіе, плоскіе берега Новороссіи скрылись вчера еще въ полдень. Одинокій Змѣиный островокъ, каменистый Θεодонисъ, похожій на черепаху, остался вправо отъ насъ передъ вечеромъ. И передъ вечеромъ скрылись и чайки... И вспоминались жалобы Овидія на сарматскую нелюдимость этихъ мѣстъ:

Quocumque adspicias nihil est nisi pontus et aër.

Сизо-алый закатъ былъ холоденъ и мутенъ. Огонекъ, еще при свѣтѣ заката вспыхнувшій на верхушкѣ мачты, былъ печаленъ, какъ лампада надъ могилой. Непріятный вѣтеръ, крѣпко дувшій по правому борту, не развелъ зыби, но рано согналъ всѣхъ съ палубы, и тяжелая черная труба хрипѣла, распуская по вѣтру космы дыма. А ночь съ мутно-блѣдной луной и неясными тѣнями, едва означавшимися отъ вантъ и дыма, была еще холоднѣе. Но зато какъ крѣпко спалось въ большой холодной каютѣ подъ мѣрные вздохи машины!

Шумно и тревожно было вчера утромъ. Съ тревожнымъ и радостнымъ чувствомъ спустился я съ одесской горы въ этотъ постоянно волнующій меня міръ порта—въ этотъ усѣянный мачтами городъ агентствъ, конторъ, складовъ, рельсовыхъ

путей, каменнаго угля и товаровъ, горами наваленныхъ на пристаняхъ. По жидкой весенней грязи, среди сброда босяковъ и грузчиковъ-кавказцевъ съ ихъ чалмами изъ башлыковъ и орлиными глазами, среди извозчиковъ, воловъ, влачащихъ нагруженные телѣги, и жалобно кричащихъ паровозовъ, пробрался я къ черной китособразной громадѣ нашего переполненнаго людьми и грузомъ парохода, вымпела котораго, въ знакъ скорого выхода въ море, уже трепетали въ жидкомъ блѣдно-голубомъ небѣ. И, какъ всегда, безконечно долгими казались часы послѣднихъ торопливыхъ работъ, крики и споры на палубѣ, безтолковая суeta ѣдущихъ и провожающихъ, топотъ ногъ по сходнямъ, грохотъ лебедекъ, доносящихся надъ головами огромныя клады, и яростная команда капитанскихъ помощниковъ.

Но затихли лебедки, улеглась мало-по-малу суматоха, сошли, какъ сѣрыя лошади, рослые жандармы на каменную сорную пристань—и, съ грохотомъ сдвинувъ съ себя сходни, пароходъ сразу порвалъ всякую связь съ землей. Все ладно заняло на немъ свое опредѣленное мѣсто,—въ наступившей тишинѣ, подъ стеклянное треньканье телеграфа и отрывисто-четкую команду, начался медленный выходъ въ море. Тяжелая корма дрожить, плавно отдѣляясь отъ пристани и выбивая изъ-подъ себя клубы кипени, чайки жалобно визжать и дерутся надъ красной рачьей скорлупой въ радужныхъ кухонныхъ помояхъ. Съ берега, изъ затихшей черной толпы, и съ лодокъ машутъ бѣлыми платками. Но берегъ все отдалается и все уменьшается. По правому борту уже тянется сѣрая каменная лента мола, а на ней—мальчишки-рыбодовы въ подвернутыхъ штанахъ, праздничная пестрота женскихъ весеннихъ нарядовъ и зонтиковъ... Неожиданно выглянуло солнце—и сзади, за трубами и мачтами, рѣзче обозначился сивый силуэтъ города, а впереди, въ зеркальныхъ бликахъ отъ зеленой качающейся воды, засіяла бѣлая маячная башня... Но вотъ и маякъ прошелъ мимо, озаривъ насъ своимъ отблескомъ, бугшприть медленно и неуклонно стала заворачивать къ югу, огромной дугой выгнулись и широкій клубящійся слѣдъ винта, и черный хвостъ дыма надъ нимъ, солнечный свѣтъ и вѣтеръ перемѣнили по бортамъ мѣста—и вдали развернулся наконецъ вольный тысячемильный путь среди воды и воздуха...

Сутки въ этой пепельно-синей пустынѣ, легкимъ кольцомъ замкнувшейся подъ весеннимъ сиренево-облачнымъ небомъ, прошли незамѣтно. Просыпаешься подъ топотъ матросовъ, моющихъ палубу, съ отрадной мыслью, что ночь провелъ въ

морѣ, предавшись волѣ Божіей, возлѣ тонкой желѣзной стѣнки, за которой всю ночь шумно переливались волны. Одѣваешься возлѣ открытаго иллюминатора, въ который тянетъ апрѣльской свѣжестью моря,—и съ радостью вспоминаешь, что Россія за триста миль отъ тебя. Ахъ, никогда-то я не чувствовалъ любви къ ней и, вѣрно, такъ и не пойму, что такое любовь къ родинѣ, которая будто бы присуща всякому человѣческому сердцу! Я хорошо знаю, что можно любить тотъ или иной укладъ жизни, что можно отдать всѣ силы на созиданіе его... Но при чемъ тутъ родина? Если русская революція волнуетъ меня все-таки болѣе, чѣмъ персидская, я могу только сожалѣть объ этомъ. И воистину благословенно каждое мгновеніе, когда мы чувствуемъ себя гражданами вселенной! И трижды благословенно море, въ которомъ чувствуешь только одну власть—власть Нептуна!

Въ пути со мною бейрутское изданіе исторіи Баальбека—Храма Солнца, къ которому я совершаю паломничество, да Тезкиратъ Саади, „усладительнѣйшаго изъ писателей предшествовавшихъ и лучшаго изъ послѣдующихъ, шейха Саади Ширазскаго, да будетъ священна память его!“. Въ утренней свѣжести я сижу на ютѣ и упиваюсь жизнью поэта, мудреца и путешественника.

— Рожденіе шейха,—читаю я,—послѣдовало во дни Атабека Саади, сына Зенги

— Родившись, употребилъ онъ тридцать лѣтъ на приобрѣтеніе познаній, тридцать—на странствованія и тридцать—на размышленія, созерцаніе и творчество.

— Сѣвъ на коврѣ богопочитанія, на пути людей Божьей дороги, за каждое свое дыханіе разсѣивалъ Саади по жемчужинѣ очаровательнѣйшихъ газелей—и безплотные на небесахъ, слушая его, говорили, что одинъ бейтъ Саади равняется годичному славословію ангеловъ.

— И такъ протекли дни Саади въ богоспасаемомъ городѣ Ширазѣ, пока не воспарилъ фениксъ чистаго духа шейха на небо—въ пятницу въ мѣсяцъ Шеввалѣ, когда погрузился онъ, какъ водолазъ, въ пучину милосердія Божія.

— Какъ прекрасна жизнь, завоевавшего землю мечомъ краснорѣчія!

— *Какъ прекрасна жизнь, потраченная на то, чтобы оставить по себѣ чеканъ души своей и обозрѣть красоту міра!*

Взволнованный прелестью этой поэмы, я ничего не вижу вокругъ себя.

— Много странствовалъ я въ дальнихъ краяхъ земли! — читаю я.

— Я короталъ дни съ людьми всѣхъ народовъ и срывалъ по колоску съ каждой нивы.

— Ибо лучше ходить босикомъ, чѣмъ въ узкой обуви, лучше терпѣть всѣ невзгоды пути, чѣмъ сидѣть дома!

— Ибо на каждую новую весну нужно выбирать и какую-нибудь новую любовь: другъ, прошлогодній календарь не годится для новаго года!

Въ округленныхъ сиренево-сѣрыхъ облакахъ все чаще начинается проглядывать живая лазурь неба. Иногда появляется и солнце,—тогда кажется, что кто-то радостно и широко раскрываетъ ласковые глаза... Мгновенно мѣняются краски далей, мгновенно оживаетъ море въ золотистомъ, тепломъ свѣтѣ...

— Да, да! Да, да!—твердитъ машина, мимо которой твердо прохожу я, то попадая въ чадъ кухни, то вдыхая свѣжесть моря, по чистой и крѣпкой палубѣ, убѣгающей и повышающейся къ носу.

На кормѣ, на ютѣ пусто: второй классъ занятъ греками-коммерсантами, все время играющими въ кости въ дымной рубкѣ, да не выходящими изъ каютъ гречанками въ неизмѣнныхъ черныхъ платьяхъ. Ютѣ, еще не покрытый тентомъ, напоминаетъ весеннюю террасу деревенскаго дома... Пройдешь мимо большого рулевого колеса въ сѣромъ грубомъ чехлѣ, среди наставленныхъ другъ на друга клѣтокъ, переполненныхъ мирно переговаривающимися курами, услышишь странный въ морѣ запахъ птичника и остановишься у рѣшетки борта... На цѣлую версту бѣжитъ изъ-подъ винта кипящая дорога, дымчато-малахитовый ледъ со снѣгомъ, — вертится нѣжно-звнящая бечева лага...

Quocumque adspicias nihil est nisi pontus et aër!

А подь навѣсомъ спардэка, возлѣ рубки первого класса, полулежитъ въ полотняномъ креслѣ рослая и величавая англичанка въ мужскихъ ботинкахъ со шнурками, въ сѣрой тяжелой юбкѣ, въ толстыхъ перчаткахъ и мѣховой накидкѣ. На колѣняхъ у нея палевый томикъ Таухница, въ рукѣ — лорнетъ. И когда я прохожу мимо, этотъ лорнетъ жестомъ императрицы прикладывается къ бѣлесымъ глазамъ, къ породистому красивому носу, и серьезно оглядываетъ меня съ ногъ до головы.

Красивъ и брюнетъ, съ которымъ мы въ сотый разъ расходимся возлѣ рубки. Широкое пальто, за карманъ котораго прицѣпленъ щегольской костыликъ, картузь французскаго

фасона, башмаки на толстыхъ подошвахъ... Очень худъ, но сложенъ отлично, лицо смуглое, строгое, съ великолѣпными черными глазами и блестяще-черной бородой... Откуда онъ? Рѣшаю, что изъ Александріи, и прохожу мимо съ той же независимостью, съ какою проходить и онъ,—какъ и полагается незнакомымъ людямъ, совершающимъ одинъ и тотъ же рейсъ... И мѣрными вздохами соглашается машина, обвѣвая меня тепломъ и блестя безшумно ныряющими свѣтло-стальными поршнями.

Солнце между тѣмъ опять раскрыло свои милые глаза, опять озарило и море и палубу горячимъ свѣтомъ. Густымъ сине-лиловымъ масломъ свѣтитъ сквозь рѣшетку борта вода, бѣгущая навстрѣчу, и съ каждымъ часомъ дѣлается все болѣе тяжелой, все болѣе непохожей на жидкую, желтоватую воду возлѣ береговъ Новороссіи. Она своими красками говоритъ о близости другихъ береговъ. И моряки уже празднуютъ эту близость бѣлоснѣжными кителями, чистотой, которой они такъ любятъ щеголять въ морѣ.

Стриженный подъ гребенку, до половины лба красно-коричневый отъ загара старшій помощникъ, плотный хохолъ съ упорно-насмѣшливыми глазками, сидитъ въ своей каютѣ подъ командирскимъ мостикомъ возлѣ открытой двери. Ширококулый рябой вѣстовой стоитъ невдалекѣ отъ этой двери босикомъ и, когда я прохожу мимо, вполголоса предлагаетъ обмѣнить русскія деньги на турецкія.

Дальше подъемный трапъ, перекинутый надъ шахтой трюма отъ спардека къ носу. Изъ шахты глядятъ крупы лошадей и дымчатыхъ быковъ, по-деревенски пахнетъ стойломъ, прѣлымъ сѣномъ,—и я щурюсь отъ солнца и удовольствія. Ахъ, какъ ласково и нѣжно стало все! И вѣтеръ, и воздухъ, и мутно-голубое небо, въ которое такъ легко уносится тяжкая, зыбкая мачта. Небо по-весеннему блѣдно, кротко, какъ чело-вѣкъ, съ застѣнчивой улыбкой вышедшій на воздухъ въ первый разъ послѣ болѣзни... Но солнце уже припекаетъ, на глазахъ превращаетъ мокрые портки и рубахи, лежація возлѣ бугшприта, на цѣпи якоря, изъ сѣрыхъ — въ бѣлыя. Теплый вольный вѣтеръ тянетъ оттуда—съ юга, съ неогляднаго золотистаго моря. Стою на носу и смотрю внизъ, то на острую желѣзную грудь, грубо рѣжущую прозрачную синеватую воду, то на лежащую мачту бугшприта, медленно, но упорно лѣзущую въ голубой склонъ неба. Вода стекловидными валами разваливается на стороны и бѣжитъ назадъ широкими снѣжными грядами; глубоко внизу краснѣетъ подводная часть носа,—и вдругъ изъ-подъ него стрѣлой вырывается остро-

рылая туша дельфина, за ней другая... и долго-долго мелькают въ прозрачной водѣ ихъ летящія вперегонку спины. Моему тѣлу живо передается это буйное животное веселье, и вся душа моя содрогается отъ радости.

Черезъ нѣсколько часовъ я опять увижу святую Софію. Черезъ нѣсколько дней я буду въ Греціи. Потомъ на Нилѣ, близъ сфинкса, видѣвшаго лицо Моисея,—и пойду, черезъ страну Авраама и Сарры, къ Баальбеку, къ руинамъ капища, воздвигнутаго самимъ Каиномъ „въ гордости и безуміи“... Всякій дальній путь—таинство: онъ приобщаетъ душу безконечности времени и пространства. А тамъ—колыбель человечества. И я подойду къ выходу изъ капища исторіи,—изъ руинъ, древнѣйшихъ въ мірѣ, загляну въ туманно-голубую бездну Миса.

II.

Въ четвертомъ часу надъ спардэкомъ появился бѣлый китель грузнаго старика-командира, и противъ солнца блеснули круглые глаза бинокля.

Я оборачиваюсь — и вижу въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ насъ качающуюся на зеленоватой водѣ фелюку. Подъ фелюкой отсвѣчиваетъ кремовый отблескъ повисшаго паруса, въ фелюкѣ—двѣ алые фески, на вымпелѣ—алый флагъ съ бѣлой звѣздой въ бѣломъ полумѣсяцѣ. Гербъ Порты, Византіи и Артемиды Свѣтоносной! И уже открывается на южномъ горизонтѣ дальній волнистый призракъ земли: въ ясномъ воздухѣ, въ золотистомъ предвѣчернемъ свѣтѣ рисуются дымчатые силуэты Мало-Азійскихъ и Балканскихъ предгорій.

Подъ навѣсомъ спардэка императрицей стоитъ англичанка, за ней—александрійскій брюнетъ. Страстно жестикулируютъ и высокими обиженными тенорами объясняютъ что-то другъ другу греки. Хохолъ, флуцій на Аеонъ, старикъ въ огромныхъ сапогахъ, въ короткомъ сѣромъ казакинѣ и съ очень маленькой головою, вышелъ на трапъ надъ трюмомъ и крестится, кланяясь берегамъ. По трапу бѣгутъ на бакъ босые, съ подвернутыми портками, матросы. Жадно смотрю впередъ—и наконецъ различаю, что предгорія, разступаясь, медленно открываютъ устье Босфора.

Пароходъ легко рѣжетъ заштилѣвшее море и какъ бы уменьшается, приближаясь къ четкимъ линіямъ вырастающихъ впереди каменистыхъ, сѣро-зеленыхъ холмовъ Азіи и Европы.

Вотъ поднялись справа и слѣва бѣлые маяки—и потянуло тепломъ берега и знакомымъ ароматомъ какихъ-то турецкихъ цвѣтовъ,—прелестнымъ сладковатымъ ароматомъ, похожимъ на ароматъ сухой трухи въ дуплистомъ деревѣ.

Затихая, замедля ходъ, въ блескъ отраженій отъ зеркальной воды на красноватыхъ скалахъ безшумно входимъ въ Коваки.

Воздухъ такъ прозраченъ и скалы, кажется, такъ близко, что хочется коснуться ихъ рукой.

А сверху надвигается сѣро-желтая руина генуэзской крѣпости, вѣнчающая высокій мысъ, ярко-изумрудный у подножія. На южной сторонѣ его, надъ заливомъ—казармы цвѣта охры, а рядомъ съ ними—первые турецкіе сады, первыя черепичныя крыши, первый минаретъ и первый шпигъ кипариса!

Вода зелено-голубая.

— Отдай! — ясно слышится въ тишинѣ, наступившей на парходѣ.

И съ грохотомъ летитъ внизъ стопудовый якорь...

Когда-то я купилъ въ этой странѣ руины и кладбищъ, еще до сихъ поръ именуемой на языкѣ старой Турціи „Вратами счастія“, нѣсколько лубочныхъ картинъ. На одной былъ турецкій богатырь въ желтомъ тюрбанѣ, бьющійся съ кентавромъ Полканомъ возлѣ исполинскаго ярко-зеленаго дерева. На другой — святой городъ, состоящій изъ однихъ мечетей, минаретовъ и надгробныхъ столбиковъ. На третьей—караванъ верблюдовъ, нагруженный гробами.

— Возвѣсти народамъ о путешествіи къ дому святому, дабы приходили они туда изъ дальнихъ странъ пѣшкомъ и на быстрыхъ верблюдахъ,—были начертаны надъ гробами слова Корана.

И какой сказочной стариной вѣяло отъ этихъ картинъ!

Но вѣдь они были когда-то, эти святые города. Были благочестивые старцы, отказывавшіе по смерти своей все имѣніе свое на нищихъ, калѣкъ и стамбульскихъ собакъ, завѣщавшіе доставить гробъ свой черезъ пустыню въ Мекку и восклицавшіе передъ смертью, подобно Абдъ-эль-Кадеру, молившемуся въ оградѣ Меккскаго храма:

— Господи, воскреси меня въ день общаго возстанія слѣпымъ, дабы не стыдился я предъ лицомъ праведныхъ!

Были и шитыя золотомъ одежды, кривые ятаганы безцѣнной стали, тюрбаны изъ султанскихъ шалей... Но давно уже—

Паукъ заткалъ паутиной царскіе входы,
И ночная сова кричитъ на башнѣ Афразіаба...

Говорятъ, что, повторяя персидскаго поэта, сказалъ эти слова упоенный побѣдой Магометъ Второй, войдя въ разграбленное и поруганное жилище Константина вечеромъ 29 мая 1453 года,—въ часъ, когда первый муэzzинъ поднялъ свой звонкій и печальный вопль надъ Византіей. Но

въ устахъ хитраго и свирѣпаго дикаря, украшеннаго всей премудростью восточной учености и втайнѣ почитавшаго даже самого Пророка плутомъ и разбойникомъ, персидское двустипіе звучало, вѣрно, совсѣмъ не меланхолично. Бренность человѣческой славы нисколько не мѣшала ему созидать собственную славу съ ненасытной жаждой. И понятна безграничная власть такихъ, какъ онъ. Но какъ понять безграничную власть старичка въ вѣнскомъ скюртукѣ и дамасской фескѣ, ради своей трусливой власти пренебрегающаго запус-тѣніемъ не византійскаго дворца, а всей Турціи?—Воздастся, впрочемъ, каждому по вѣрѣ его!

Черезъ полчаса послѣ остановки въ Ковакахъ звонятъ къ обѣду, но какъ разъ въ то же время снова травятъ якорную цѣпь. Пароходъ левіаѳаномъ потянулся по извивамъ Босфора—и пошли въ круглыхъ иллюминаторахъ каютъ-компаніи зеленныя холмистыя побережья въ цвѣтущихъ садахъ и могильныхъ кипарисовыхъ рощахъ, въ виноградникахъ и паркахъ, въ мраморныхъ дворцахъ и виллахъ, въ развалинахъ крѣпостей и деревянныхъ турецкихъ домишкахъ, тѣсными уступами нагроможденныхъ среди развалинъ и зелени... Поднимаюсь на рубку и гляжу на голубыя волны горъ и плоскіе, четко выдѣляющіеся въ воздухѣ зонты синихъ линій на ихъ гребняхъ...

Ветхость, запустѣніе—какъ странны эти слова для вступающаго въ Турцію по Босфору! Ветхость—и чудовищныя руины Румели-Гисаръ, ея зубчатыхъ твердынь и допотопной башни, глядящей изъ Европы въ Азію, на красноватыя развалины Анатоли-Гисаръ, отъ которой когда-то наводилъ мосты въ Европу самъ Дарій. Запустѣніе—и роскошь султанскихъ виллъ, пороги которыхъ купаются въ зелено-голубой водѣ пролива, многолюдство набережныхъ и кофеенъ, красота мраморныхъ арабскихъ фонтановъ, мраморныхъ кіосковъ подъ китайскими кровлями и мраморныхъ дворцовъ, итальянскіе, греческіе и арабскіе фасады которыхъ за своими золочеными рѣшетками такъ весело блистаютъ при вечернемъ солнцѣ стеклами оконъ, колоннадами и орнаментами. А эти сплошныя сады и селенія, вѣковой Бѣлградскій лѣсъ съ платанами, дубами и буками, несмѣтныя рыбацкія паруса и легкіе, острые, какъ стрѣлы, каики изъ золотой лакированной ясени, устланные пурпурно-бархатными коврами, на которыхъ полулежатъ щеголи-греки въ фескахъ, турецкіе офицеры съ меланхолически-прекрасными дѣвичьими глазами, гаремы, закутанные въ радужныя брусскіе газы, и туристы въ пробковыхъ шлемахъ! А имена этихъ долинъ и виллъ, идущихъ справа и слѣва по

ломанымъ гористымъ берегамъ вплоть до Мраморнаго моря!— Источникъ Платановъ, Долина Розъ, Долина Повелителя, Небесный Ручей, Звѣздный Дворецъ, Сладкія Воды... И что за гигантская картина развертывается вдаль, — картина города, возлежащаго среди морей, на трехъ мысахъ, въ золотистой пыли заходящаго солнца, въ сизыхъ дымахъ величайшаго въ мірѣ рейда! Не сразу и замѣтишь среди виллъ, дворцовъ и садовъ подлинную Турцію — эти узкіе и высокіе деревянные домики съ черепично-оранжевыми крышами, подъ зелеными тополями и синими кипарисами, домики, столь потемнѣвшіе отъ времени, столь ветхіе.

Свѣжѣетъ, и горы и холмы, овѣянные морскимъ воздухомъ, принимаютъ лиловые тоны. Босфоръ извивается, холмы впереди смыкаются — и кажется, что плывешь по зеркально-опаловымъ озерамъ. Но вотъ эти холмы разступились еще разъ, — и медленно принимаетъ насъ въ свою флотилію великій городъ. Налѣво, на холмистыхъ побережьяхъ Мало-Азійскихъ горъ, пестрятъ въ сплошныхъ садахъ несмѣтныя кровли и окна Скутари, древняго Хризополя — Города Золота. Направо, въ Европѣ, громоздится по высокой горѣ тѣсная, палеваго цвѣта, Галата съ возвышающейся надъ ней круглой громадой генуэзской Башни Христа. А впереди, на фонѣ заката — единственный въ мірѣ силуэтъ Стамбула, надъ которымъ — копыя минаретовъ и темные абрисы полусферъ-куполовъ на султанскихъ мечетяхъ. Босфоръ расширяется въ огромное озеро между Скутари и Галатой, почти замыкаясь впереди большимъ Стамбульскимъ мысомъ. За мысомъ выходъ изъ Босфора въ серебристо-оловянное Мраморное море. А вотъ и Золотой Рогъ — дымный рейдъ возлѣ Галаты, ятаганомъ загибающій направо и отдѣляющій мысъ Галаты отъ Стамбула.

При заходящемъ солнцѣ, въ тѣснотѣ судовъ, бригантинъ, барокъ и лодокъ, при стоголосыхъ крикахъ фесокъ, турбановъ и шляпъ, качающихся на зеленой сорной водѣ вокругъ нашихъ высокихъ бортовъ, снова, почти на двое сутокъ, кидаемъ якорь... Сколько вокругъ насъ мачтъ, дымящихъ трубъ, ржаво-красныхъ и черныхъ бортовъ, блестящихъ бѣлыхъ стаціонеровъ, быстро бѣгущихъ катеровъ, медленно двигающихся парусовъ и шумныхъ колесныхъ пакеботовъ! Сколько звуковъ, запаховъ и красокъ!

— Майна! — кричитъ подъ гремящей лебедкой боцманъ, стиснутый разноязычной толпой, уже образовавшейся и на нашей палубѣ. — Майна, матери твоей чортъ! Вира!

А возлѣ парохода яростно дерутся изъ-за сора розовыя отъ

заката чайки, качаются красные круги бакановъ и сотни лодокъ, наполненныхъ грязными фесками и узорчатыми чалмами, полосатыми фуфайками и черными пиджаками, рясами католическими и православными... Всѣ глаза и головы подняты на насъ, кверху,—и вдругъ сотни рукъ кидаются къ опустившемуся трапу, и начинается нѣчто еще болѣе яростное, чѣмъ драка чаекъ... Ревутъ уходящія трубы, въ терцію кричатъ колесные пакеботы, гудить отъ топота копытъ деревянный мостъ Султанъ-Валидэ, перекинутый черезъ Золотой Рогъ, хлопаютъ бичи и раздаются крики водоносовъ въ толпѣ, кипящей на набережной Галаты... Оттуда, изъ товарныхъ складовъ и конторъ, возбуждающе пахнетъ ванилью и рогожами колоніальныхъ товаровъ; съ пароходовъ—смолой, кокосомъ и зерновымъ хлѣбомъ, сыплющимся въ трюмы, отъ воды, взбуренной винтами и веслами—огуречной свѣжестью...

Солнце межъ тѣмъ скрывается за Стамбуломъ—и багрянымъ глянцемъ загораются стекла въ далекомъ Скутари, мрачно краснѣетъ кипарисовый лѣсъ его Великаго кладбища, въ фіолетовые тоны переходитъ сизый дымный воздухъ надъ рейдомъ, розовѣютъ и все болѣе означаются на фонѣ заката легкіе лиловатые силуэты стамбульскихъ мечетей—и легко возносятся въ зеленѣющее небо минареты. И въ зеленѣющемъ небѣ тонутъ печальные, медленно возрастающіе и замирающіе голоса муэззиновъ...

Въ старыхъ святыхъ городахъ Ислама для этихъ вечернихъ славословій еще до сихъ поръ предпочитаютъ слѣпые глашатаи: да не смущаетъ ихъ земная прелесть наступающей ночи! А тѣ, которыхъ Творецъ не лишилъ счастья зрѣнія, закрываютъ въ часъ изана глаза... Закрываютъ ли глашатаи константинопольскіе? Не думаю, но голоса ихъ все же звучатъ великой печалью старины и пустыни. И я вспоминаю пыль и ветхость бревенчатого моста Валидэ, черные деревянные сараи возлѣ него... Вспоминаю сгнившія въ труху и почернѣвшія лачуги Стамбула, его развалины, тихія кофейни и кладбища... Потомъ гляжу на приземистый абрисъ Софіи, въ которомъ есть что-то непередаваемо-древнее, какъ въ куполѣ синагоги... Вижу, возлѣ нея, среди запущеннаго серальскаго сада, на берегу стамбульскаго мыса, остатки древнихъ стѣнъ Византіи и дворца Константина...

— Возвышается Софія надъ городомъ, какъ корабль на якорѣ!—говорили когда-то.

Теперь она осѣла, затерялась среди новыхъ мечетей. Издадека она кажется даже небольшою. Не великъ и дворецъ. Онъ изъ сѣраго камня, простъ, грубъ, какъ крѣпостная

тюрьма, крыша на немъ безъ выступа, окошечки узкія, высоко пробитыя... И какъ чуждъ онъ всѣмъ — онъ и Софія — даже здѣсь, въ старомъ Стамбулѣ!

Солнце закатилось, на турецкихъ часахъ двѣнадцать — и меня постигаетъ участь, подобная участи турецкихъ женщинъ: женщинамъ нельзя послѣ заката выходить изъ дому, путешественникамъ — вступать въ городъ. Но, стоя возлѣ борта и глядя внизъ, на лодку аеонскихъ монаховъ, высматривающихъ, нѣтъ ли паломниковъ, которымъ они даютъ пріютъ на своихъ подворьяхъ въ Галатѣ, я вдругъ замѣчаю среди нихъ мѣшковатую фигуру проводника-грека Герасима и радостно кричу ему по-русски, по-гречески и по-арабски:

— Герасиме! Добрый вечеръ! Калиспера! Меса бель хайръ!

Герасимъ поднимаетъ кверху очки, ищетъ меня въ толпѣ и не спѣша — ему уже за сорокъ — улучшаетъ среди качки удобный моментъ, чтобы ухватиться за перила трапа...

— Узналъ? — говорю я, встрѣчая его въ толкотнѣ входящихъ на пароходъ и сходящихъ внизъ.

И Герасимъ, поднимая плечо и улыбаясь, какъ всегда, нѣсколько грустно и застѣнчиво, отвѣчаетъ нѣжнымъ греческимъ теноромъ:

— Ну да, узналъ!

Проводникъ мнѣ не нуженъ, но Герасимъ теперь безъ дѣла, семья у него большая... да и не проберешься одинъ послѣ семи часовъ въ городъ... И Герасимъ немедленно вступаетъ въ свои обязанности.

— Каикчи! — кричитъ онъ, осторожно спускаясь по трапу.

Старая черная шляпа, толстый мѣшковатый пиджакъ, пыльные штаны и пыльные башмаки — разбитые башмаки старого проводника, скромнаго, ласковаго, дѣтски говорящаго почти на всѣхъ языкахъ и такого покорнаго подъ тяжкимъ крестомъ ради куска хлѣба! Бережно несетъ онъ подъ мышкой тяжелый черный зонтъ, съ которымъ никогда не разлучается, бережно снимаетъ шляпу и вытираетъ ситцевымъ платкомъ свою большую, коротко стриженую, серебристо-сизую голову... Жарко подъ черной шляпой! Но Герасимъ является на пароходъ всегда въ парадѣ: въ шляпѣ, въ бумажныхъ отложныхъ воротничкахъ и ветхомъ черномъ галстухѣ въ видѣ летучей мыши.

III.

„Тѣнь Аллаха“, какъ и всякая тѣнь, такъ боится свѣта, что не допускаетъ въ Константинополѣ электричества. Да святится воля падишаха! Но если падишахъ строить на этомъ

какіе-либо политическіе расчеты, то не великъ разумъ тѣни твоей, Аллахъ!

Возлѣ какой-нибудь маленькой, полуразвалившейся мечети въ Скутари, — въ этомъ старинномъ ханѣ всѣхъ каравановъ Азіи, — на какомъ-нибудь пыльномъ базарѣ, окруженномъ кофейнями, изъ которыхъ несетъ чадомъ жаровень, облитыхъ кипящимъ бараньимъ саломъ, и пестрѣютъ халаты толстыхъ хозяевъ въ большихъ тюрбанахъ, не рѣдкость видѣть грязно-грифельную грудь верблюда и погонщика, въ еще большемъ тюрбанѣ и овчинной курткѣ. На главной скутарійской улицѣ, среди левантинскаго люда, есть кофейни почище, гдѣ такъ сладко мечтать за чашечкой кофе на длинныхъ диванахъ въ пестромъ ситцѣ, тихо поглаживая спины кошекъ и опустивъ одну ногу, въ туфлѣ, на полъ, а другую, въ чулкѣ, поставивъ на сидѣнье. Въ переулкахъ Скутари, среди пекаренъ, шорныхъ мастерскихъ и лавочекъ, заваленныхъ мѣдными болванами для глаженія фесокъ, среди облѣзлыхъ собакъ, скитающихся по пыли и ослиному помету, въ жаркіе и нѣжные дни ранней приморской весны цвѣтутъ благоухающія жасминомъ бѣлыя акаціи, цвѣтутъ розовыми восковыми пирамидами густые платаны, изъ-за древнихъ садовыхъ стѣнъ снѣгомъ бѣлѣютъ плодовые деревья, глядитъ осыпанное кроваво-лиловымъ цвѣтомъ голое іудино дерево, раскидываются широко-вѣтвистыя айвы и золотыми кружевами льются мимозы.

— Селямъ! — ласково и сдержанно говорятъ сидящіе подъ деревьями возлѣ кофейенъ крупные старики въ бѣлыхъ и зеленыхъ чалмахъ, въ мѣховыхъ безрукавкахъ и халатахъ, отороченныхъ мѣхомъ. — Селямъ! — говорятъ они подходящимъ, легко и красиво касаясь груди и лба, и опять замолкаютъ, отдаваясь дыму нергиле и спокойному созерцанію собакъ, туристовъ, ковыляющихъ женщинъ, закутанныхъ въ розовыя и черныя фереджэ, и медленно качающихся на ходу, важныхъ горбуновъ-верблюдовъ.

И мнѣ никогда не забыть сладкой, деревенской тишины Скутари, его стѣнъ, кладбищъ, густыхъ садовъ, запутанныхъ переулковъ, гдѣ двухъэтажные деревянные домики далеко выступаютъ надъ пѣшеходными тропинками, своими шакнизирами — сѣрыми рѣшетчатыми окнами гаремовъ. Сколько въ этой сплошной садовой глуши, называемой Скутари, старыхъ мраморныхъ фонтановъ, въ хрустальной водѣ которыхъ моютъ загорѣлыя ноги странники, благословляющіе именемъ Бога и воду, и легкую весеннюю тѣнь развѣсистаго дерева подъ фонтаномъ, и дремотное жужжаніе пчелъ на цвѣтущихъ абрикосахъ, и сладкое благоуханіе акацій! Сколько тамъ бѣлыхъ

минаретовъ, выглядывающихъ изъ-за мшистыхъ развалинъ, и сколько мечетей, на куполахъ которыхъ растетъ трава, а внутри воркуютъ голуби! Сколько кладбищъ, затерявшихся между садами, мечетями и стѣнами, темно-зеленыхъ кипарисовъ съ голыми стволами тѣлеснаго цвѣта и могильныхъ бѣлыхъ столбиковъ въ чалмахъ и золотыхъ надписяхъ, гдѣ такъ мирно, ласково и съ такой трогательной вѣрой говорится о весеннихъ радостяхъ жизни, о холодныхъ вѣтрахъ рока, о соловьяхъ и розахъ въ странѣ Блаженной!

Но жизнь не терпитъ покоя. Время разрушаетъ стѣны, мечети, кладбища; нищета разрушаетъ кварталы Скутари, Стамбула, Галаты, Фанара и превращаетъ ихъ въ вертепы и трущобы. Но жизнь творитъ неустанно, а на землѣ слишкомъ мало мѣстъ, подобныхъ Золотому Рогу и Восточному. Галату, сердце этой лабораторіи, часто называютъ помойной ямой Европы, Галату сравниваютъ съ Содомомъ. Но Галата не погибнетъ: сбродъ, населяющій ее, кипитъ въ работѣ. Онъ нищъ и бѣшено жаждетъ жизни. Самъ того не сознавая, онъ созидаетъ новую вавилонскую башню—и не боится смѣшенія языковъ: въ Галатѣ уже нарождается новый языкъ — языкъ труда, нарождается непримѣрная терпимость ко всѣмъ языкамъ, ко всѣмъ обычаямъ, ко всѣмъ вѣрамъ.

Грудами пчелиныхъ сотовъ—уступами многоэтажныхъ узкихъ домовъ—покрываютъ Галата и Пера гору, увѣчанную круглой громадой Башни Христа. Эти соты съ верху до низу набиты семьями армянъ, евреевъ, грековъ, франковъ, всю жизнь проводящихъ въ порту или на улицахъ, въ работѣ и торговлѣ. И только въ домахъ Галаты существуетъ то, чего нѣтъ нигдѣ въ мірѣ: бываетъ, что четверть дома принадлежитъ армянину, четверть — греку, четверть — румыну, четверть — человѣку совершенно неизвѣстнаго происхожденія. Въ кофейняхъ, въ парикмахерскихъ, въ конторахъ, въ магазинахъ зачастую висятъ рядомъ портреты властителей всѣхъ странъ земли—и ни къ одному-то изъ этихъ властителей Галата и Пера не чувствуютъ ни даже малѣйшаго почтенія! Можно быть монархистомъ, анархистомъ, республиканцемъ—до этого въ Галатѣ нѣтъ никому никакого дѣла... Можно быть язычникомъ, христіаниномъ, поклонникомъ дьявола или Пророка — это тоже никого не касается... И дружно, чуть не на всѣхъ языкахъ и нарѣчіяхъ Европы и Азіи пишетъ свои вывѣски Галата! По ея покатымъ, узкимъ улицамъ и переулкамъ, по каменнымъ уступамъ, отшлифованнымъ міриадами ногъ, среди ословъ, собакъ, аргамаковъ и вагоновъ конки, движется единственный во вселенной ма-

скарадъ. И никого-то и ничѣмъ не удивишь на этомъ маскарадѣ: ни бѣлой кѣфіей араба, ни чернымъ атласомъ цилиндра, ни золотомъ каски, ни даже наготой негра, которую кто-то такъ хорошо называетъ эбеновой!

Среди несмѣтныхъ кайковъ, стоящихъ возлѣ потемнѣвшихъ отъ воды и времени деревянныхъ свай, я выхожу вслѣдъ за Герасимомъ на Галатскую набережную, отдаю паспортъ турецкому чиновнику, сидящему въ сараѣ таможи, и вступаю въ Галату въ тотъ часъ, когда замираютъ призывы муэззинновъ, день, по закону ислама, кончается и лавки должны заператься.

Но какое дѣло до изана Галатѣ!

По пыльной и ухабистой набережной, заставленной съ одной стороны желѣзными боками тупоносыхъ, гремящихъ лебедками гигантовъ съ разноцвѣтными знаками на трубахъ, а съ другой—сплошными кофейнями, шумными и уже ярко освѣщенными, непрерывно текутъ навстрѣчу другъ другу потоки разноязычнаго народа. И я съ наслажденіемъ теряюсь въ этой толкотнѣ теплаго и темнаго южнаго вечера, въ той возбуждающей атмосферѣ толпы, которая охватываетъ душу и тѣло горячимъ вѣяніемъ жизни и тянетъ къ сліянію съ жизнью всего міра.

Зеленоватое яшмовое небо еще свѣтло надъ темнымъ и четкимъ восточнымъ силуэтомъ Стамбула, надъ сиренево-стальной водой и надъ шестами мачтъ въ Золотомъ Рогѣ. Но надъ набережной и надъ рейдомъ уже виситъ опускающійся книзу дымъ, пыль и сумракъ. Между носами и кормами пароходовъ я вижу темную Скутарійскую гору, заспанную роями огненно-золотыхъ пчелъ. Тысячи самоцвѣтныхъ камней—крупныхъ изумрудовъ, брильянтовъ и рубиновъ—разсыяны по кораблямъ темнѣющаго рейда... Блѣдные топовые огни, какъ лампадки, высоко висятъ на всѣхъ мачтахъ возлѣ набережной... Но это—огни ночного отдыха.

Совсѣмъ другими огнями горятъ раскрытыя настежь окна и двери въ галатскихъ домахъ, въ кофейняхъ, въ табачныхъ и фруктовыхъ лавочкахъ, въ парикмахерскихъ. И отъ огней и отъ народа, играющаго въ кости, въ шашки, пьющаго виски, мастику, кофе и воду и занявшаго своими табуретами, кальянами и столиками еще и половину набережной, идетъ пестрый смѣхъ и говоръ. Отъ тѣсноты, отъ запаха цвѣтовъ, пыли, сигаръ и жаровенъ, на которыхъ уличные повара подшквариваютъ кофейныя зѣрна, кебабъ и лепешки, воздухъ зненомъ и душенъ. Изъ вторыхъ этажей, изъ освѣщенныхъ оконъ несутся звуки граммофоновъ, дешевыхъ піа-

нино. Въ толпѣ, текущей по набережной, раздаются бѣшено-сишлые басы водоносовъ, звонкіе алы чистильщиковъ сапогъ и продавцовъ газетъ, сладкіе тенора греческихъ кондитеровъ, хлопають бичами худые черномазые извозчики въ фескахъ и пыльных пиджакахъ. И по всѣмъ лицамъ и разноцвѣтнымъ одеждамъ то и дѣло легкими гигантскими взмахами проходятъ свѣтлыя столпы прожекторовъ: одинъ за другимъ бѣгутъ въ мосту шумныя колесныя пакеботы, переполненныя народомъ съ загородныхъ гуляній, и лучи электрическихъ солнцъ, разгорающихся на ихъ носахъ все ярче по мѣрѣ приближенія, легко и таинственно скользятъ по Галатѣ, по Перѣ, по набережной и по рейду, внезапно озаряя и снова потопляя во мракъ высокіе сѣрые паруса, пароходы и флотиліи лодокъ. А съ моста текутъ на набережную все новыя и новыя толпы, полныя страстнаго и волнующаго зноя жизни. И когда въ этотъ зной врывается свѣжее дыханіе ночи и моря, я пьянѣю отъ сладкаго сознанія, что и я въ этомъ новомъ Содомѣ и свободенъ такъ, какъ можетъ быть свободенъ человѣкъ только въ Галатѣ.

IV.

Ночь провожу въ одномъ изъ аѳонскихъ подворій, теперь совершенно пустыхъ.

Позднимъ вечеромъ покидаю я набережную и вхожу въ узкіе проходы между высокими домами.

Окна верхнихъ этажей еще свѣтятъ, но лавки и склады нижнихъ давно заперты, и въ проходахъ мракъ: только бродятъ кой-гдѣ, низко надъ мостовою, фонарики нищихъ, выбирающихъ изъ уличнаго сора корки хлѣба, окурки, жестянки, бутылки изъ-подъ оливковаго масла... Поминутно натыкаюсь на спящихъ собакъ, на сторожей, звонко бьющихъ на ходу желѣзными дубинами въ мостовую, на огоньки сигаръ, на разговоры мелькающихъ мимо матросовъ и другихъ ночныхъ гулякъ. Изъ освѣщенныхъ оконъ тоже слышится говоръ и смѣхъ или прыгающіе звуки шарманокъ съ позвонками... Но четырехъэтажный домъ подворья тихъ и теменъ.

Привратникъ, спящій въ прохладныхъ сѣняхъ, за тяжелыми полукруглыми дверями, не спѣша отворяетъ—и, вмѣстѣ съ темнотою, меня охватываетъ знакомый русскій запахъ—плѣсени и отхожаго мѣста.

Тотъ же запахъ и въ гулкихъ каменныхъ коридорахъ, по которымъ, со свѣчей въ рукѣ, бѣжитъ впереди меня молодой монахъ въ мужицкихъ сапогахъ, въ черномъ подрясникѣ и черной вязаной шапкѣ, рябой, съ бирюзовыми живыми глазами, съ торопливо-услужливыми движеніями.

— Пожалуйте-съ, пожалуйста-съ,—бормочетъ онъ.

И съ умиленіемъ предлагаетъ мнѣ то то, то другое на томъ ротивномъ русскомъ языкѣ, который почти сплошь состоитъ изъ уменьшительныхъ и ласкательныхъ именъ.

Но въ пустомъ высокомъ номерѣ, крашеномъ масляной раской, чисто, кровать покрыта грубымъ, но свѣжимъ бѣльемъ. Быстро раздѣваюсь, тушу свѣчу и засыпаю среди криковъ, есущихся съ улицы, стука сторожей, говора проходящихъ одъ окнами и нескладной, страстно-радостной и въ то же время страстно-скорбной восточной музыки, прыгающей въ ладъ въ позвонками.

Утромъ вскакиваю очень рано отъ свѣжести, плывущей въ кно съ моря, отъ звона колокола въ верхнемъ этажѣ поворья и отъ криковъ продавцовъ зелени и рыбы. И, одѣваясь, ижу въ окно блѣдно-голубое небо, выпела за домами, а низу узкую улицу, еще влажную, въ прохладной тѣни, но же полную деревенскими бараньими шапками погонщиковъ цѣлыми стадами ословъ, на которыхъ качаются корзины ровъ, овощей и сыра... Слава Богу, день солнечный—я опять вижу Ая-Софію въ солнечное весеннее утро!

Герасимъ стоитъ возлѣ подворья и разсѣянно болтаетъ съ монахами, поминутно пожимая, по южному обычаю, плечомъ. Сегодня онъ въ старомъ картузикѣ съ пуговкой, но зонть, оторый никогда не раскрывается, опять съ нимъ.

Обмѣниваемся улыбками и пускаемся въ путь.

Изъ оконъ верхнихъ этажей тянетъ воню оливкового масла, въ которомъ шкварятъ рыбу, летитъ на улицу помой, и слышится бранчивая скороговорка гречанокъ. Дурачокъ въ лохотьяхъ и въ двухъ рваныхъ шляпахъ, криво надѣтыхъ одна на другую, со всѣхъ ногъ бросается мимо меня въ стаю соловыхъ шелудивыхъ собакъ и, отбивъ у нихъ тухлое яйцо, въ жадностью выпиваетъ его, дико косясь на проходящихъ бѣльмомъ красного глаза. Сплошная волнующаяся масса черныхъ барановъ, мелко перебирающихъ копытцами, тѣснится подъ азартные крики чабана, а среди нихъ, на худенькой лошадакѣ, на деревянномъ сѣдлѣ, опутанномъ веревками, проирается старикъ турокъ, лопоухій, лилово-бурый отъ загара, въ тюрбанѣ и бараньей курткѣ, съ сѣдыми курчавыми волосами на раскрытой груди. За нимъ бѣжитъ и на бѣгу оретъ дикимъ голосомъ босоногій водонось съ мокрымъ сизымъ бурдюкомъ на спинѣ... Дальше идутъ длинноухіе задумчивые слики подъ корзинами съ мусоромъ и кирпичами, тяжело и быстро сѣменить по сырому сору и помету носильщикъ-ирмянинъ, согнувшійся въ три погибели подъ огромнымъ

зеркальнымъ шкапомъ, отъ котораго по домамъ мелькаютъ большіе веселые блики солнца... Неуклюжей толпой проходятъ русскіе лохматые ротозѣи, наступающіе всѣмъ на ноги, замученные тяжестью теплыхъ поддевокъ... Ковыляють на французскихъ каблучкахъ двѣ толстенныхъ турчанки, съ головой закутанныя въ фереджэ: одна—въ легкое, цвѣта засушенной розы, другая—въ черное, какъ монахиня.

— Лица ихъ,—думаю я словами Корана,—похожи на яйца страуса, сохраненныя въ песокъ.

Но приподнялось, какъ будто случайно, покрывало — и я убѣждаюсь, что правъ Саади:

— Не всякая раковина беременна жемчугомъ!

Зато сколько красивыхъ, умныхъ и энергичныхъ мужскихъ лицъ, особенно среди турокъ изъ простонародья, изъ провинцій, съ береговъ моря! Сколько гордыхъ и привѣтливыхъ глазъ!

Переулки между этими высокими домами возлѣ набережной похожи на переулки въ Старомъ городѣ Ниццы, въ порту Генуи, Марселя.—Сюда, сюда!—говоритъ Герасимъ, въ десятый разъ поворачивая за уголъ. И вотъ опять пахнуло ванилью, рогожами, арбузной свѣжестью зелено-голубой воды,—и въ глаза глянули ослѣпительное солнце, голубой просторъ рейда, крылья бѣлыхъ рыбалоковъ, мачты барокъ, черныя съ разноцвѣтными полосами трубы, мелькающія стеклянными полосками вѣсла, бѣлая башня Леандра у береговъ Скутари... Опять хлопаютъ бичами извозчики, опять въ быстро текущей толпѣ кричатъ газетчики, водносы съ кувшинами розовыхъ напитковъ, продавцы бубликовъ и приторно-сладкихъ греческихъ печеній, насквозь пропитанныхъ орѣховымъ масломъ... И не успѣваю я сѣсть на крохотный табуретикъ возлѣ кофейни, жарко нагрѣтой солнцемъ, какъ лиловый арабчонокъ въ одной синей женской рубахѣ уже тянетъ мой сапогъ на скамеечку, расцвѣченную фольгой, колокольчиками, жестью и мѣдными гвоздями.

— Рухъ!—говорю я сѣрдито.

Но въ это время надо мной раздается оглушительный бастъ.

— Газо-осъ!—оретъ онъ, удаляясь.

И мой сосѣдъ справа, миловидный турецкій офицеръ въ малиновой фескѣ, въ синемъ мундирѣ съ иголочки и съ блестящимъ мѣднымъ полумѣсяцемъ на груди, скромно улыбается, а сосѣдъ слѣва, черный старикъ въ бѣломъ халатѣ и бѣлой чадмѣ, въ большихъ желто-зеленыхъ очкахъ, безъ носа, съ голой верхней губой въ лиловыхъ швахъ, важно поднимаетъ свою мертвую голову, булькая кальяномъ.

И я покоряюсь арабчонку.

Въ это жаркое солнечное утро все хорошо: и блескъ са-
ога, и новенькій мундиръ офицера, и стаканъ воды съ ро-
ей, который быстро ставитъ передо мною молодой кафеджи.

Потомъ мы покупаемъ какихъ-то желтыхъ сладко-пахучихъ
вѣтовъ у ласковаго турка, сидящаго на корточкахъ возлѣ
воей корзины, поставленной прямо на мостовую, и по дро-
жащимъ отъ топота копытъ бревнамъ моста Валидэ спѣшимъ
въ густой торопливой толпѣ въ Стамбуль.

Уже становится жарко, запыхались наши расчищенные са-
оги, яркой бирюзой сквозитъ вода въ щели моста, ярки и
ѣжны венеціанскіе тонѣ надъ Золотымъ Рогомъ, зеленѣютъ
а горѣ Стамбула сады, съ шумомъ отходятъ отъ моста па-
еботы, обдавая бѣгущую толпу теплымъ бѣлымъ дымомъ...
пять маскарадъ, но еще болѣе пестрый и праздничный,
ѣмъ вчера — маскарадъ на воздухѣ, въ жаркое весеннее
тро! И дружно мѣшается этотъ маскарадъ вѣнскіе сюртуки
въ рыжими верблюжьими куртками, панамы съ бараньими
апахами, бирюзовоглазаго англичанина съ сизыми бедуи-
ами, гиганта-черногорца въ бѣломъ шерстяномъ нарядѣ,
итомъ золотомъ и обремененномъ оружіемъ, съ худосочнымъ
ольскимъ евреемъ, коричневую рису францисканца съ негромъ,
естру-кармалитку съ китайцемъ съ неподвижной головой, съ
ерной косой до пятъ и въ лиловой кофтѣ... И какъ просто

легко льется эта толпа, унизанная мундирами и макомъ
есокъ, отъ Султанъ-Валидэ къ самому людному мѣсту Га-
аты — къ углу набережной, къ биржѣ и столикамъ удичныхъ
ѣнялъ, сарафова, и отъ биржи — къ Султанъ-Валидэ, гдѣ
становятся вагоны конки, гдѣ вѣчная тѣснота фіакровъ,
азносчиковъ, цвѣточниковъ, нищихъ, полуголыхъ пронажен-
ыхъ, сидящихъ на мостовой, и тѣснота баваровъ, завален-
ыхъ коврами, оружіемъ, мѣдной посудой, сырами, зеленью,
афраномъ, сбруей, фруктами и туфлями — сотнями связокъ
иловыхъ, канареечныхъ, черныхъ и оливковыхъ туфель, ви-
ящихъ на стѣнахъ подобно сушеной рыбѣ на шнуркахъ!

Здѣсь, на маленькой площади, отъ которой направо ходятъ
агоны конки, раздѣленные бычьей кожей на мужскую и жен-
кую половины, всегда тѣнь и влажная прокладка подъ стѣ-
ами мечети, гдѣ, у фонтана возлѣ портала, проходящіе, сидя
а корточкахъ спиной къ конкѣ, торопливо и таинственно
овершаютъ омовенія среди солово-грязныхъ, короткошерстныхъ
обаковъ. Здѣсь надъ головой гуще синѣетъ небо, а дальше,
озлѣ кофейнъ и за старыми стѣнами, ярко зеленѣютъ де-
овья. И чѣмъ дальше мы поднимаемся по улицѣ, идущей

слегка въ гору, тѣмъ все тише и безлюднѣе становится во-
кругъ, все чище воздухъ. И уже совершенное безлюдье ца-
рить у высокихъ воротъ Старога Сераля, при входѣ въ его
запущенные сады и широкіе дворы, заросшіе травой и бѣ-
лѣющіе обломками греческихъ колоннъ, статуй и надгроб-
ныхъ плитъ.

Герасимъ косится и мистически шепчетъ:

— Смотри, смотри, съ крестомъ!

Но какое мнѣ дѣло до смутныхъ надеждъ, еще живущихъ
въ душахъ фанариотовъ?

Я безконечно люблю Акрополь Стамбульскаго мыса
именно за то, что это — кладбище не только Византіи, но и
Сераля.

— Въ заустѣннн наслѣдіе падишаховъ! — вспоминаю я
золотыя слова Мицкевича. — Въ трещины разноцвѣтныхъ оконъ
лѣзутъ вѣтви плюща, взбираются на глухіе своды и стѣны и,
овладѣвая дѣлами рукъ человѣческихъ во имя природы, чер-
тятъ письма Валтасара: „Руина!“.

Говорятъ однако, что наслѣдіе падишаховъ не совсѣмъ
безлюдно: за внутренними стѣнами Сераля, охраняющими
покои, недоступныя для европейца, расцвѣтаютъ подъ надзо-
ромъ евнуховъ тѣ рѣдкіе цвѣты дѣвичьей красоты, которые
ежегодно дарить, по древнему обычаю, Турція своему пове-
лителю, а старыя одалиски готовятъ для султанскихъ гаре-
мовъ. И весенней прелестью вѣетъ незримое присутствіе
этихъ юныхъ затворницъ въ садахъ Сераля, гдѣ зеленая
трава пробивается изъ древней земли, красный макъ свѣтитъ
среди обломковъ мрамора, и бѣлымъ и розовымъ цвѣтомъ
цвѣтутъ чащи деревьевъ въ оврагахъ возлѣ Старога Музея,
облицованнаго лазурными фаянсами, пригрѣтаго жаркимъ
солнцемъ подъ бальзамически благоухающими кипарисами.

V.

Въ Старомъ музеѣ — нѣсколько эллинскихъ изваяній, асси-
рійскихъ барельефовъ, египетскихъ мумій цвѣта умы и
саркофаговъ, блещущихъ неувядаемымъ глянцемъ политуры
и красокъ. Въ Новомъ музеѣ — онъ стоитъ напротивъ Ста-
раго — я когда-то былъ очарованъ непостижимымъ изяще-
ствомъ бѣломраморнаго саркофага, именуемаго саркофагомъ
Александра Великаго. Но какъ передать чувства, которыми
волнуетъ мраморъ этихъ фрагментовъ, пожелтѣвшій отъ вре-
мени и отъ времени воспринявшій какую-то особую трога-
тельность линий? А среди кипарисовъ и цвѣтущихъ садовъ
на скатѣ горы — весенняя синева воздуха, розово-палевыя

краски Галаты, нагроможденной на горѣ за голубымъ рейдомъ, черныя и красныя полосы на бортахъ парходовъ, которые отсюда кажутся игрушечными... Въ мірѣ, въ которомъ я существую, нынче весенній праздникъ, солнечное утро, а здѣсь—тишина и свѣжесть, узорчатыхъ тѣней, пѣніе птицъ и незримое присутствіе дѣвушекъ за стѣнами мертвыхъ дворцовъ. Тамъ—прохлада полутемныхъ заповѣдныхъ покоевъ... И я только заглядываю въ ихъ ворота, въ аллею платановъ за воротами, выходя на горячій солнечный свѣтъ, на зеленый Дворъ Янычаръ. Все жарче, все гуще и ярче становится синее небо, — древній дуплистый Платанъ Янычаръ дремлетъ на припекѣ возлѣ тысячелѣтней Св. Ирины, давно обветшалой и обращенной въ склады стараго оружія. Но когда мы выходимъ мимо Ирины въ другія ворота Серала, къ обрыву мыса, насъ сразу охватываетъ широкая свѣжесть моря — и снѣга: въ ослѣпительномъ блескѣ солнца, въ золотисто-голубой дымкѣ тонетъ зыбкій просторъ Пропонтиды, миражемъ означаются силуэты Принцевыхъ острововъ и заступившихъ горизонтъ Мало-Азійскихъ горъ — и уже совсѣмъ смутно рисуется въ небѣ что-то мертвенное, подобіе неподвижнаго золотисто-бѣлаго облака.

— Олимпъ!—говоритъ Герасимъ.

Я навожу морской бинокль — и вижу нѣчто похожее на существо иного міра: въ мои глаза глядитъ Мало-Азійскій Олимпъ, весь покрытый снѣгомъ. Я хорошо различаю блестящія пустыни его снѣжныхъ полей, его тѣснины, полныя утреннихъ фіолетовыхъ тѣней, — и мнѣ кажется, что прямо на меня тянетъ оттуда зимнимъ холодомъ.

А когда я оборачиваюсь, я вижу на фонѣ яркой густой синевы блѣдно-желтую съ красными полосами громаду Ая-Софіи: громаду неуклюжую, состоящую изъ циклопическихъ каменныхъ подпорокъ и пристроекъ, надъ которыми, въ каменномъ кольцѣ оконъ, царитъ одно изъ чудесъ земли — древне-приземистый, первобытно-простой, огромный и единственный на землѣ по легкости полушаръ-куполь. И четыре стража этой грубой громады, скрывающей въ нѣдрахъ своихъ сокровища тончайшаго искусства и роскоши, четыре бѣлыхъ минарета исполинскими копьями возносятся по угламъ ея въ синюю глубину неба.

— Гдѣ входъ?—говорю я.

Я опять не сразу нашелъ бы его, но Герасимъ уже идетъ въ какой-то узенькій переулокъ, гдѣ на солнцѣ пахнетъ сухими нечистотами, потомъ поворачиваетъ налѣво, и по отлогому спуску, мощеному камнемъ, мы подходимъ къ боко-

вому portalу, завѣшенному тяжкою завѣсой изъ буйволовыхъ кожъ. Дико это, первобытно, но великолѣпно — по-кочевнически! Нравится мнѣ и обычай надѣвать на сапоги огромныя стоптанныя туфли: такъ когда-то у входа въ святилище оставляли пыльныя сандалии; нравится старинный торгъ съ муллою за право входа... Вѣдь четырнадцать вѣковъ Софіи!

Сумракъ, холодъ и величавая громадность капища охватываютъ меня въ тройномъ порталѣ. А когда я вступаю въ храмъ, пигмеями кажутся среди его необъятнаго простора и необъятной высоты фигурки молящихся—сидящихъ на огромной площади ухабистаго отъ землетрясеній мраморнаго пола, сплошь покрытаго золотистыми скользкими цыновками изъ тростника. Шестьдесятъ оконъ пробили куполъ, и никогда мнѣ не забыть радостнаго солнечнаго свѣта, который столпами озаряетъ изъ этой опрокинутой чаши всю середину храма! И свѣтлая безмятежная тишина, чуждая всему міру, даритъ кругомъ,—тишина, нарушаемая только плескомъ и свистомъ голубиныхъ крыльевъ въ куполѣ, да пѣвучими, печально-задумчивыми возгласами молящихся, гулко и музыкально замирающими среди высоты и простора,—среди древнихъ стѣнъ, въ которыхъ немало скрыто пустыхъ амфоръ-голосниковъ. Первобытны эти милые голуби, ихъ известковый пометъ, падающій съ высоты на цыновки. Первобытно-просты огромныя желѣзныя люстры, низко висящія надъ цыновками на желѣзныхъ цѣпяхъ. Величава и сумрачна окраска исполинскихъ стѣнъ, шершаво полинявшее золото сводовъ. И капищемъ вѣетъ отъ колоннъ, мутно-красныхъ, мутно-малахитовыхъ и голубовато-желтыхъ.

Помню, капищемъ показался мнѣ венеціанскій Маркъ. Но какъ юнъ Маркъ передъ Софіей! Таинственностью капища исполнены и призраки мертвыхъ византійскихъ мозаикъ, просвѣчивающихъ сквозь бѣлила, которыми покрыли ихъ турки. Жутки чуть видныя лики авокалитическихъ шестикрылыхъ серафимовъ въ углахъ боковыхъ сводовъ. Строги фигуры святыхъ въ выгибахъ алтарной стѣны. И почти страшенъ возвышающійся среди нихъ образъ Спасителя, этотъ тысячелѣтній Хозяинъ храма, по преданію, ежегодно простиупающій сквозь ежегодную закраску...

Чувствуя себя пигмеемъ, тихо брожу я среди этой высоты и простора. Надо мной — свѣтоносный куполъ, горячее солнце золотистымъ потокомъ льется на меня сверху. А налѣво и направо — два яруса хоръ. По отлогимъ каменнымъ всходамъ туда могли влѣзать изъ процилей двѣ колесницы. Двѣ колесницы могли развѣхаться и на тяжкихъ хорахъ,

мраморныя плиты которыхъ покосились отъ землетрясеній. И какъ легко держатъ эту тяжесть два яруса аркадъ и колоннъ!

Безцѣнно-тонкой работой считается кружевная рѣзба бѣло-мраморныхъ капителей, ажурной слоеной костью кажется она, выдѣляясь на коричневомъ фонѣ. Но совокупность древняго изящества съ древней примитивностью линій еще болѣе заставляетъ чувствовать, что ты—въ капищѣ, гдѣ девятьсотъ лѣтъ совершалось язычески-пышное богослуженіе Византіи.

Не знаю путешественника, не укрившаго турокъ за то, что они оголили храмъ, лишили его изваяній, картинъ, мозаикъ. И особенно грубы въ своихъ укорахъ путешественники русскіе.

— Я побѣдилъ тебя, Соломонъ! — съ восторгомъ вспоминаетъ одинъ слова тщеславнаго Юстиніана, этого варвара, загромоздившаго дивное созданіе зодчаго золотомъ и серебромъ.

— Нѣсть таковыя красоты и славы нигдѣ на землѣ! — повторяетъ другой слова кіевскихъ мужиковъ — пословъ Владимира.

И всѣ въ одинъ голосъ клянутъ турокъ, осквернившихъ великую и несравненную святыню христіанъ.

Но, во имя Бога милостиваго и милосердаго, зачѣмъ же приводить тогда слова лѣтописцевъ, изображавшихъ свирѣпое нашествіе на Софію „христовыхъ воиновъ“ четвертаго крестоваго похода, — воиновъ, разбивавшихъ раки угодниковъ и гробницы императоровъ, сдиравшихъ одежды съ труповъ и мантии съ мощей, топтавшихъ въ азартъ грабежа образъ, разливавшихъ изъ потировъ Кровь Христову, вводившихъ въ алтари лошадей и муловъ, „кои, пугаясь блестящаго пола, падали и оскверняли его каломъ“! Зачѣмъ вспоминать христіанъ варварски-пышной, содомски-развратной и люто-жестокій въ убійствахъ и вѣроломствѣ Византіи! ея императоровъ, подобныхъ идоламъ, увѣшанныхъ золотомъ, парчей и самоцвѣтами, — идоловъ, которые почитали себя, при всей своей мерзости, воплощеніями Христа и требовали, чтобы предъ ними свершали богослуженія! ея городъ—„скинію Всевышняго“ — вмѣщавшій, по словамъ тѣхъ же лѣтописцевъ, сбродъ со всѣхъ концовъ міра и всѣ пороки человѣческіе!

Благословенны земля и время, скрывающіе въ нѣдрахъ своихъ слѣды человѣческой низости, слѣды свирѣпыхъ и пышныхъ деспотовъ и кровавой славы завоевателей! Былъ, говорятъ священныя легенды Востока, нѣкто Карунъ, превзошедшій въ богатствахъ всѣхъ людей міра. И земля по-

плотила его, живого, со всѣми его богатствами, и покрыла его могилу простыми полевыми цвѣтами! И самъ Пророкъ съ восхищеніемъ говорилъ о казни Каруна въ своемъ Коранѣ... Кто знаетъ,—можетъ-быть, и Христосъ сказалъ бы такъ же въ минуту гнѣва.

И Христосъ и Магометъ были исполнены страстной и всепокоряющей вѣры, не нуждавшейся въ золотѣ, парчѣ, брильянтахъ, капедлахъ и органахъ. Первые суры Корана горѣли такими огненными буквами въ юной душѣ Пророка, что посѣдѣли волосы его. Старый, больной, покорившій всю Аравію, онъ жилъ и умиралъ въ мазанкѣ и со слезами перебиралъ въ сундукѣ бараньи лопатки, на которыхъ, съ его словъ, записывали Коранъ. И въ простыхъ, порою свирѣпыхъ душахъ его поклонниковъ и донинѣ живетъ несравненная въ своей простотѣ и силѣ вѣра: ибо что, кромѣ Ислама, владѣетъ въ наши дни такимъ страшнымъ и такъ пламенно соединяющимъ въ одну душу миллионы душъ стягомъ, какъ зеленая полуистлѣвшая тряпочка, сохраняемая съ дней Пророка!

Турецкая простота Софіи возвращаетъ меня къ началу Ислама, рожденнаго въ пустынѣ и уже потомъ изукрашеннаго мавританской роскошью. Я знаю цѣну кружевному мавританскому водчеству, арабескамъ и письму, узорчатая вязь котораго зачастую не только письмо, а и произведеніе великаго мастерства. Но, къ счастью, ничего этого нѣтъ въ Софіи. Есть въ ней только огромные зеленые щиты съ пышными турами калифовъ. Но они не нарушаютъ общей простоты. Пышно и грозно звучать и гортанныя восклицанія Шейхъ-уль-Ислама, читающаго съ рѣзного михраба Коранъ съ кривой обнаженной саблей въ рукѣ. Но даже и въ этомъ есть простота пустыни. Всего же проще обычный турецкій ритуаль. Онъ спокоенъ и правдиво-трогателенъ.

Босыми входятъ сюда молящіеся,—входятъ когда кому вздумается, ибо всегда и для всѣхъ открыты двери мечети. Съ сыновней довѣрчивостью, съ поднятымъ къ небу лицомъ и съ поднятыми открытыми ладонями обращаютъ они свои мольбы къ Богу въ этомъ свѣтоносномъ и тихомъ храмѣ—пріютѣ голубей:

Во имя Бога, милосердаго и милостиваго!
Хвала Ему, Властителю вселенной!
Владыкѣ Дня Суда и Воздаянія!

Но великъ и непостижимъ Владыка—и вотъ покорно падаютъ руки вдоль тѣла, а голова на грудь. И еще покорнѣе отдаются эти руки въ узы Его, соединяясь послѣ паденія

подъ грудью, и быстро и безшумно начинаетъ встѣдъ за этимъ падать человѣкъ на колѣни и касаться челою праха... И тайныя молюбы и славословія падающаго ницъ человѣка со всѣхъ концовъ міра несутся всегда къ единому мѣсту — къ святому городу, къ ветхозавѣтному камню въ пустынѣ Измаила и Агари...

Медленно подвигаемся мы въ боковыхъ проходахъ за колоннами, шмыгая туфлями по скользкимъ цыновкамъ. Потомъ шмыгаемъ по еще болѣе скользкому мрамору пропилей, гдѣ девять огромныхъ и тяжелыхъ бронзовыхъ дверей — всѣ въ одинъ рядъ — еще хранятъ рельефы византійскихъ крестовъ. Потомъ поднимаемся по широкимъ отлогимъ всходамъ на хоры, и съ высоты я еще разъ наслаждаюсь головокружительной бездной этого капища и маленькими фигурками сидящихъ глубоко-глубоко подо мною, на полу, въ широкомъ столпѣ свѣта, падающаго изъ купола. А изъ древней амбразуры открытаго окна снова тянетъ на меня тепломъ солнечнаго свѣта и свѣжестью снѣга. Я подхожу — и ласковый вѣтеръ ударяетъ мнѣ въ лицо, розовая голубка срывается съ подоконника, въ просторъ весенняго воздуха... И опять развертывается предо мною зыбкая синева Мраморнаго моря въ блескѣ солнца, лиловато-пепельные силуэты горныхъ вершинъ и мертвенно-бѣлое облако Олимпа...

VI.

На мраморной паперти Софіи, когда мы покидаемъ ее, лежитъ деревенскій нищій, въ лохмотьяхъ овчины, темный, какъ мумія, съ большими оттопыренными ушами и потухшими умоляющими глазами.

— Бакшишъ! — жалобно говоритъ онъ старческимъ отдаленнымъ голосомъ, и правая рука его несмѣло касается сердца, губъ и лба.

Но въ его лѣвой рукѣ деревянная мисочка съ варенымъ рисомъ — и просьба о милостынѣ звучитъ безжизненно: Богъ уже послалъ ему дневное пропитаніе, въ остальномъ онъ не нуждается. Скоро полдень, въ Галатѣ и порту — у франковъ — самый разгаръ торга и работы; а здѣсь, въ пріютѣ правовѣрныхъ, на чистомъ и широкомъ дворѣ мечети, апрѣльское утро такъ же мирно и беззаботно, какъ и триста лѣтъ назадъ: солнечная тишина и воркованье голубей, кипарисы и синева неба, бѣлые высокіе минареты и нарядная весенняя зелень возлѣ свѣтлаго павильона, за окнами котораго пышно и мрачно чернѣютъ султанскіе саркофаги, покрытые бархатомъ...

Со двора выходимъ на Атмейданъ, славный когда-то по всему міру Ипподромъ Византіи,—ухабистую площадь. Слѣва Атмейданъ замыкается одной изъ великолѣннѣйшихъ султанскихъ мечетей—колоссальной бѣлой мечетью Ахмедіа, окруженной платанами и шестью исполинскими минаретами. Но, Боже, чѣмъ замыкается площадь съ другихъ сторонъ! Вѣткія бревенчатыя хибарки нодъ черепицей, старозавѣтныя кофейни, полузасохшія акаціи... Ипподромъ теперь пусть и пыленъ, и печально стоятъ на немъ въ ямахъ, обнесенныхъ рѣшетками, три памятника, почти доисторической древности: обелискъ рововаго гранита, когда-то сторожившій входъ въ храмъ Солнца въ Геліополь, грубая каменная колонна Константина Багрянороднаго и бронзовая, позеленѣвшая Змѣиная колонна—три исполинскихъ змѣи, перевившихся и вставшихъ на хвосты: слава Дельфійскаго капища, воспѣтая Геродотомъ.

— Магометъ Второй... — начинаетъ, не выдержавъ молчанія, Герасимъ.

Но я уже давно знаю, что и Змѣиная колонна не избѣгаетъ рукъ доблестныхъ завоевателей, упорно задающихъ человечеству работу Сизифа: Константинъ перетаскилъ колонну на Ипподромъ, а Магометъ сбилъ палицей головы змѣямъ...—совсѣмъ какъ тотъ французскій генералъ, который приказалъ выпалить изъ пушки по профилю сфинкса возлѣ Великой пирамиды, или смоленскій губернаторъ, отдавшій мраморный саркофагъ великаго князя Давида на ясли въ пожарную команду!

— Бинъ-биръ-дирекъ... Тысяча и одна колонна... — опять робко напоминаетъ Герасимъ, когда мы проходимъ надъ подземельями византійскихъ водохранилищъ, уставленныхъ цѣлыми дѣсами мраморныхъ баобабовъ и вмѣщавшихъ нѣкогда, во время осадъ, цѣлыя озера.

Но меня уже тяготитъ пребываніе среди гробницъ Византіи, среди останковъ ея Акрополя, можетъ-быть, самаго прѣваваго мѣста на всей землѣ.

Немного пыльна многолюдная Большая улица Стамбула, по которой мы возвращаемся въ Галату, но видъ у нея милый, южный и такой простой послѣ развалинъ Ипподрома: много солнца, акацій, турецкихъ тавернъ, гдѣ всегда такъ весело отъ чистоты мраморныхъ столиковъ, цвѣтовъ на нихъ и привѣтливости хозяина въ бѣломъ фартукѣ и фескѣ... Веселье даже надгробный павильонъ султана Махмута—большой кіоскъ подъ вѣковыми деревьями, за высокой рѣшеткой, отдѣляющей его отъ тротуара.

— Султану вездѣ хорошо! — улыбается и вздыхаетъ Гера-симъ.

И правда: въ навильонѣ широкія красивыя окна, надъ саркофагами, стоящими въ немъ, виситъ хрустальная люстра чудесной работы; на саркофагахъ — черно-лиловый бархатъ, шитый серебромъ и повитый въ возглавіяхъ дамасскими шалами. При взглядѣ на эти саркофаги мнѣ всегда вспоминаются Аписы; но мрачная пышность этихъ Аписовъ смягчается юными колѣнопреклоненными софтами, читающими поочередно передъ саркофагами Коранъ, золотыми пятнами солнца, горящими на полу, тиканьемъ часовъ на стѣнахъ...

Густая толпа въ перепутанныхъ вонючихъ переулочкахъ, въ которые мы вступаемъ затѣмъ, кажется еще пестрѣе и крикливѣй отъ зноя и духоты. Хорошо еще, что на пути Голубиная мечеть Баязета и крытые ряды Чарши, Большого базара!

Дворъ мечети плѣнителенъ своей патріархальностью. Ограждаетъ его сквозная мавританская аркада, посреди ея — фонтанъ, платаны, отдыхающіе странники, нищіе, тысячи голубей, а кругомъ — цѣлый базаръ четокъ, которыми, сидя на коврахъ, торгуютъ старья-престарья обезьяны въ тюрбанахъ. Прохожіе покупаютъ у нихъ пшено, кидаютъ его въ воздухъ — и тогда весь дворъ превращается на минуту въ живой, свистящій, дрожащій несмѣтными крыльями, дѣти начинаютъ прыгать и на всѣ лады вопить:

— Бакшишъ! Бакшишъ!

Въ полутемномъ крытомъ лабиринтѣ Чарши тоже вонятъ — по-турецки, по-армянски, по-гречески, по-французски — и хватаютъ за руки, завлекая въ лавки; но отрадная прохлада споконъ вѣку царитъ въ этихъ сводчатыхъ коридорахъ, пряно пахучихъ и вмѣстившихъ въ себя все, что есть на базарахъ Востока и въ пассажахъ Европы.

Пальма первенства все же остается за Галатой: шумнѣй и пестрѣй Галаты нѣтъ ничего на свѣтѣ!

Улица, ведущая въ гору, къ Перѣ, полита, но политая и уже согрѣвшаяся пыль только увеличиваетъ духоту. Яркіе бѣлыя маркизы надъ окнами магазиновъ, яркіе красные доскуты — вывѣски съ полумѣсяцемъ и арабскими письменами... И ослѣпительно ярка синяя лента неба надъ толпой и коридоромъ домовъ... Во имя Бога милостиваго, хоть бы здѣсь-то, но улицѣ, ведущей въ европейскую Перу, не пускали верблюдовъ! Но нѣтъ, арабъ-полицейскій, въ короткомъ синемъ мундирѣ и въ фескѣ, совершенно равнодушно смотритъ на эту горбатую важную груду, шагающую среди толпы за босоногимъ проводникомъ...

Зато какъ прохладно въ жерлѣ Башни Христа!

Сладокъ, среди вони и плѣсени базарныхъ улицъ, среди чада простонародныхъ тавернъ и пекаренъ, свѣжій запахъ овощей и лимоновъ, но еще слаще послѣ галатской духоты чистый морской воздухъ. Медленно поднимаемся мы по темнымъ лѣстницамъ возлѣ стѣнъ башни, достигаемъ ея круглой вышки — и выходимъ на каменный покатый балконъ, кольцомъ охватывающій вышку и огражденный желѣзными перилами. Легкое головокруженіе туманить меня при взглядѣ въ бездну подо мною, но я дѣлаю усиліе — и оглядываюсь. И тогда предо мною раскрывается цѣлая страна, — страна, занятая городами, морями и голубовато-туманными, таинственными хребтами Мало-Азійскихъ горъ, — страна, на которую пала тѣнь птицы Хумай!

Кто знаетъ, что такое птица Хумай? О ней говорить Саади: — Нѣтъ жаждущихъ пріюта подѣ тѣнью совы, хотя бы птица Хумай и не существовала на свѣтѣ!

И комментаторы Саади поясняютъ, что это — легендарная птица, и что тѣнь ея приносить всему, на что она падаетъ, царственность и безсмертіе.

Пѣсню Пѣсней, чудомъ чудесъ, столицей земли называли городъ Константина греческіе лѣтописцы. Молва всего міра объясняла его происхожденіе божественнымъ вмѣшательствомъ. Одна древняя легенда говоритъ, что на мѣстѣ Византіи орелъ Зевса уронилъ сердце жертвеннаго быка. Другая — что основателю ея было повелѣно [основать городъ знаменіемъ креста, явившимся въ облакахъ надъ скутарійскими холмами, при сліяніи водныхъ путей и путей караванныхъ...

Восточный поэтъ сказалъ бы, что здѣсь пала тѣнь птицы Хумай.

Много разъ меркла эта тѣнь. Но за обладаніе мѣстомъ, гдѣ пала она, лились рѣки крови. И раздоры, и пророчества о будущемъ этого мѣста не смолкаютъ еще и донинѣ.

Я думаю о немъ, какъ о великомъ космополитическомъ царствѣ будущаго.

Царства древнія, созидавшіяся на костяхъ и рабствѣ, земля уже много разъ пожирала со всѣми ихъ богатствами, какъ легендарнаго Каруна. Великую свободную семью, которая въ будущемъ займетъ мѣсто свирѣпаго византійскаго и султанскаго деспотизма, земля пощадить.

Поля Мертвыхъ — такъ хотѣлъ я назвать свою путевую поэму. Развѣ не Поля Мертвыхъ — Баальбекъ и Пальмира, Вавилонъ и Ассирія, Іудея и Египетъ? Развѣ не сплошное Поле Мертвыхъ и Константинополь? Его погосты — величай-

шіе въ мірѣ—такъ и называются: Поля Мертвыхъ. И сколько ихъ, этихъ ногостовъ!

Сто тысячъ древнихъ кипарисовъ съ голыми стволами чернѣютъ на Великомъ кладбищѣ въ Скутари и болѣе милліона памятниковъ, подобно костямъ, бѣлѣтъ подъ ними. Въ Галатѣ, въ Перѣ стоятъ цѣлыя полчища этихъ мрачныхъ гробовыхъ деревьевъ. Стамбулъ окруженъ Полями Мертвыхъ. Но мало того: нѣтъ ни одной, самой людной улицы, гдѣ бы не было развалинъ стѣны, кипариса и могильнаго мраморнаго столбика.

Но Востокъ—царство солнца. Востоку принадлежитъ будущее.

Не даромъ всѣ славныя капища Востока были посвящены Солнцу.

И въ честь солнца, даже и донинѣ, въ двухъ шагахъ отъ меня, возлѣ Галатской башни, совершаются мучительно-сладостныя мистеріи Кружащихся Дервишей.

Ихъ монастырь затерялся теперь среди высокихъ европейскихъ домовъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одинъ изъ такихъ же жаркихъ весеннихъ дней, Герасимъ привелъ меня къ его старой каменной оградѣ, и мы вошли, вмѣстѣ съ другими франками, въ небольшой каменный дворъ.

Помню фонтанъ и старое зеленое дерево посреди его, направо—гробницы шейховъ-настоятелей, налево—кельи въ ветхомъ деревянномъ домѣ подъ черепицей, а противъ входа—деревянную мечеть.

Мы отдали нѣсколько мелкихъ монетъ, и насъ впустили въ восьмигранный высокій залъ, обведенный съ трехъ сторонъ хорами и украшенный только люстрой да сурами Корана.

На хорахъ, надъ входомъ, помѣстились музыканты съ длинными флейтами и барабанами, по бокамъ—зрители.

Когда наступила тишина, вошелъ шейхъ-настоятель, а за нимъ десятка два дервишей—всѣ босые, въ коричневыхъ мантіяхъ, въ войлочныхъ черепенникахъ, съ опущенными рѣсницами, съ руками, смиренно сложенными на груди.

Шейхъ сѣлъ у стѣны противъ входа, раздѣлившіеся дервиши—по сторонамъ, другъ противъ друга.

Шейхъ, медленно повышая жалобный, строгій и печальный голосъ, началъ молитву, флейты внезапно подхватили ее на верхней страстной нотѣ—и въ тотъ же мигъ, столь же внезапно и страстно, дервиши ударили ладонями въ полъ съ крикомъ во славу Бога, откинулись назадъ—и снова ударили.

И вдругъ всѣ замерли, встали—и, сложивъ на груди руки, двинулись гуськомъ за шейхомъ вокругъ зала, обертываясь и низко кланяясь другъ другу возлѣ его мѣста.

А кончивъ поклоны, быстро синули мантии, остались въ бѣлыхъ юбкахъ и бѣлыхъ кофтахъ съ длинными широкими рукавами—и закружились въ танцѣ: взвизгнула флейта, ухнулъ барабанъ—и дервиши стали подбѣгать съ поклономъ къ шейху, какъ мячъ отпрыдывать отъ него и, раскинувъ руки, волчкомъ пускаться по залу.

И скоро весь залъ наполнился бѣлыми вихрями съ раскинутыми руками и раздувшимися въ колоколь юбками.

И, по мѣрѣ того, какъ все выше и выше поднимались голоса флейтъ, жалобная печаль которыхъ уже перешла въ упоеніе этой печалью, все быстрѣе неслись по залу бѣлые кресты-вихри, все блѣднѣе становились лица, склонявшіяся на бокъ, все туже надувались юбки и все крѣпче топалъ ногою шейхъ.

— Крѣпче! Крѣпче!—внутренно восклицалъ и я, опьяненный музыкой и кружащимися, среди которыхъ все ярче мелькали черныя полосы смыкающихся рѣсницъ на помертвѣвшихъ отъ счастья лицахъ.

И голова мутилась—приближалось сладострастное „исчезновеніе въ Богъ и вѣчности“...

Теперь, на башнѣ Христа, я переживаю нѣчто подобное тому, что пережилъ у дервишей. Теплый, сильный вѣтеръ гудитъ за мною въ вышкѣ, пространство точно плыветъ подо мною, туманно-голубая даль Востока тянетъ въ бесконечность... Этотъ вихрь вокругъ шейха зародился тамъ,—у истоковъ человечества, въ мистеріяхъ индусовъ, въ таинствахъ огнепоклонниковъ, въ „расплавкѣ“ и „опьяненіи“ суфійства съ его мистическимъ языкомъ, въ которомъ подъ виномъ и любовью разумѣлось упоеніе Божествомъ, и съ его „Рубищемъ“—символомъ отрѣшенія отъ видимаго міра. Отъ древнѣйшихъ хороводовъ, знаменовавшихъ сперва вихрь планетъ вокругъ солнца, а потомъ вихрь міровъ вокругъ Творца, идутъ и вихри дервишей. Отъ экстаза „отрѣшенія“ суфи идетъ экстазъ, которому предаются Ревущіе и Кружащіеся дервиши и донинѣ.

Въ Константинополѣ большинство изъ нихъ—плуты и актеры, холодно доводящіе себя до головокруженія... какъ современные поэты.

Но когда-то были иные дервиши.

Они по праву носили имена поэтовъ, святыхъ, созерцателей. И были они внѣ узаконенныхъ религій, внѣ государствъ, внѣ обществъ.

И мнѣ хочется сказать:

Братья-дервиши, я не ищу согрѣшенія отъ видимаго міра. Можетъ-быть, искажая ваше слово, я говорю, что ищу „опья-

ненія“ въ созерцаніи земли, въ любви къ ней и въ свободѣ, къ которой призываю и васъ предъ лицомъ этого безсмертнаго, великаго, въ будущемъ — общечеловѣческаго города. Будемъ служить людямъ земли и Богу вселенной,—Богу, котораго я называю Красотою, Разумомъ, Любовью, Жизнью и который проникаетъ все сущее.

И пребудемъ въ любви къ жизни и въ веселіи.

И закончимъ словами Саади, унотребившаго жизнь свою на то, чтобы обозрѣть красоту міра:

— Ты, который нѣкогда пройдеши по могилѣ поэта, вспомни поэта добрымъ словомъ!

— Онъ отдалъ сердце землѣ, хотя и кружился по свѣту, какъ вѣтеръ,—какъ вѣтеръ, который, послѣ смерти поэта, разнесъ по вселенной благоуханіе цвѣтника его сердца.

— Ибо онъ всходилъ на башни Маана, Созерцанія, и слышалъ Симѡа, Музыку міра, влекущую въ халеть—веселіе.

— Цѣлый міръ полонъ этимъ веселіемъ, танцемъ—ужели одни мы не чувствуемъ его вина?

— Хмельной верблюдъ легче несетъ свой выюкъ. Онъ, при звукахъ арабской пѣсни, приходитъ въ восторгъ. Какъ же назвать человѣка, не чувствующаго этого восторга?

— Онъ осель, сухое полѣно.

1907 г.

Море боговъ.

I.

Когда подняли якорь, въ толпу на спардэкѣ вошли молодые, французы. И, заглядѣвши на нихъ и на чемоданы, плѣды, которые таскалъ въ ихъ какюту лакей, я не замѣтилъ, какъ поплыли кровли и купола Стамбула.

Былъ десятый часъ. Съ кормы, вмѣстѣ съ весенней свѣжестью, доносился запахъ сѣна. По глянцевиой мраморно-голубой водѣ черными кругами, показывая перо, шли дельфины. Утренніе пары таяли въ теплѣ и свѣтѣ, но матовая даль еще терялась въ туманѣ.

За мысомъ дорогу перерѣзаль шумный колесный пакеботъ, переполненный фесками, и, мелькнувъ, обдалъ теплымъ дымомъ. Старыя стѣны дворца Константина и цвѣтущіе сады Серая дремали, пригрѣтые золотистымъ солнцемъ. Въ оврагахъ алѣло искривленное іудино дерево. Блѣдно-розовые минареты Софіи уносились въ лазурное небо... И всѣ смотрѣли на профиль молодой, закрывшей глаза биноклемъ, на ея мужскую шляпу и на легкую вуаль болотнаго цвѣта, обвитую вокругъ тульи и трогательно, по-старинному завязанную въ бантъ у подбородка.

На кораблѣ, выходящемъ въ море, сперва всегда тихо. Такъ было и теперь. Извиваясь, протянулись, вслѣдъ за Сералемъ, стѣны Θεодосія, бѣлыя предмѣстья на холмахъ, полчища кипарисовъ въ Поляхъ Мертвыхъ... Стѣны кончились руиной Семибашеннаго замка... И сиренево-сѣрый очеркъ Стамбула сталъ уменьшаться и таять. Пошли, какъ изъ пемзы, обрывы плоскаго правобережья, покрытаго весенней зеленью. Держась возлѣ нихъ все къ югу, мы на много верстъ выгибали среди голубого опала слѣдъ отъ винта—точно полосу глетчера. А налѣво, до нѣжно-туманной сини

Принцевыхъ острововъ, и впереди, до еще болѣе туманныхъ горъ Азіи, все шире разбѣгались сіяющіе среди утренняго пара заливы. Надъ ихъ необозримой гладью кое-гдѣ висѣли дымки невидныхъ пароходовъ...

Нижнія палубы, заваленныя грузомъ въ Пирей и Александрію, наполняли фески и верблюжьи куртки, ласково-застѣнчивыя улыбки и блестящіе зубы, каріе глаза и сдержанный гортанный говоръ. Бѣлыми коконами сидѣли на коврахъ закутанныя въ фереджэ женщины. Мечтательно играли четками хаджи въ чалмахъ и халатахъ. Пѣли, пили мастику, страстно спорили и бились въ кости греки, похожіе на плохенькихъ итальянцевъ. Толстый сѣдобородый еврей въ люстриновомъ пальто, въ черной непримятой шляпѣ на затылокъ, съ пейсами и поднятыми бровями, ѣлъ, уединенно сидя на крышкѣ трюма, маслины съ бѣлымъ хлѣбомъ и обсасывалъ пальцы. Въ проходахъ несло кухоннымъ чадомъ, тепломъ изъ стальной утробы мѣрно работающей машины, бѣгали бѣлые повара съ помоями и матросы со швабрами. Наверху было чисто, просторно и солнечно.

Надо было надвигать на глаза фуражку, глядя на ослѣпительный блескъ подъ лѣвымъ бортомъ. За этимъ блескомъ разстилались и какъ будто наклонно скользили въ даль, къ чуть видной Азіи, зеркала Кіанскаго залива. Въ милѣ, въ полумилѣ отъ насъ проходили итальянскіе и греческіе грузовики съ низкими бортами и голыми мачтами. Медленно, стройно и плавно тянулись въ Стамбулъ, раскинувшись по всему морю, парусныя барки. Одна бригантина, ведя за собой маленькую лодочку, прошла такъ близко, что вся закачалась и закланялась, попавъ въ волну отъ парохода, и ярко озарила насъ синѣющимъ шелкомъ парусовъ. Подъ ихъ серебристой тѣнью бѣжалъ загорѣлый человѣкъ въ полосатой фуфайкѣ и фескѣ. А зеленый хрусталь подъ бригантиной былъ такъ прозраченъ, что видно было все дно ея.

Ють загромождали тюки прессованнаго сѣна. Матросы натягивали надъ ними тентъ. Близился полдень, и въ проходахъ между сѣномъ стоялъ жаркій сладковатый запахъ степи. Я взглянулъ направо: тамъ, въ голубой ртути воды и неба, миражемъ висѣла и, суживаясь, терялась изъ глазъ безконечно-длинная полоска земли. Потомъ сѣлъ на припекъ между сѣномъ и лѣвымъ бортомъ и сталъ смотрѣть изъ-подъ козырька на едва рисовавшіяся впереди, въ знойной дымкѣ, горы, — голубые „горбы верблюдовъ, идущихъ въ Мекку“. Было похоже на хребты Крыма, если смотрѣть на нихъ въ лѣтнее утро издали... И все время легкая гряда свѣтлаго тумана отдѣляла ихъ подошвы отъ заливовъ.

За завтракомъ въ каютъ-компаніи открыли всѣ иллюминаторы. По бѣлому низкому потолку переливались зеркальныя змѣи, отраженные изъ-подъ лѣваго борта водою и солнцемъ. Съ цвѣтами въ петличкахъ, входили и садились за столъ франты-греки и рослые нѣмцы.

— Да, это правда,—сказалъ мнѣ сосѣдъ, морякъ съ нагло-открытымъ лицомъ,—на Крымъ похоже. Похоже и на Архипелагъ. Только тутъ этихъ Крымовъ видимо-невидимо...

Открылись, теряясь въ солнечной дали, новые огромные заливы. Но часа въ два слѣва опять заголубѣли каменистыя побережья древней Фригіи. Близко прошла дикая горбина острова Мarmory, и было весело смотрѣть на его блиставшіе надъ водой обрывы, на сѣроватую зелень, покрывавшую его ребра и скаты, на бѣлыя точки какого-то селенья, разсыпаннаго въ одной изъ его впадинъ. Необъяснимое очарованіе таится въ ломаныхъ линіяхъ этихъ горъ и острововъ,—линіяхъ, столь мягкихъ и четкихъ въ чистомъ воздухѣ!

Очень близко прошелъ передъ вечеромъ и Галлиполи, желтѣвшій на обрывахъ праваго берега. Пустынныя горы, изрѣзанныя моремъ, уходили къ востоку, пустынная степь разстилалась за маякомъ Галлиполи...

Но уже приближались врата Турціи — Геллеспонтъ. Опять сходились, смыкались голые холмы, увѣнчанные редутами и крѣпостями... Скрылось солнце,—и быстро стемнѣло.

И въ темнотѣ, усѣянной зоркими огнями, осторожно, осторожно пропустила насъ тѣснина Дарданелль.

II.

Троя, Скамандръ и холмы Ахиллеса на пустынной равнинѣ близъ Иды—сколько прелести и меланхоліи въ этихъ звукахъ! И равнина Скамандра серебрилась въ эту ночь легкимъ туманомъ и печальнымъ луннымъ свѣтомъ. Я видѣлъ ее смутно... Но это была уже Греція.

Шерстяная вишневая занавѣска была на открытомъ иллюминаторѣ въ моей каютѣ, и, проснувшись на другой день, я засмѣялся отъ радости: противъ солнца занавѣска стала прозрачно-рубиновой, сладкій вѣтеръ ходилъ по каютѣ. Быстро одѣвшись, я выбѣжалъ на недавно вымытую, еще темную палубу.

Былъ опять тонкій паръ, полный блеска, былъ легкій, слегка влажный воздухъ и свѣжій запахъ сѣна. Но море было уже не то. Это было густое сине-лиловое масло. И впереди и влѣво по его равнинѣ таяли въ свѣтлой дымкѣ фіолетовые

силуэты Аю-Даговъ. А направо тянулись зелено-сиреневыя горы — совсѣмъ какъ мысы и обрывы возлѣ Балаклавы.

— Что это? — спросилъ я моряка, шедшаго съ вахты.

— Эвбея, — отвѣтилъ онъ.

И все утро выгибалась мимо насъ эта каменистая страна, вся въ складкахъ, какъ кожа бегемота. А въ десять, когда солнце жгло плечи и я съ изумленіемъ глядѣлъ на горящее масло, лизавшее парходъ и порою плескавшее языками бирюзоваго пламени, — открылись наконецъ пустынные горы Гимета.

По мертвенно-бѣлымъ волоокимъ статуямъ, по тысячелѣтнимъ толкамъ о вакханкахъ и дриадахъ, о богахъ и празднествахъ съ цвѣтами и хорами, — какъ будто въ древней Греціи только и дѣлали, что праздновали! — тысячи тысячъ людей рисуютъ себѣ какой-то пошлый элизіумъ вмѣсто этой каменистой страны, очаровательной именно своей знойностью и дикостью. Каковъ-то Акрополь? Всѣ бинокли искали его, греки съ юта съ азартомъ тыкали пальцами въ даль — въ туманно-фіолетовую котловину хребтовъ, открывшихся за мысомъ... И вотъ, на разстояніи почти двадцати миль отъ насъ, нашелъ наконецъ и я нѣчто смутно-желтѣвшее на каменистомъ холмѣ, одиноко стоящемъ за моремъ крышъ въ долинѣ, — нѣчто въ родѣ небольшой дикой крѣпости.

— Акрополисъ! — упавшимъ голосомъ сказалъ возлѣ меня какой-то человѣкъ, похожій на караима.

И, взглянувъ на этотъ голый холмъ пелазговъ, я впервые въ жизни всѣмъ существомъ своимъ ощутилъ древность. Средневѣковые замки и соборы, Св. Маркъ и Софія — это старина изъ нашего міра. А эти руины, — я живо почувствовалъ это, — изъ другого, отъ тѣхъ временъ, когда и человѣчество было иное...

Въ гавани, гдѣ въ жаркій полдень мы бросили якорь, насъ окружили гиды, комиссіонеры отелей, лодочники, похожіе на лодочниковъ Неаполя и Венеціи. Въ улицахъ возлѣ порта кипѣла обычная портовая жизнь Одессы, Генуи, Марселя. А путь, соединяющій Аѳины съ Пиреемъ, вокзалы и цвѣтистые плакаты съ видами Ривьеры и Оберланда уже и совсѣмъ переносятъ въ Европу. Европейцемъ хочетъ казаться и провожающій меня въ Акрополь худенькій, загорблый старичокъ въ кэпи, въ ветхомъ узкомъ сюртучкѣ, въ широкихъ и короткихъ панталонахъ: сдержанъ, изысканно вѣжливъ, говоритъ чуть не на всѣхъ языкахъ.

— Позволяю себѣ обращать вниманіе моему на окрестность, — говоритъ онъ, сидя рядомъ со мной въ вагонѣ, наполненномъ обычной южно-европейской публикой.

Сидить прямо, бодрится, но, видимо, измученъ бѣготней, нуждой, куреньемъ. Стриженная головка подъ кэпи вся серебряная.

А вагоны летятъ въ сухомъ зноѣ и блескѣ, среди запыленныхъ садовъ, возлѣ дачныхъ стѣнъ, ярко-бѣлыхъ на яркой лазури. Вокругъ—зеленая долина съ разбросанными по ней кактусами и невысокими вѣрными пальмами, вся усѣянная алымъ цвѣтомъ мака. Впереди таютъ въ полуденной пепельной дымкѣ горы, направо, за долиной, горящей сѣрой вспыхиваетъ полоса залива... Потомъ вагонъ опять озаряется отсвѣтомъ домовъ съ крышами то плоскими, то черепичными; проносятся разноцвѣтные лоскуты бѣлья на веревкахъ, черномазые дѣтишки, стоящіе на оградахъ оливковыхъ садишковъ, мышастый кудрый осликъ возлѣ яслей въ каменномъ дворѣ...

По ослѣпительно-бѣлымъ улицамъ ѣдемъ мы, выйдя изъ вагона. Высоко сидить на козлахъ кучеръ въ соломенной шляпѣ, хлопая бичомъ надъ парой рѣзвыхъ клячъ въ дышлѣ. Яркая лента неба льется вдоль коридора улицы съ бѣлой мостовой и запыленными кипарисами, вытянувшимися между домами. Даже и въ тѣни чувствуешь и видишь, какъ прозраченъ сухой жаркій воздухъ. Спущены зеленые жалюзи на окнахъ, спущены маркизы надъ витринами. Быстро въѣжаемъ, миновавъ площадь, королевскій дворецъ и предместье, на мѣловое шоссе, — и холмъ пелазговъ съ руинами храмовъ поражаетъ меня своей золотистой желтизной и наготой. Громадная подкова горъ, громадная долина, а среди долины одиноко высится желто-каменный конусъ, воедино слитый двадцатипятивѣковой древностью съ голымъ остовомъ Акрополя,—останками стѣнъ, колоннадъ и порталовъ. Зной и вѣтеръ давно обожгли кости этой чуждой и уже непонятной намъ жизни. Медленно тянутъ лошади по мѣлу, хруститъ щебенъ шоссе, кольцомъ охватившаго холмъ и поднимающагося все въ гору, — со всѣхъ сторонъ оглядываю я загорѣлый камень стѣнъ и желобчатыхъ колоннъ... Наконецъ коляска останавливается на самомъ припекѣ—какъ разъ противъ входа въ гранитной стѣнѣ, за которымъ широкая лѣстница изъ лоснящагося мрамора поднимается къ Пропилеямъ и Парѣнону... И на мгновенье я теряюсь... Боже, какъ все это просто, старо и прекрасно!

Налѣво, въ сквозной тѣни маслинъ, стоитъ парная коляска. Высокій, очень прямой человѣкъ съ биноклемъ черезъ плечо, въ сѣромъ костюмѣ и тропическомъ шлемѣ, и высокая худая женщина тоже въ сѣромъ шлемѣ, въ фильдекосовыхъ перчаткахъ, съ длинной тонкой палочкой въ одной рукѣ и съ книж-

кой въ другой, направляются ко входу. Но даже и эти спокѣйшійше люди изумленно смотрятъ круглыми глазами на то, что блещетъ передъ нами золотыми руинами въ жаркомъ синемъ небѣ, на то, что такъ божественно-легко и стройно громоздится на гранитныхъ укрѣпленіяхъ, вросшихъ въ темя этого алтаря Солнца, заваленнаго глыбами камня. Они входятъ, поднимаются по лѣстницѣ, дѣлаются маленькими среди колоннъ, уцѣлѣвшихъ отъ Пропилей, — и скрываются. За Пропилеями высится многоколонный храмъ Аѳины.

Я оставляю проводника въ коляскѣ — и тоже вхожу... Но я уже все видѣлъ!

Я иду, но души древности, создавшей это, я коснулся еще съ парохода. А совершенство Акрополя раскрываетъ одинъ взглядъ на него. И моя душа уже такъ полна и такъ счастлива этой полнотой, что я разсѣянъ.

Вотъ я поднялся по скользкимъ плитамъ къ Пропилеямъ и Храму Побѣды. Я теряюсь въ безпредѣльномъ пространствѣ Эгейскаго моря и вижу отсюда и маленькій портъ въ Пиреѣ, и бесконечно-далекіе силуэты какихъ-то голубыхъ острововъ, и Саламинъ, и Эгину; правѣе, въ громадной долинѣ — озеро черепичныхъ крышъ, стѣнъ, садовъ и среди нихъ — конусъ-холмъ, Мусейонъ. А когда я оборачиваюсь, меня озяряетъ лиловатый пламень неба, налитого между руинами храмовъ, между золотисто-обожженнымъ мраморомъ колоннадъ и капителей, между желобчатыми столпами такой красоты, мощи и стройности, предъ которыми слово бессильно. Я вступаю въ громаду раскрытаго Пареенона — и меня волнуютъ, какъ тѣло Венеры, скользкія мраморныя плиты этого перваго на моемъ пути алтаря Солнца, зеленая тонкая трава и легкій макъ въ ихъ разсѣлинахъ... Что иное, кромѣ неба и солнца, могло создать все это? Какой воздухъ, кромѣ воздуха Архипелага, могъ сохранить въ такой чистотѣ этотъ мраморъ? Глыбамъ гранита и мрамора, кряжамъ каменистыхъ горъ, наваленныхъ зноемъ, поклонялись древнѣйшія греческія племена. Яркая лазурь, на которой норой воздвигался величавый снѣжно-облачный Зевсъ, озаряла эти горы — и вотъ небо сочеталось съ землею и породило Аполлона, Афродиту, Акрополь. Амфіонъ, древнѣйшій изъ поэтовъ, извлекалъ изъ лиры столь сладкіе звуки, что вѣчный мраморъ, въ которомъ заключена высшая чистота земли, самъ сталъ складываться въ колоннады, стѣны и ступени. А Гомеръ изваялъ образы боговъ-людей: вѣдь Эллада только устами поэтовъ и философовъ созидала пантеоны и культы. И уста поэтовъ высшей религіей признали красоту, высшимъ загробнымъ блаженствомъ —

Элизіумъ, „отъ вѣка не знавшій тьмы и холода“, высшей загробной мукой — лишеніе свѣта... Но отчего же сердце и душу мою тянетъ все-таки въ даль—за это сіяющее море?

„Богъ—жизнь, свѣтъ и красота“,—сказалъ народъ, населившій землю въ этомъ прелестнѣйшемъ изъ морей и воспринявшій миры, рожденные солнцемъ, моремъ и камнемъ.—„Богъ—это мое тѣло“,—сказалъ онъ, возмужавъ и забывъ, что земля его, какъ и всюду, щедро насыщается кровью и что смерть, какъ и всюду, разрушаетъ и на его землѣ плотскую радость.—„Я завоевалъ высшую мудрость“,—сказалъ онъ—и отлить свои завоеванья въ мраморъ—воздвигъ „Алтарь Возврата“, какъ Александръ на границахъ Индіи. И, чтобы не слышать о новыхъ завоеваніяхъ, умертвилъ Сократа. Но духъ искалъ и жаждалъ. Александръ, смѣдаемый этой жаждой, раздвинулъ предѣлы земли, смѣшалъ народы и, возвратясь, сказалъ: „Міръ—безконеченъ и Богъ тысячеликъ. Я поклонялся всѣмъ ликамъ; но истинный—невѣдомъ. Іудея говоритъ, что ликъ Его—мощь и пламя гнѣва; Египетъ, что ликъ Его—Солнце въ ликѣ Сфинкса и Ястреба. Но слова ихъ—кимвалъ бряцающій. Іудея—это горючее Мертвое море, Египетъ—могила въ пустынѣ: онъ тоже свершилъ свой путь—отъ поклоненія вѣчно возрождающемуся „сыну Солнца“, Гору, до своего Алтаря Возврата—до Великой пирамиды. И храмы Солнца нынѣ пусты и безмолвны“. Тогда Греція снова послала поэтовъ и философовъ искать Бога. И они пошли въ Сирію и Александрію—и среди смѣшавшагося человѣчества зачалось смутное и радостное предчувствіе новаго разсвѣта. Впервые случилось, что завоеватель міра не дерзнулъ покорить міръ богу своей націи и своихъ побѣдъ. И всемірная монархія, смѣшавъ человѣчество, распалась. Человѣчество пресытилось кровью, землею и смертью—и возжаждало братства, неба, безсмертія. И когда наконецъ снова взошло Солнце, — „Радуйся! — сказалъ міру ясный Голосъ.—Нѣтъ болѣе ни рабовъ, ни царей, ни жрецовъ, ни боговъ, ни отечества, ни смерти. Я—Египтянинъ, Іудей и Эллинъ, сынъ плотника и Солнца, сынъ земли и Духа. Духъ животворитъ и роднитъ все сущее; и лиліи полевые, и птицы небесныя, и Соломона въ славѣ его, и раба Соломона. Сила и жизнь Его такъ велики во Мнѣ, что вотъ Я полагаю руку Мою на голову умирающаго—и слышу, какъ трепетно исходитъ изъ Меня любовь и жизнь. Просыпаюсь на Фаворѣ въ росистое солнечное утро — и міръ, въ блескѣ и голубыхъ туманахъ лежащій подо Мною, наполняетъ Мою душу такимъ восторгомъ, свѣтомъ Отца Моего, что лицо Мое повергаетъ на землю братьевъ Моихъ...“

III.

На предвечернее солнце было больно смотреть, когда я озвращался на рейдъ. Зеркальныя отраженія струились, пеливались по нагрѣтому за день борту. Мѣдные ободки открытыхъ иллюминаторовъ искрились. Шлюпка тихо подошла къ трапу, и загорѣлый лодочникъ, работавшій весломъ гоя, опернымъ жестомъ снялъ широкополую шляпу. Лебедки жъ затихли, трюмы были нагружены и закрыты, но на спаркѣ еще стоялъ капризный греческій говоръ, еще тѣснилась олаа провожающихъ и подростковъ, завалившихъ всѣ скамьи щиками съ коралломъ, альбомами и открытками... Ровно въ шесть заревѣла, сотрясая всѣ палубы, труба и забурлилъ интъ.

Въ несказанной пышности и нѣжности червонной пыли и оздушно-фіолетовыхъ вулкановъ пламенѣло солнце за безпреѣльнымъ Эгинскимъ заливомъ, изъ котораго мы уходили отъ крополя къ югу. Потомъ оно сразу потеряло весь свой блескъ, тало огромнымъ малиновымъ дискомъ, стало меркнуть — и крылось. Тогда въ золотисто-бирюзовую глубину небосклона высоко поднялись дымчато-аметистовые радіусы. Но на острова

на горы за заливомъ уже палъ вечерній пепель, а все еобозримое пространство заштилѣвнаго моря внезапно порыла мертвенная, малахитовая блѣдность. Я стоялъ на ютѣ, блокотясь на рѣшетку борта, и смотрѣлъ то на этотъ махитъ, то на западъ. Вдругъ по кораблю тамъ и сямъ тепло весело вспыхнуло электричество. На минуту оно отвлекло меня, а когда я снова взглянулъ на западъ, его уже настиглаьма южной ночи. Скоро въ ней потонули и море и небо. Ю тогда за бортомъ сталъ рѣять слабый таинственный вѣтъ—и темно-лиловый полукругъ моря явственно отдѣлился ть болѣе легкаго неба: это былъ серебристый свѣтъ звѣздъ— воды.

— Миль десять идемъ? — спросилъ я заблѣвшаго въ умракѣ матроса, по шороху за бортомъ угадывая ровный олный ходъ.

— Миль тринадцать идемъ!

И по тому, какъ мелькали навстрѣчу мнѣ, когда я пошелъ а бакъ, горбы волнъ, полныхъ голубого, порой крутившагоса дымившаго фосфора, видно было, что правда.

Черный и въ темнотѣ особенно упорный бугшпритъ неклонно велъ въ звѣздный склонъ неба. На сѣверо-востокѣ широко раскидывалась Большая Медвѣдица, любимое созвѣздіе омера. На юго-западѣ низко, но ярче и великолѣпнѣе всѣхъ

сверкала розово-серебристая Венера. Надъ нею — янтарный Юпитеръ. Темно-синяя глубь была переполнена повисшими въ Млечномъ Пути алмазами. Къ тропикамъ уходилъ призракъ Корабля Арго. И отовсюду лились въ море нити тонкаго дивнаго свѣта. Но свѣтъ моря былъ воздушный и прекраснѣе.

— Эй, не курить на бакѣ! — раздался звучный молодой голосъ съ капитанскаго мостика, надъ которымъ высоко теплился топовый огонь.

И опять наступила глубокая тишина, полная шороха волнъ и дыханій машины.

Спотыкаясь на цѣпи и паруса, я добрался до бугшприта. Острая желѣзная грудь рѣзала кипѣвшую блѣдно-синимъ пламенемъ воду — и все пространство моря, озареннаго и полнаго таинственнымъ свѣтомъ, быстро бѣжало навстрѣчу. Звѣзды дрожали отъ едва уловимаго, теплаго воздушнаго тока. Вахтенный, какъ мертвый, неподвижно темнѣлъ возлѣ меня... Но мертвыхъ въ мірѣ нѣтъ, — подумалъ я. Свѣтъ и во тьмѣ свѣтитъ. Вотъ закатилось солнце, породившее нѣкогда Акрополь, но и во тьмѣ только солнцемъ живемъ и дышимъ мы — на землѣ, его частицѣ. Это оно вращаетъ винтъ парохода, оно несетъ навстрѣчу мнѣ море; оно, неизсякаемый родникъ всѣхъ силъ, льющихся на землю, править и неопостижимымъ для моего разума стремленіемъ своего необъятнаго царства въ безконечность — къ Вегѣ, и безумной радостью этого стрѣлой летящаго подо мною, влѣдъ за килемъ парохода дельфина — какъ бы сплошной массы дымно-синяго фосфора. Высшая тайна вселенной, мое сознаніе — свѣтъ отъ силы солнца, какъ солнце — свѣтъ неизреченной Силы. И только къ свѣту стремится все въ мірѣ. Мириады едва зримыхъ сѣмянъ жизни, лишенныхъ солнца тьмою ночи и глубинами водъ, все же свѣтятъ сами себѣ — тѣми атомами его, которыми рождена въ нихъ жизнь. И надъ всѣмъ этимъ моремъ, видѣвшимъ на берегахъ своихъ всѣ служенія Богу, всегда имѣвшія въ основѣ своей служеніе солнцу, стоитъ какъ бы голубой дымъ: дымъ кажденія Ему...

Въ полночь я, счастливый и спокойный, уснулъ въ темной каютѣ, противъ открытаго иллюминатора, за которымъ шумно переливались и разсыпались голубымъ серебромъ волны, — и вдругъ почувствовалъ невыразимую тоску: откуда-то доносились вопли — страшные, тоскливые, чисто-животные! Я вскочилъ — и въ ту же минуту слышалъ низкій и безконечно скорбный ревъ трубы, потрясшій всю каюту. Вздохи машины падали; волны за смутно блѣвшимъ жерломъ иллюминатора чутъ плескались.

— Туманъ!

Я быстро и какъ понало одѣлся и въ темнотѣ нащупалъ чку двери. Въ коридорѣ было свѣтло. Какая-то высокая вушка, похожая на мулатку, въ желтомъ японскомъ халатѣ, черными волосами и черными расширенными глазами, недвижно стояла у своей каюты. Я быстро прошелъ мимо и въ темной каютѣ-компаніи выбѣжалъ на палубу... Но туманъ е рѣдѣлъ. Надъ бакомъ стоялъ блѣдный полумѣсяцъ, и бжая муть, озаренная имъ, быстро бѣжала по небу, по астиамъ и спардѣку. Нѣжно, солено пахло моремъ. Я пролъ на корму, подошелъ къ рѣшеткѣ борта—и моя огромная тѣнь, широко охваченная радужнымъ ореоломъ, встала бѣлесой мглѣ предо мной. И какъ разъ въ это же время крожала корма, заворочались, взрывая шумные клубы ки-ни, лопасти винта. Обернувшись, я увидѣлъ, что блѣдный офиль луны сталъ уже ясенъ. Очищалось и небо. Ярко сверкали позднія звѣзды, машина стала дышать ровнѣй и бже...

Вотъ и Хаосъ Гезіода, то первобытное и безликое, изъ ко возникъ міръ! Сколько боговъ рождалось на берегахъ его моря и сколько ихъ поглотилъ этотъ Хаосъ, подобно гану Кроносу, поглощавшему всѣхъ чадъ своихъ отъ Реи! Первый богъ, почувствованный человѣкомъ, былъ столь стра-нъ, что человѣкъ даже въ молитвѣ не дерзалъ произносить именъ,—какъ это было въ Халдеѣ, въ Египтѣ, у племенъ аитическихъ и даже у греческихъ—въ дикихъ горахъ и сахъ Аркадіи, гдѣ долго поклонялись только Волчьему всу, требовавшему жертвъ человѣческихъ... Человѣческихъ ртвѣ требовало и Солнце, воплощавшееся въ капищахъ берегамъ этого моря то въ Бада, то въ Молоха, то въ у-Самаса, то въ Іегову—„огнь поѣдающій“... А Время все лошало и поглощало его образы. Поглотило оно и Озириса Зевса... Поглотило и Гора и Аполлона, „дѣтей Солнца“... гмевааетъ своимъ дыханьемъ и ликъ Іисуса... Но Солнце же существуетъ!

IV.

На Критъ мы не заходили.

Проснувшись на разсвѣтѣ, я увидѣлъ волнистый силуэтъ сокаго мыса, голубѣвшаго въ утреннемъ парѣ. Родина вса Олимпійскаго! Пусть Кроносъ поглотилъ-таки его—ле-да его дѣтства такъ трогательна! Рея укрылась отъ Кро-за въ гротѣ, озаряемомъ золотымъ отблескомъ отъ хру-льно-кобальтовой влаги; пчелы кормили его янтарнымъ

медомъ, коза давала ему свои лиловые сосцы. А когда ребенокъ плакалъ, воины били копьями въ мѣдные щиты — и ребенокъ смолкалъ, тараща на нихъ свѣтлые глазки, и Кроносъ ничего не слышалъ за веселымъ трезвономъ!

Къ часу Критъ остался уже далеко за нами — пепельной чертой, таявшей на горизонтѣ.

Первый классъ былъ пустъ. Бѣлая каютъ-компанія вся была озарена солнцемъ. Матово блестяль мраморъ стѣнъ, жарко горѣлъ рытый пунцовый бархатъ дивановъ. Въ раскрытый люкъ потолка видно было небо. Мулатка въ японскомъ халатѣ канареечнаго цвѣта сидѣла за піанно и одной рукой играла кэкъ-уокъ. Въ другой она держала большой японскій вѣеръ и, помахивая имъ, качала головой, отягченной черными безъ блеска волосами, на которые былъ накинута свѣтло-оранжевый газъ. И отъ кэкъ-уока было смѣшно и немножко грустно, отъ канареечнаго халата — весело.

Послѣ завтрака, она лежала подъ навѣсомъ спардэка, вытянувъ гибкое тѣло въ камышовомъ лонгъ-шезѣ. Мелкія родинки были разсыяны по ея нѣжному, желтому, немного скуластому лицу. Большіе, широко раскрытые и очень блестящіе глаза кофейнаго цвѣта внимательно и безсмысленно слѣдили за мной. Вдругъ они заискрились, — и я услышалъ какую-то путаную французскую фразу, сказанную очень вульгарнымъ голосомъ. Я подошелъ съ вопросительно поднятыми бровями. Она, не вставая, вытянула изъ моего кармана портсигаръ, взяла папиросу и кивнула, требуя огня. Я зажегъ турецкій сѣрникъ. Она закурила, посмотрѣла на меня и, очевидно, признавъ во мнѣ человека совершенно неинтереснаго, съ наивной грубостью махнула рукой. И потомъ ужъ не замѣчала меня.

На припекѣ возлѣ бутсприта крѣпко спали молодые крестьяне въ фескахъ, въ короткихъ верблюжьихъ курткахъ и верблюжьихъ анатолійскихъ штанахъ. Загорѣлый русскій матросъ, сидя возлѣ нихъ и щурясь отъ солнца, красилъ черной, быстро сохнущей краской сундучокъ, поставленный между широко раскинутыми босыми ногами.

— Дальній? — спросилъ я, насмотрѣвшись на его работу.

— Отсюда не видать, — отвѣтилъ онъ, не поднимая головы.

Потомъ съ нижней палубы вытѣзъ на бакъ какой-то бритый старикъ въ широкополой соломенной шляпѣ, въ очень широкихъ шароварахъ. Помолчавъ и поглядѣвъ на югъ, онъ обернулся ко мнѣ.

— Мер! — сказалъ онъ и, ласково улыбаясь, кивнулъ на огромное пространство неба и моря.

— Мер, мер,—отвѣтилъ я.

Старикъ тихонько потрепалъ меня по плечу и сѣлъ на гочія якорныя дѣли.

— Саіго?—прибавилъ онъ тѣмъ снисходительнымъ тономъ, какимъ говорятъ съ дѣтми.

— Саіго,—подтвердилъ я.

И мы опять улыбнулись другъ другу, стараясь выразить кое-то милое чувство.

Нѣжно-сиреневый просторъ моря, искрися на солнцѣ, плавно жгаль навстрѣчу, съ шелковистымъ шорохомъ неслись мимо

блестя, переливались валы густого лиловаго масла... Я взглянулъ на острую грудь бака, рѣзавшую живой сапфиръ еди снѣжной кипени,—и миговъ о рожденіи Афродиты показался мнѣ самымъ жизненнымъ и самымъ радостнымъ изъ миговъ!

Я ушелъ въ тѣнь, подъ жаркій навѣсъ спардека — на полкѣ его переливался глянецъ отъ воды и солнца — и легъ въ камышевое кресло. Афродиту смѣнила гордость, что завтра увижу Африку, Египетъ...

— Тамъ Богъ въ своемъ лучезарномъ теченіи покрываетъ землю людей мрачнымъ блескомъ сажі и, изсушая, курчавитъ къ волосы...

„Ахъ, какъ хорошо это сказано! — подумалъ я, закрывъ глаза. — Если бы я былъ арабскимъ поэтомъ, я прибавилъ бы:

— Тамъ земля — золото, воздухъ — опрокинутое пламя, ннее сверху. Въ золотѣ и пламени пустыни тамъ растетъ альяма...

Вѣтеръ чуть касался лица и рѣсницъ, — и вотъ я увидѣлъ и песокъ, въ сквозной тѣни твердаго, тонкоствольнаго и чешуйчататаго дерева голубого ослика, сѣдого курчаваго старика въ кунбазѣ, — легкой, до колѣнъ рубахѣ, — съ раскрытой и трой отъ загара грудью, молодую женщину въ кубовомъ хитонѣ, съ прелестными, скорбно опущенными глазами, черноглазаго Ребенка на ея колѣняхъ... Ахъ, какъ томно и жарко одъ пальмой! Какъ запеклись уста отъ жажды! „О, если бы уже давно умерла и всѣ меня позабыли! — шепчутъ они грустныя слова, записанныя въ святомъ Коранѣ и сохраненныя въ нагочестивыхъ арабскихъ преданіяхъ. — Вотъ я сожжена пустыней и солнцемъ, а Дитя мое и мужъ мой страдаютъ не болѣе“... И вдругъ съ неба звучитъ ясный голосъ: „Не печалься! Господь посылаетъ къ ногамъ твоимъ воду и оплодворяетъ для тебя дерево“... И между длинными вайями незаметно появляется чешуйчатая почка. Она лопається, и изъ

нея выходить золотая цвѣточная кисть финика... Растутъ плоды, окрашиваются въ пурпуръ, наливаются сокомъ и сладостью... Журчитъ холодный ключъ изъ-подъ камня... И я вижу, какъ изумленно поднялись черныя рѣсницы женщины, какъ засіяли глазки Ребенка и преобразилось лицо старика... какъ осликъ, все время стонявшій ударами задней ноги слѣпней съ брюха, повернулъ къ ключу голову, насторожилъ длинное ухо—и вдругъ восторженно, захлебываясь, зарыдалъ оглушительнымъ скрипомъ...

Я заснулъ тѣмъ неожиданнымъ сномъ, какимъ засыпалъ только въ ранней молодости, въ саду, на скользкой сухой травѣ, подъ жаркой и прозрачной тѣнью яблони. А когда открылъ глаза, солнце ужъ глядѣло подъ навѣсъ, сине-лиловая вода за рѣшеткой борта стала еще ярче. И лакей въ бѣломъ пиджакѣ, проходя мимо, настойчиво звонилъ къ чаю...

Греки сидѣли послѣ чая на югѣ и долго пѣли какія-то жалостно-счастливыя пѣсни. Солнце склонялось, необозримый кругъ воды становился все пѣжнѣе и задумчивѣе. Мулатка, сонно и тоскливо полузакрывъ рѣсницы, подпѣвала низкимъ груднымъ голосомъ. Младшій механикъ сидѣлъ напротивъ, и она, слабо улыбаясь, изрѣдка поводила на него глазами.

— Мутно будетъ на закатѣ,—сказалъ мнѣ механикъ разсѣянно.

Я не дообѣдалъ, не повѣривъ ему, но солнце, и правда, потонуло въ блѣдно-сизой мутѣ. Въ небѣ было еще свѣтло, но море быстро темнѣло. Волны, мелькавшія за бортомъ, становились кубовыми. Вспыхнуло электричество—и сразу отдѣлило пароходъ отъ ночи.

Внутри, въ каютъ-компаніяхъ и рубкахъ, было ярко и уютно, за бортами была тѣма, теплый вѣтеръ и шорохъ волнъ, бѣжавшихъ качающимися холмами. Маслянисто-золотыя полосы падали на нихъ изъ иллюминаторовъ и извивались, какъ змѣи. Теплый вѣтеръ усиливался,—и вдругъ одна изъ полосъ провалилась въ черную пропасть, а вся глыба парохода зыбко приподнялась съ носа и еще болѣе зыбко и плавно опустилась среди закипѣвшей почти до бортовъ голубовато-дымной воды. Мулатка, показавшаяся въ это время въ свѣтломъ пространствѣ входа въ рубку, ухватилась было за притолку, но въ ту же минуту оторвалась и со смѣхомъ, съ протянутыми руками побѣжала по наклонной палубѣ. А немного погодя, изъ той же двери вышелъ младшій механикъ, оглянулся и, увидѣвъ меня, неестественно заплѣлъ что-то и твердыми шагами пошелъ по опускающейся и поднимающейся палубѣ слѣдомъ за ней...

Около полуночи надъ темно-лиловой равниной моря возгелъ оранжевый печальный полумѣсяцъ. Сѣя на горизонтѣ тафранный свѣтъ, онъ наклонно висѣлъ надъ бѣгущей на асъ и качающей зыбью. и отъ него несло теплымъ. теплымъ вѣтромъ...

Дуло изъ Аравіи.

V.

Это сказочное слово волновало меня ночью, а утромъ открылся берегъ Африки.

Сильно припекало, и на южномъ горизонтѣ залегала полоса тумана. Небо было знойно и бѣлесо, море тускло блетѣло оловомъ. Вода подъ кормой бурлила жидкая, зеленоолубая.

Командиръ, весь въ бѣломъ, стоялъ на мостикѣ, не отводя тѣ глазъ бинокля. Медленнѣй вздыхала машина: шли уже реднымъ ходомъ, ждали араба-лоцмана, ибо взморье передъ александріей густо усыяно подводными камнями. Промелькнула первая чайка... Прошелъ слѣва, въ Портъ-Саидъ, огромный, упоносый и весь черный пароходъ... И я увидѣлъ на немъ бѣлыя буквы: Menzaleh.

Александрія, Дельта, Ниль! Я хорошо зналъ, что почти ни динаго слѣда великолѣпнѣйшаго въ древнемъ мірѣ города не осталось теперь на песчаной косѣ, между моремъ и огромной лагуной Мареотисъ. Но вѣдь именно на этой косѣ впервые осуществилось и измѣнило лицо земли то „великое смѣненіе народовъ“, о которомъ грезилъ человѣкъ, равный Кумбу. Изъ муты на горизонтѣ медленно выдѣлялась башня, реемница того знаменитаго маяка, что былъ когда-то „символомъ свѣта александрійской мудрости“ и однимъ изъ чудесъ міра, ибо велъ къ городу полубога, дошедшаго отъ столповъ еркулеса до индійскихъ деревьевъ, „вершинъ которыхъ не достигаютъ стрѣлы“, былъ посвященъ „богамъ, спасающимъ лавающихъ“, блисталъ зеркаломъ—„Талисманомъ Александріи“,—отражавшимъ „землю, небо и всѣ паруса Средиземнаго моря“, и такъ возвышался, что „камень, брошенный съ него за закатъ, падалъ въ воду только въ полночь“... Потомъ слабо обозначилась бѣлая полоска города, палочки—мачты порта, колонна Помпея и крестики—крылья вѣтряныхъ мельницъ. Справа отъ нихъ тянулась блѣдно-желтая линія пустыни, сгравшаяся на западъ, — линія безграничной плоскости, соѣдней съ Дельтой. Это былъ еще міражъ земли, уходившій въ стекловидную даль. Но тамъ, въ стекловидной дали, видѣли призраки тѣхъ единственныхъ по своимъ очертаніямъ

деревьевъ, видъ которыхъ, какъ воспоминаніе о чемъ-то дорогомъ и близкомъ съ дѣтства, волнуетъ каждое человѣческое сердце: финиковыя пальмы!

Сзади сладко и торопливо говорили по-гречески, — вѣрно, "о хлопкѣ, о рисѣ... Вѣдь сюда и донинѣ текутъ торговые пути Европы и Азіи, Нубіи и Аравіи, Индостана и Австраліи. А когда-то стеклись чуть не всѣ древнія религіи и цивилизаціи, которыя уже свершили свои пути и, воздвигнувъ имъ памятники, искали спасенія въ космополитизмѣ, готовые возвратиться къ первобытному братству и къ первобытному Безыменному Богу. Черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ основанія Александріи стала величайшимъ портомъ, черезъ сто — городомъ, блистающимъ мраморными театрами, храмами, портиками, библіотеками, Серапеумомъ — „храмомъ погребеннаго Солнца“, — и вотъ въ немъ сошлись жрецы, философы, грамматикѣ, софисты, поэты и ученые всѣхъ странъ, дабы Солнце возродилось...

„Ты — путь, соединяющій небо съ землею“, — сказали Нилу гимны. Не таковы ли и всѣ пути въ чужія земли? Они рожаютъ неутолимую жажду духа и теряются, какъ море, въ небѣ. Александръ, котораго увлекла къ предѣламъ земли не только слава, но и молодость, проведенная близъ Аристотеля, увлекъ за собою въ море исканій и все древнее человѣчество. Недаромъ персидскія легенды говорятъ, что Искандеръ мечталъ найти „воду жизни“. И походы его изумили, раздвинули грани земли до сказочнаго, породили тысячи сказаній, покрыли тысячи свитковъ разсказами о невѣдомыхъ прежде богахъ и странахъ... Заложивъ городъ и гавань въ Дельтѣ, въ Месопотаміи Египта, онъ какъ бы снова созвалъ человѣчество на равнину Сенаарскую — къ построенію новой Вавилонской башни. Пусть снова смѣшаются языки! Даже одна попытка достигнуть неба перерождаетъ міръ!

Такъ была пустынна песчаная отмель Мареотиса, что не сыскали куска мѣла, чтобы начертать планъ города: пришлось чертить мукой. Но Геростратъ недаромъ сжегъ послѣднее изъ величайшихъ капищъ въ ночь рожденія Александра. Человѣкъ, стершій грани почти всѣхъ царствъ земли, совершившій жертвы во всѣхъ ея капищахъ, но поклонявшійся, можетъ-быть, только Невѣдомому Богу Сократа и Платона, родился для того, чтобъ, соединивъ царства востока и запада, построить первый международный городъ и заложить первыя основанія какого-то новаго храма, взамѣнъ опустѣвшихъ храмовъ Греціи, Іудеи и Египта. И на его городъ выпала непримѣрная въ исторіи роль — стать центромъ всѣхъ религій и всѣхъ знаній древности, стать предшественникомъ

Назарета... а потомъ и „великимъ полемъ битвы за имя Христово“,—полемъ печальнымъ, впрочемъ... Развѣ есть мѣсто, котораго не могли бы осквернить жрецы и схоласты?

Мы идемъ медленно, но растетъ и приближается песчаный берегъ съ пальмами, безчисленныя мачты гаваней, каменные ленты волнорѣзовъ и сіяющій бѣлизной маякъ на полуостровѣ, гдѣ когда-то, вдали отъ городского шума, трудились, „омывая руки въ морѣ“, старцы-толковники. Но и Александра и толковниковъ вытѣсняетъ радостное сознаніе: это Африка! И зной африканскаго утра все увеличивается по мѣрѣ того, какъ мы все тише и глубже входимъ въ тѣсноту внутреннихъ гаваней Стараго Порта, переполненнаго судами, красными кругами бакановъ, разноцвѣтными лодками съ разноцвѣтными флагами отелей и загорѣлымъ людомъ въ фескахъ, обмотанныхъ платками, въ фуфайкахъ или длинныхъ синихъ рубахахъ. Все это тянется среди пароходовъ за нами, а справа надвигается сѣро-песчаный берегъ, на обрывахъ котораго, среди однообразныхъ желтоватыхъ кубиковъ уносятся въ небо шероховатые стволы въ перистыхъ султанахъ. Долгій морской путь конченъ — и, взглянувъ назадъ, на бѣлый волнорѣзъ, я не вижу больше моря: вижу только небо, мачты да синюю ленту надъ волнорѣзомъ. А здѣсь вода зеленая, здѣсь пестрота людей и лодокъ, палевые кубы и пальмы — и все залито сухимъ ослѣпительнымъ свѣтомъ... Африка!

На набережной—чалмы, шляпы, обычныя портовые зданія. Набережная медленно близится, спардѣкъ заваленъ чемоданами, сундуками... Вереницей бѣгутъ по горячей палубѣ матросы, таща на корму тяжелый канатъ. Отступая, оборачиваюсь и вижу мулатку. Она въ бѣлыхъ ботинкахъ, въ легкомъ ярко-розовомъ платьѣ съ прошивками на груди, въ большой розовой шляпкѣ и подъ розовымъ зонтомъ съ кружевами. На пальцахъ—перстни, въ ушахъ—большія золотыя кольца. Глаза изумленно блестятъ, на пухлыя губы и большія ноздри падаетъ отъ зонтика теплый розовый отблескъ. Она жадно высматриваетъ кого-то въ толпѣ на набережной, куда вдругъ змѣей летитъ „конецъ“ съ нашей кормы...

Зодіакальний світъ.

I.

Выѣхавъ за таможеню, я невольно склонилъ голову: солнце стояло какъ разъ надъ головою. Обгоняя насъ и поднимая горячую пыль, прокатила коляска съ нарядными левантинцами, но зато сейчасъ же напомнила пустыню медленная вереница соловыхъ дромадеровъ, навьюченныхъ сахарнымъ тростникомъ и предводительствуемыхъ босоногимъ погонщикомъ въ красной ермолкѣ и короткомъ бѣломъ кунбазѣ. Потомъ проѣхали англійскіе солдаты въ тропической формѣ, верхомъ на великолѣпныхъ гнѣдыхъ лошадяхъ, лоснившихся на солнцѣ, и, прижимаясь отъ нихъ къ глиняной оградѣ, мелко перебирая по пыли маленькими ножками, прошла молоденькая феллашка въ голубой полинявшей рубахѣ, круглоликая, съ полными губками и слегка расширенными ноздрями. Она подняла рѣсницы надъ красивыми томными глазами — и застычиво опустила ихъ. Но на ея пепельно-смугломъ лицѣ, татуированномъ синеватыми полосками по бокамъ подбородка и звѣздочками на вискахъ, покрывала не было. Не было и библейскаго кувшина на ея головѣ, прикрытой легкимъ платкомъ изъ черно-синей шерсти: на головѣ она несла то, что теперь такъ ходко смѣняеть на Востокѣ библейскій кувшинъ, — большую жестянку изъ-подъ керосина. А за феллашкой показался осликъ-иноходецъ, быстро и тупо сѣменившій копытцами, подъ краснымъ бархатнымъ сѣдломъ, на которомъ, почти задѣвая землю ботинками, сидѣлъ большой арабъ въ пиджакѣ сверхъ длиннаго халата-подрясника, въ плоской фескѣ, обмотанной золотисто-пестрымъ платкомъ... И пошли шумные людные коридоры, въ которыхъ все смѣшалось: и ослы, и англійскіе полицейскіе, и коляски, и верблюды, и маленькіе греки въ соломенныхъ шляпахъ, и рослые

негры, одѣтые изысканно-модно, и пѣгіе бедуинскіе плащи, и несмѣтныя голубыя рубахи, и восточныя лавочки съ зеленью, бараниной и рисомъ, и зеркальныя витрины банкировъ...

Отъ площади Консуловъ до моря два шага. Одинъ конецъ бѣлаго переулка, въ которомъ я остановился, выходилъ къ конной статуѣ Али, второй—на огромный полукругъ другой, еще пустой площади на берегу Новой гавани. Въ отелѣ отвели мнѣ довольно просторную комнату съ каменнымъ поломъ, покрытымъ тонкими коврами. Въ ней стояли двѣ широкія постели подъ кисейными балдахинами, было полутемно и прохладно. Двери на балконъ—стеклянная и жалюзи—были закрыты. Но балконъ выходилъ не въ переулокъ, а въ пересѣкавшую его торговую улицу—и подъ балкономъ стоялъ оглушительный гамъ Востока, говоръ и стукъ копытъ, гулъ и рожки трамвая, вопли продавцовъ воды, рыбы и зелени... А когда я отворилъ двери, въ комнату, вмѣстѣ со всѣми этими звуками, такъ и хлынулъ свѣтъ и жаръ африканскаго полдня.

Въ томъ концѣ переулка, что выходитъ къ морю, въ маленькомъ греческомъ ресторанѣ я ѣлъ какую-то розовую морскую рыбу, щедро облитую лимоннымъ сокомъ, и пилъ какое-то густое вино. Потомъ я побрелъ къ морю и долго не могъ наглядѣться на мелкую зыбь сиреневаго простора, на раковины облачковъ, таявшихъ надъ нимъ въ бездонномъ шелковистомъ небѣ, на кубики палевыхъ домовъ, терявшихся вдоль широкаго изгиба песчанаго побережья... И вихры отдаленныхъ пальмъ опять сладко напомнили мнѣ, что это — берегъ Африки!

Солнце стояло какъ разъ надъ головой, и въ переулкѣ не было ни тѣни, когда я шелъ послѣ того на площадь Консуловъ. По торговой улицѣ, пересѣкавшей его, попрежнему гудѣлъ трамвай, кричали водоносы, бѣжали ослы подъ босыми загорѣлыми всадниками въ голубыхъ рубахахъ и бѣлыхъ чалмахъ, изъ какой-то лавки страстно-жалобнымъ гнусавымъ фальцетомъ оралъ арабскую оперную арію граммофонъ. На площади вокругъ сквера, въ жаркой легкой тѣни подсыхающихъ деревьевъ, стояли коляски, дремали лошади. Смуглые, въ бѣломъ, извозчики, вмѣстѣ съ прочей арабской толпой, занимавшей несмѣтныя столики сквера, пили воды, курили, болтали и читали уличныя газетки. А невдалекѣ отъ меня сидѣли два негра изъ Судана. Ихъ черныя скуластыя лица и черныя палки ногъ въ огромныхъ пыльных туфляхъ казались еще чернѣе и страшнѣе отъ бѣлыхъ кидарь; сверхъ рубашекъ на нихъ были короткіе халаты цвѣта полосатыхъ

гленъ. Съ раздувающимися ноздрями раздавленныхъ носовъ, съ блестящими глазами, съ нагло вывороченными губами, негры радостно и удивленно осматривали проходящихъ женщинъ. А у женщинъ, закутанныхъ въ черный шелкъ, только и видно было, что глаза, странно раздѣленные металлическимъ цилиндромъ, соединяющимъ чадры съ покрывалами...

Часамъ къ четыремъ городъ снова ожилъ. Поливали мостовыя, и косою блескъ съ запада ярко золотилъ и площадь, снова наполнившуюся народомъ, и всю улицу Шерифъ-Паша, по которой я поѣхалъ къ каналу и которая казалась бы совсѣмъ европейской, если бы не ослики, не этотъ босоногій черноликій людъ, и шарабаны съ дѣтьми и женщинами, очень изящными и нарядными, но ужъ черезчуръ смуглыми.

Путь былъ не близкій, и огромный городъ такъ постепенно мѣнялся, что я и не замѣтилъ, какъ очутился въ арабскихъ кварталахъ, среди садовъ, надъ которыми пышно высились пальмы, среди домовъ, нависавшихъ надъ пыльной улицей рѣзными, рѣшетчатыми выступами вторыхъ этажей. Когда же мы выѣхали на широкую и чистую набережную канала, соединяющаго море съ Ниломъ, городъ снова поразилъ меня своимъ экзотически-европейскимъ характеромъ. Виллы и сады тянулись вдоль всего праваго берега, по которому вихремъ проносились экипажи, а на каналѣ, на зеркальной водѣ, мирно дремали въ низкомъ блескѣ еще жаркаго солнца грубые косые паруса барокъ и по-африкански желтѣли среди пальмовыхъ и тамариндовыхъ рощъ глиняныя хижины на лѣвомъ берегу.

По-африкански бѣдно было и въ кварталахъ, прилегающихъ къ Старому порту, къ тому голому холмистому пространству, гдѣ когда-то были дворцы и храмы Птолмеевъ и гдѣ теперь, на мѣстѣ Серапеума, стоитъ такъ называемая колонна Помпея. По-африкански горѣли противъ опускавшагося солнца стекла въ желтыхъ домахъ разноплеменной александрійской бѣдности. Женщины въ туфляхъ и халатикахъ, похожія на евреекъ нашихъ южныхъ городовъ, съ раскрытыми тощими грудями, почернѣвшими отъ зноя, лѣниво сидѣли у пороговъ и держали на колѣняхъ полуголыхъ дѣтишекъ, лица которыхъ сплошь обдѣпляли мужи. Тутъ же шатались шелудивыя бездомныя собаки. Ни кустика не было среди глиняныхъ рогатыхъ памятниковъ арабскаго кладбища, уже давно смѣшавшаго свои кости съ несмѣтными костями древнихъ кладбищъ и съ мусоромъ тысячелѣтнихъ останковъ сто кратъ погибавшей и вновь возрождавшейся Александрии. И надо всѣми этими братскими могилами высилась колонна. Но оказалась она гораздо менѣ

заманчива, чѣмъ ея названіе въ гидахъ: „Монолитъ розоваго ассуанскаго мрамора“. Меланхолически - прекрасенъ только видъ отъ колонны: на западѣ—вечернее солнце, опускающееся къ золотой полосѣ Средиземнаго моря, на востокѣ — рощи пальмъ, синяя пустынная равнина Марейотиса и пески, пески...

II.

На пути въ Каиръ сперва мелькали стѣны Александріи. Потомъ вагоны озарились золотистыми песчаными выемками, бѣлыми вилами и яркой синью утренняго неба.

Скоро ихъ смѣнилъ Марейотисъ: водная сіяющая гладь, острова камышей, необозримая зеркальность, на отмеляхъ которой розовыми лиліями блистали тысячи длинноногихъ фламинго, ибисовъ и цапель. А за лагунами и поймами начали развертываться топи и равнины, воздѣланныя, какъ огороды, изрѣзанныя каналами и плотинами, и стекловидныя дали съ чуть видными оазами селеній...

Экспрессъ уносилъ меня къ югу, и, благодаря той „неизмѣнности“ Египта, что поразила еще Платона, всю дорогу чувствовалъ я, что нигдѣ такъ быстро не падаешь въ глубь времени, какъ здѣсь. Развѣ не древнѣ этотъ смуглый людъ, орошающій поля, ѣдущій по плотинамъ на осликахъ, отдыхающій вмѣстѣ съ волами подъ жидкою тѣнью смоковницъ? Развѣ не по этому пути прошелъ древній Египетъ, чтобы дойти до пустыни, до жрецовъ и фараоновъ, до послѣднихъ предѣловъ нищеты и рабства, въ коихъ онъ пребываетъ и донинѣ? Здѣсь, въ Дельтѣ, созданной священнымъ созвѣздіемъ Треугольника и священной рѣкою, ея мирные обитатели именовали себя „служителями Сына Солнца, Гора“. Въ Мемфисѣ и Оивахъ они стали служителями фараоновъ. Солнце измѣнило свой ликъ и все чаще стало мѣнять свои имена: Пта, Ра, Озирисъ, Горъ, Аммонъ. Родились легенды о его смерти и воскресеніи. Ра удалился отъ людей, забывшихъ его ради жрецовъ и фараоновъ, на небо. Озирисъ, его ипостась, былъ растерзанъ своимъ братомъ — Сетомъ, богомъ зла и пустыни. Гору, сыну Озириса, пришлось встать, въ образѣ сфинкса, на безконечную борьбу съ Сетомъ. Но побѣдителемъ остался все же Сеть... И при мысли, что поѣздъ все дальше уносится въ его царство, къ илистому Нилу, сжатому горячими пустынями, становилось почти жутко.

Вагонъ былъ переполненъ женщинами, до глазъ закутанными въ черное и бѣлое, фесками, шляпами, халатами, табачнымъ дымомъ, пылью и свѣтомъ. Воздухъ, вѣющій въ окна съ низъ и каналовъ, становился все жарче и суше,—и вотъ

начали хлопать поднимаемые рамы, а за ними—рѣшетчатые ставни. Воцарился полумракъ, изрѣзанный полосами свѣта и дыма, но духота стала уже дурманить. Я вышелъ на площадку — и ослѣпъ отъ бѣлаго блеска. Обдаетъ пламенемъ, точно стоишь возлѣ огромнаго костра, оглушаетъ гуломъ колесъ и удушаетъ желтой пылью... Былъ Даманхуръ,—древнѣйшій Тимъ, городъ Гора... Былъ Кафръ-Зайятъ... Теперь вижу сквозь пыль, что подъ колесами съ грохотомъ мелькаетъ сквозная мостъ и горячимъ стекломъ блещетъ внизу рѣка въ илистыхъ берегахъ. Это Ниль. Мимо поѣзда начинаютъ мелькать бѣлыя яркія стѣны и высокія пальмы: Танта, городъ, славный своей ярмаркой. Но и въ Тантѣ, какъ всюду, остановка — мгновеніе. Съ разлета сталъ поѣздъ, и хлынувшая изъ вагоновъ толпа мгновенно смѣшалась съ цвѣтистой толпой на раскаленной платформѣ. И едва успѣлъ я схватить въ буфетѣ апельсинъ и пачку папирсъ, какъ дверцы вагоновъ уже опять захлопали. И опять—равнины зрѣющаго хлѣба, каналы и черныя деревушки феллаховъ — полузвѣриныя хижины изъ ила, крытыя дурровой соломой... И опять противъ меня—коптъ и феллахъ. Коптъ—толстый, въ черномъ халатѣ, въ черной и туго завернутой чалмѣ, съ темно-оливковымъ круглымъ лицомъ, карими глазами и раздувающимися ноздрями. На колѣняхъ у него зонтикъ. Феллахъ—въ бѣлой чалмѣ и грубомъ балахонѣ, разстегнутомъ на груди. Это совершенный быкъ по своему нечеловѣческому сложенію и спокойствію, съ бронзовой шеей изумительной мощи. Но еще изумительнѣй то, что ему, кажется, совсѣмъ не жарко!

Солнце безжалостно на пути къ Мемфису. Пламенный богъ родитъ лишь пески, если рядомъ съ нимъ не царитъ его „вторая жизнь“ — богъ-море. Море создало Грецію. Ниль, уведшій за собой обитателей Дельты въ пустыни, создалъ свѣтозарный и строгій Египетъ. Горъ не только звѣрь. Онъ то человѣкъ съ головою ястреба, то левъ съ головой человѣка. Но онъ древнѣе пирамидъ. Онъ зачатъ, можетъ-быть, еще въ Дельтѣ. Онъ былъ символомъ человѣческой мудрости и львиной мощи. Утвердившись же въ Мемфисѣ, стиснутый пустыней, Египетъ замкнулся отъ міра. Возвеличенный и изнуренный войнами, нищетой и рабствомъ, онъ сталъ созидать культъ смерти...

Ахъ, какъ строгъ и красивъ былъ этотъ культъ! Тайнственными драгоценными бальзамами и травами охранялось священное человѣческое тѣло отъ тлѣнія. Эмблемы Пта-Ра, бога-производителя,—золотые скараabei съ лазурными крыльями и золотые крестики, символъ воскресенія, — вѣшали на тѣло

мумій. Книга Мертвыхъ—дивные гимны къ Озирису-Радости, Солнцу, Добру и Судьѣ за гробомъ—полагалась на груди ихъ. Золотымъ лакомъ покрывали сикоморовые гробы-футляры и съ изумительнымъ искусствомъ писали на футлярахъ кино-варью дискъ крылатаго солнца. И все это скрывалось въ тяжкихъ саркофагахъ изъ гранита или базальта, заключенныхъ въ нѣдра пирамидъ... Но душа величайшей изъ всѣхъ древнихъ религій, вѣра, породившая столь мудрый и красивый ритуаль, — гдѣ была она въ Египтѣ, ограблявшемъ съ голоду даже гробницы и храмы? Она лишь слабо тлѣла въ памяти этого „бронзоваго, худого и молчаливаго народа“. Жизнь его текла во тьмѣ и рабствѣ, стала подобна „палкѣ, изъѣденной червями“... А былъ ли на землѣ народъ болѣе славный? Въ темныя и жестокия времена варварства онъ первый возсталъ среди народовъ въ безпримѣрной цѣльности и законченности своего облика — и на первобытной землѣ, каждая пядь которой оплачивалась кровью, сумѣлъ сохранить этотъ обликъ пять тысячелѣтій. Онъ не зналъ себѣ равныхъ ни въ трудѣ, ни въ созиданіи памятниковъ, ни въ знаніяхъ, ни въ морали, ни въ отвагѣ, уживавшейся рядомъ съ изумительной для его времени кротостью. Онъ былъ наставникомъ всего древняго міра: это на основахъ его культуры, его религій выросли Ассирія, Финикія, Іудея, Греція — и христіанство. За четыре тысячелѣтія до Греціи онъ создалъ безпримѣрное по силѣ рѣзца ваяніе, создалъ безпримѣрную по тонкости, чистотѣ, яркости и простотѣ живопись; создалъ поэзію гимновъ, безпримѣрную по вдохновенію; создалъ религію — безпримѣрную уже по одному тому, что она одна не потребовала человѣческихъ жертвоприношеній!

Онъ никогда не зналъ судрѣ и паріевъ. Никогда не зналъ рабства женщинъ. Онъ всегда былъ человѣченъ, опрятенъ, мягокъ въ обращеніи, благоговѣнно чтилъ жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ; объ этомъ свидѣтельствуется прежде всего обоготвореніе животныхъ — обоготвореніе земныхъ проявленій божественной творческой силы. Онъ не разъ властвовалъ надъ всѣмъ Востокомъ, но даже и въ эти дни никогда не уподоблялся въ свирѣпости другимъ народамъ, обивавшимъ городскія стѣны кожей плѣнныхъ.

„Добро ярче изумруда въ черной рукѣ невольника“, начерталъ онъ на папирусѣ, — и добро стало краеугольнымъ камнемъ и вѣры его, и всѣхъ житейскихъ установленій. Вѣра была величественна и грандіозна, какъ величественны и грандіозны всѣ труды и все искусство Египта. Первобытная, космическая широта мысли сочеталась въ Египтѣ съ вели-

чайшей изощренностью и тонкостью. Вѣра Египта въ основѣ своей, въ первоисточникахъ признала единого Бога и множество свѣтозарныхъ формъ его. Она была, по чудесному выраженію Шамполіона, пантеистическимъ единобожіемъ. „Я— все, что было, что есть и будетъ. Солнце—рожденіе мое, и никто изъ смертныхъ не подниметъ покрывала моего“. Такъ сказала Праматерь Вселенной, Ну, — невѣдомая, незримая, вѣчно и всюду чувствуемая, но непознаваемая, всесовершенная и всепроникающая, сама въ себѣ и сама собой зародившаяся, Альфа и Омега космоса. Она сказала: всѣ солнечные боги— чада мои, благіе и свѣтлые посредники межъ вселенной и Ну, побѣдители тьмы и зла, образы заката и восхода, смѣны формъ и безсмертія основъ. Все въ Творцѣ и во всемъ — Творецъ. Свѣтъ его все проникающаго и безсмертнаго духа незакатно свѣтитъ во тьмѣ зла и смерти. Озирисъ—одинъ изъ его солнечныхъ ликовъ—какъ Христосъ, погибъ въ борьбѣ со зломъ и воскресъ въ образѣ Гора. И, какъ возрождается сѣмя, брошенное въ землю, такъ возрождается и духъ всего сущаго вслѣдъ за видимой смертью. Оставивъ тѣло человѣка, духъ восходитъ на судъ Озириса — и дивными словами Книги Мертвыхъ свидѣтельствуетъ чистоту и добро своего земного существованія. И, очищенный судомъ и покаяніемъ, окропленный „Водою Жизни“, вновь возвращается къ тѣлу, къ болѣе совершенной жизни: потому-то и должна быть священна и сохранна мумія. А свершивъ кругъ смертей и воскресеній, духъ уже навѣки соединяется съ Отцомъ и Судіей въ „Поляхъ Солнца“. Радость бытія, гдѣ смерть лишь ступень къ совершенству, радость сыновней близости къ Отцу и братской близости ко всему живому, участіе въ красотѣ и гармоніи свѣтозарнаго космоса — вотъ что было основой египетскаго пантеизма, столь близкаго къ пантеизму христіанства. Но, придя въ Мемфисъ и воздвигнувъ пирамиды, Египетъ точно схоронилъ подъ ними свою вѣру. Замкнутый, мистически строгій, онъ становился все мрачнѣе и мрачнѣе. Онъ уже вступилъ въ тѣ великія битвы народовъ, что затянулись на тысячелѣтія и, затопивъ землю кровью, породили грозные и страшные глаголы еврейскихъ пророковъ. „И предалъ его Господь въ руки властелина жестокаго. И стали сражаться братъ противъ брата и другъ противъ друга, городъ съ городомъ, царство съ царствомъ. И оскудѣли рѣки и каналы египетскіе. И духъ Египта изнемогъ въ немъ... И прибѣгъ онъ къ идоламъ и чародѣямъ и къ вызывающимъ мертвыхъ“...

III.

Каиръ шуменъ, богатъ, многолюденъ. Вспомнилась Александрія и показалась простой, бѣдной, прохладной. Если рѣзокъ контрастъ между нею и песчаными отмелями Марейотиса, то во сколько же разъ рѣзче контрастъ между желтобурыми песками Ливіи и садами Каира! А его восточные кварталы и сравнивать нельзя съ восточными кварталами Александріи: старый Каиръ воспѣтъ самой Дочерью Луны — Шехеразадой.

Къ вечеру улицы политы. Нѣжно и свѣжо нахнетъ цвѣтами, тепло и пряно — влажной пылью и нагрѣтыми за день мостовыми. Оживленнѣе гудятъ трамваи, рѣками текутъ шарабаны, коляски, кареты и верховые къ мосту черезъ Ниль, на катанье, гремятъ и разливаются вальсами оркестры въ садахъ... Но вотъ по люднымъ широкимъ тротуарамъ, никого и ничего не замѣчая, идутъ бедуины — худые, огнеглазые, высокіе, — и на ихъ чугунныхъ лицахъ — алый отблескъ жаркаго заката и зеркальныхъ стеколъ. Ихъ тонкія, сухія, почти черныя ноги голы отъ колѣнъ до большихъ жесткихъ башмаковъ. Лица грозны, головы женственны; на ихъ головы накинута и висятъ по плечамъ кэфіи — большіе платки изъ черно-синей шерсти, а сверхъ платковъ лежитъ двойной обручъ — два черныхъ шерстяныхъ жгута. На тѣлѣ рубаха до колѣнъ, подпоясанная шалью, на рубахѣ — теплая безрукавка, а сверхъ всего — абая, шерстяная пѣгая хламида, грубая, тяжелая, съ короткими рукавами, но такая широкоплечая, такая свободная, что рукава, спускаясь, достигаютъ до кистей маленькихъ лиловыхъ рукъ. И царственно-гордо выгнуты тонкія шеи, обмотанныя шелковыми платками, и небрежно опирается лѣвая рука съ серебрянымъ перстнемъ на мизинцѣ на рукоятку огромнаго ятагана или тяжелаго кремневаго пистолета, засунутаго за поясъ...

Еще болѣе восхищенія и удивленія вызываетъ у людей Востока Старый Каиръ, сарацинскій, окружившій европейскій со стороны желтоватаго Мокатамскаго кряжа. О, какой это богатый, людной, шумный, ученый и старый городъ! Ему уже тысяча триста лѣтъ. Онъ основанъ милостью и велѣніемъ Бога. Фостатъ — его первое имя — значитъ палатка. У подошвы Мокатама былъ Новый Вавилонъ, основанный еще при фараонахъ выходцами изъ Вавилона Халдейскаго, — колонія Рима. Настало время, когда надъ міромъ, преображеннымъ и смущеннымъ Христомъ, надъ разложеніемъ язычества и надъ великими поповскими распрями восторжествовала

грозная простота и дикая мощь Ислама. Амру, полководец Омара, пришелъ къ Нилу и взялъ Вавилонъ; а въ его палаткѣ свила гнѣздо голубка. Уходя, Амру оставилъ палатку, дабы не ломать гнѣзда. И на этомъ мѣстѣ зачался „Побѣдоносный“, Великій Каиръ.

Его узкія, длинныя и кривыя улицы переполнены лавками, цырюльнями, кофейнями, столиками, табуретами, людьми, ослами, собаками и верблюдами. Его сказочники и пѣвцы, повѣствующіе о подвигахъ Али, зятя Пророка, извѣстны всему міру. Его шахматисты и курильщики молчаливы и мудры. Его базары равны шумомъ и богатствомъ базарамъ Стамбула и Дамаска. Главное же то, что въ Каирѣ — полтысячи мечетей и сотни тысячъ могилъ въ тишинѣ пустынь, окружающихъ его. Мечети и минареты царятъ надо всѣмъ. Мечети плечисты, полосаты, какъ абай, всѣ въ огромныхъ и пестрыхъ куполахъ-турбанахъ. Минареты высоки, узорны и тонки, какъ пики. Это ли не сарацинская старина? Стары и погосты его, стары и голы. Тамъ, среди усыпальницъ халифовъ, среди усыпальницъ мамелюковъ и вокругъ полуразрушенной мечети Амру, похожей на громадную палатку, — вѣчное безмолвіе песковъ и несмѣтныхъ рогатыхъ бугорковъ изъ глины, усыпляемое жалобною пѣснью пустынного жаворонка или пестрокрылыхъ чекканокъ...

Но проходить по узкимъ и шумнымъ коридорамъ базаровъ и улицъ сожженная нуждою и зноемъ женщина, похожая на цыганку, со спутанными черными волосами, босая, въ одной полинявшей кубовой рубахѣ, и кричитъ среди говора и гама. Все достояніе ея въ козѣ, которую она ведетъ за собою, — въ старой козѣ съ длинной шелковисто-черной шерстью, съ длинными колокольцами-ушами и съ горбатымъ носомъ. И вотъ она кричитъ, предлагая подоить козу и за грошъ напоить „сладкимъ молокомъ“ всякаго желающаго. И вся старина сарацинскаго Каира тонетъ въ аравійской древности этого крика...

А когда смотришь на мечети Каира и на его погосты, то думаешь только о томъ, что мечети его сложены изъ порфира мемфисскихъ храмовъ и гранита разрушенныхъ пирамидъ, что дорога мимо погостовъ ведетъ по пустынѣ къ обелиску Геліоноля-Она...

И тогда и отъ европейскаго Каира и отъ Каира мусульманскаго мысль уносится къ древнему царству фараоновъ. И становится жутко и радостно, когда увидишь вдаль каменные мощи этого царства — пирамиды Гизэ и Саккара, или вспомнишь бедуиновъ, потомковъ Агари.

IV.

Солнце склонялось къ Ливійской пустынѣ. Я смотрѣлъ со стѣнъ цитадели Каира, утвержденной на выступѣ скаль Мо-катама, на западъ, на востокъ и на сѣверъ,—на городъ, за-вившій необозримую долину подо мной. У воротъ цитадели мнѣ предложилъ свои услуги очень милый, простой и дели-катный человѣкъ въ темномъ балахонѣ и бѣлой чалмѣ,—одинъ изъ проживающихъ при мечети Али. Онъ прежде всего показалъ мнѣ колодезь Іосифа—халифа Юсуфа. Но что же это за старина? Колодезь глубокъ, какъ преисподняя,—и только. Камни цитадели старше—она строилась изъ малыхъ пирамидъ Гизѣ!

Кромѣ мечети, въ ея двойныхъ стѣнахъ — дворецъ вице-короля, арабская школа, казармы англійскаго гарнизона. Я вошелъ только во дворъ мечети и на минуту — въ самую мечеть. Дворъ великъ, чистъ, весь выложенъ мраморомъ, окруженъ высокими стѣнами и крытыми колоннадами. Надъ фонтаномъ посреди двора — бездонное небо и, какъ стрѣлы, летаютъ касатки. Мечеть, подражаніе Софіи, легка, нарядна, колоссальна, устлана дорогими коврами, таинственно полу-освѣщена цвѣтными стеклами, украшена низко-висящими надъ поломъ кругами люстръ. Тонкіе минареты по угламъ мечети головокружительно высоки... Но все это такъ ново!

Тогда арабъ повелъ меня къ западной стѣнѣ и указалъ куда-то въ пыль надъ долиною Нила.

Но я глядѣлъ дальше, за Нилъ, въ сторону затянутыхъ иломъ и заросшихъ пальмами развалинъ Мемфиса. Тамъ ле-житъ теперь страшная своей величиной и древностью сіени-товая статуя Рамзеса II съ отбитыми ногами, а въ сухо-туманной пустынѣ рисуются фіолетовые конусы самыхъ ста-рыхъ пирамидъ, — пирамидъ Дашура и Саккара, — и среди нихъ—ступеньчатая пирамида Анисовъ: Ко-Комехъ—„пира-мида черного быка“. Внутри она уже разрушается, а сна-ружи полусасыпана песками.

Она даже не изъ камня, а изъ кирпичей нильскаго ила. И все-таки чуть не на тысячу лѣтъ древнѣе великой пира-миды Хуфу! А близъ нея — Серапеумъ, безконечныя черно-стѣнныя катакомбы, высѣченныя въ скалахъ. И, взглянувъ въ сторону Серапеума, я забылъ на минуту все окружающее. Ахъ, какъ пышно-прекрасны были земныя воплощенія бога Нила, эти мощные траурные быки—черные, съ бѣлымъ ястре-бомъ на спинѣ, съ бѣлымъ треугольникомъ на лбу, съ бле-стящими черно-лиловыми глазами! Какъ мрачно-торжественны

были ихъ погребальныя галлерей и гигантскіе саркофаги изъ гранита!

— Эль-Азхаръ, Гассанъ, — бормоталъ арабъ.

И, безшумно перебирая легкими босыми ногами, привелъ меня къ сѣверной стѣнѣ, къ обрыву надъ нижними стѣнами, и опять сталъ указывать то на одну, то на другую мечеть сѣраго огромнаго города, теряющагося въ пыли.

Воздухъ былъ тепелъ и душенъ. Далеко на сѣверо-западѣ склонялось къ слоистымъ сѣроватымъ пескамъ, уходящимъ въ Сахару, горячее солнце. Пирамиды Гизэ были ближе и лѣвѣй его; онѣ мягко и четко выдѣлялись среди этихъ непельныхъ дюнъ фіолетовыми конусами. Необъятное пространство между небомъ, пустыней и долиной Каира было полно пыльно-золотистымъ блескомъ. Лѣвѣе, къ югу, даль уже совсѣмъ затуманилась нѣжно-сизой мутью. И все это отдѣлялъ отъ меня уходящій по долинамъ прямо къ сѣверу Ниль. Мокатамскій кряжъ, идущій за нимъ съ юга по правую руку, дѣлаетъ подъ цитаделью рѣзкій поворотъ къ востоку, и долина расширяется въ необозримую низменность. На ней теряется въ морѣ дымчатой пыли уходящій изъ глазъ къ сѣверу и востоку сухой и сѣрый городъ съ торчащими надъ нимъ минаретами и мечетями. Оттуда слышался смутный гулъ. Солнце опускалось все ниже, бѣлый шлемъ, который я держалъ въ рукахъ, сталъ алѣть. Съ минаретовъ понеслись къ блѣдному бездонному небу древне-печальныя прославленія Бога. Летучія мыши дрожащими зигзагами, почти невидимкой, зарѣяли вокругъ: онѣ любятъ теплые вечера, катакомбы и пустынные скалы...

Къ востоку, далеко за городомъ, раскинуты среди песковъ мечети-гробницы халифовъ. Онѣ всѣми забыты, приходятъ въ ветхость. Тамъ въ усыпальницѣ Каидъ-Бей окна горятъ такой цвѣтной мозаикой, равной которой нѣтъ на землѣ. Тамъ есть два камня изъ Мекки — одинъ сиреневый, другой розовый — и на нихъ слѣды Магомета. Но что Каидъ-Бей и Магометъ! За могилами халифовъ, среди песковъ, уходящихъ до Краснаго моря, на самой окраинѣ холмовъ Іудейскихъ, есть оазъ, гдѣ, по слову Осн, „тернии и волчцы выросли на жертвенникахъ Израиля“, гдѣ съ землею сровнялись слѣды города, болѣе славнаго и древняго, чѣмъ самый Мемфисъ, — слѣды Она-Геліополя, Бетъ-Шемеса, по-еврейски, — „Дома Солнца“. Это было средоточіе культа Гора и высшей жреческой мудрости. Усиртесенъ I пять тысячъ лѣтъ тому назадъ воздвигъ передъ онійскимъ храмомъ Солнца, самымъ чтимымъ въ древнемъ мірѣ, свои обелиски изъ розовыхъ

гранитовъ и украсилъ ихъ золотыми наконечниками. Въ дни патріарховъ Іосифъ, сынъ Іакова, женился въ Онѣ на дочери первосвященника Потифера — „посвященнаго Солнцу“. Моисей, воспитавшійся тамъ, основалъ на служеніи Изидѣ служеніе Іеговѣ. Солонъ слушалъ первый разсказъ о потопѣ. Геродотъ — первая главы исторіи. Пифагоръ — математику и астрономію. Платонъ, проведенный въ академіи Она тринадцать лѣтъ, — презрительно-грустныя слова: „Вы, эллины, — дѣти“. Наконецъ въ Онѣ жила сама Богоматерь съ Младенцемъ... Вотъ это слава!

Солнце тонетъ въ сухой сизой мути, и шафранный свѣтъ запада быстро меркнетъ. Миріады веселыхъ огней рассыпаются по темнѣющей долинѣ Каира. И они кажутся мнѣ „огнями въ честь умершихъ“, что когда-то горѣли въ Саисѣ, въ городѣ богини съ неизреченнымъ именемъ. Со всѣхъ сторонъ обступаютъ Каиръ мертвыя моря песковъ и африканская душная ночь. Изъ тьмы, невѣдомыхъ горячихъ ночей пролагаетъ свой путь священная рѣка, источники которой знали лишь жрецы Саиса. Невѣдомыя экваторіальныя созвѣздія поднимаются оттуда, — и звѣздное небо принимаетъ, по арабскому выраженію, видъ лучистыхъ алмазовъ на чернобархатномъ покровѣ гроба... Черны были и палатки таинственныхъ азіатскихъ кочевниковъ, „царей пастуховъ“, несмѣтной ратью охватившія нѣкогда Египетъ на цѣлыхъ пятьсотъ лѣтъ. Черны были Аписы Мемфиса. Чернымъ гранитомъ лоснились скаты пирамиды Хуфу. Черными представляются мнѣ и грозныя слова: Ассаргадонъ, Асурназирпаль и особенно — Камбизъ. „Семусиномъ“ — черно-пламеннымъ ураганомъ песковъ — прошелъ онъ по Египту, до основанія разрушивъ и Онъ и Мемфисъ, и это въ его полчищахъ семусинъ пожралъ въ одинъ день полтора ста тысячъ жизней на пути къ черной Нубіи! И вотъ тогда-то и дохнуло на Египетъ дыханіе смерти, и помутилось солнце его отъ пыли сраженій и отъ куреній жрецовъ... „И прибѣгъ Египетъ къ идоламъ и чародѣямъ и къ вызывающимъ мертвыхъ“...

На мѣстѣ Она, нынѣ покрытомъ хлѣбами, пальмами и хижинами арабской деревушки Матаріэ, среди оаза, что питается родникомъ Айнъ-Шемесъ — „Солнечнымъ источникомъ“, — одиноко стоитъ въ эту ночь десятисаженный обелискъ, на треть утонувшій въ землѣ, изъѣденный іероглифами и облѣпленный гнѣздами осъ. А въ Ливійской пустынѣ сонныя змѣи песковъ бѣгутъ и бѣгутъ во входы пирамидъ. Но и мертвые исчезли изъ могилъ Египта. Муміи изъ гробницъ и пирамидъ Саккара выкинулъ Камбизъ. Пустой сар-

кофагъ изъ базальта, найденный въ пирамидѣ Менкери, потонулъ вмѣстѣ съ кораблемъ въ океанѣ, на пути въ Британію. Пустой огромный саркофагъ стоитъ и въ Великой пирамидѣ. Кто тотъ, что покоился къ ней? Хуфу? Копты говорятъ: нѣтъ, Сауридъ, жившій за три вѣка до потопа и отъ потопа сохранившій въ ней и свой трупъ и всѣ сокровища египетской мудрости... Въ тѣ долгіе вѣка, когда умершій Египетъ пребывалъ въ тишинѣ и забвеніи, пришли въ его пустыни новые завоеватели, арабы, пробили, послѣ долгихъ исканій, уже ободранную пирамиду и въ гробовой тѣмѣ, по узкимъ ходамъ, ведущимъ въ сердце пирамиды, проникли, въ надеждѣ на клады, въ покой человѣка, умершаго въ началѣ міра. Но, озаривъ факелами заблестѣвшія, какъ черный ледъ, шлифованно-гранитныя стѣны высокаго куба, въ ужасѣ отступили: посреди покоя безъ крышки стоялъ прямоугольный, лишенный всякихъ украшеній и тоже весь черный саркофагъ. Въ немъ лежала мумія въ золотой бронѣ, осыпанной драгоценными камнями, и съ золотымъ мечомъ у бедра. На лбу же муміи краснымъ огнемъ горѣлъ громадный карбункулъ, весь въ письменахъ, непонятныхъ ни единому смертному...

V.

Я кончилъ этотъ вечеръ въ театрѣ, на площади, сплошь занятой табуретами и столиками, шумной и людной, какъ ярмарка въ Тантѣ.

Двери театра были открыты настежь, но въ партерѣ, усѣянномъ фесками, стояла одуряющая духота. Что же было въ рѣшетчатыхъ ложахъ, гдѣ помѣщаются гаремы? Подняли подъ музыку занавѣсъ—и въ глубинѣ сцены открылся плакатъ: лиловая ночь и пребоольшая луна надъ лиловымъ силуэтомъ города, состоящаго изъ однѣхъ пальмъ и мечетей и четко отраженнаго въ блѣдно-лиловой рѣкѣ. На полу среди сцены стояло ярко-зеленое дерево, а подъ деревомъ—арабъ въ пышной старинной одеждѣ и колоссальномъ тюрбанѣ. Страстно завылъ и загудѣлъ оркестръ, и арабъ, приложивъ одну руку къ сердцу, а другую, дрожащую, вытянувъ, разразился такими гнусавыми воплями, что весь партеръ затрепеталъ отъ рукоплесканій. Арабъ жаловался на несчастную любовь и прозакладывалъ кому-то душу, лишь бы увидѣть свою милую. Затѣмъ онъ смолкъ, закрылъ лицо руками и затрясся отъ беззвучныхъ рыданій. А наплакавшись, глубоко вздохнулъ, снялъ темный широчайшій халатъ, положилъ его подушкой подъ деревомъ и, оставшись въ другомъ,

блѣдно-розовомъ, легъ спать. Музыка подъ сурдинку запискала что-то осторожное, хитрое. И тогда изъ-за кулисъ безшумно выпорхнули черти въ красныхъ балахонахъ, съ бѣлыми изображеніями череповъ на груди. Радостно подвывая и взвизгивая, они закружились надъ своей добычей. И вдругъ ухнулъ барабанъ — и, подхвативъ спящаго, черти бросились за кулисы... Среди бѣшено сыплющихся аплодисментовъ, я, шатаясь, выбрался на площадь, на воздухъ, и почти упалъ на табуретъ возлѣ мраморнаго столика, среди криковъ бродячихъ кондитеровъ, гула трамваевъ, рожковъ автомобилей и воплей водоносовъ, таскающихъ на ремнѣ черезъ лѣвое плечо огромныя бутыли...

Домой я вернулся за полночь... Каиръ затихалъ. Съѣдаемый москитами, я безъ сна лежалъ на широкой постели въ жаркомъ номерѣ. Передъ разсвѣтомъ взошелъ мѣсяцъ, озарилъ теплымъ золотистымъ свѣтомъ верхушки пальмъ во дворѣ отеля и противоположные балконы, и въ окна потянуло свѣжестью. Но тутъ воздухъ внезапно дрогнулъ отъ мощнаго трубнаго рева. Ревъ загремѣлъ побѣдно, оглушающе — и, внезапно сорвавшись, разразился страшнымъ захлебывающимся скрипомъ. Рыдалъ въ сосѣднемъ дворѣ оседъ — и рыдалъ безконечно долго! Но усталость все-таки взяла свое. Я закрылъ глаза — и черезъ два часа вскочилъ съ постели совсѣмъ бодрый. Выходило солнце, у воротъ ждала коляска, съ вечера нанятая къ пирамидамъ.

Раннее утро въ городѣ имѣетъ своеобразную прелесть. Въ Каирѣ оно восхитительно. Чистые широкіе проспекты еще въ тѣни и пусты. Они уже политы. Полита и зелень въ цвѣтникахъ, палисадникахъ и скверахъ, нѣжно и свѣжо пахнущихъ. Верхушки пальмъ розовѣютъ, небо легко и жемчужно-бирюзово. Экипажъ быстро катится по гладкимъ мостовымъ. Щелканье бича звучно и бодро... Вотъ мостъ съ бронзовыми львами черезъ Ниль... Свѣтъ утренняго солнца ослѣпительно блещетъ надъ розово-голубымъ моремъ пара, въ которомъ тонутъ и острова, и вся долина Нила. „Привѣтъ тебѣ, Амонъ-Ра-Гормахисъ, самъ себя производящій! Привѣтъ тебѣ, священный ястребъ со сверкающими крыльями, многоцвѣтный фениксъ! Привѣтъ тебѣ, дитя, ежедневно рождающееся, старецъ, проплывающій вѣчность!“

Ниль подъ мостомъ дымится, и въ дыму медленно идутъ сѣрые паруса барокъ. Вереницы ословъ и верблюдовъ, нагруженныхъ овощами, зеленью, молокомъ, птицей, тянутся на базаръ и несутъ въ городъ простоту деревни, здоровье полей и свѣжесть утра: на зарѣ росы покрываютъ нивы и кровли

арабскихъ хижинъ, на зарѣ холодѣтъ даже песокъ. Переѣзжаемъ островъ, потомъ рукавъ Нила, ѣдемъ мимо зоологическаго парка,—и впереди открывается низменность, равнина зрѣющихъ ячменей и пшеницы: стоитъ время Шаму, какъ называли египтяне жатву. И прямая, какъ стрѣла, аллея акацій до самой пустыни прорѣзываетъ эту равнину. Трамвай скользнулъ мимо и потонулъ въ перспективѣ ея многоверстнаго зеленого коридора. И тамъ, въ самомъ концѣ ея, какъ риги въ концѣ деревенской аллеи, стоятъ на обрывѣ скалисто-песчанаго плоскогорья три каменныхъ треугольника цвѣта старой, слегка фіолетовой соломы.

Черезъ полчаса я былъ у ихъ подножья. Но какъ все измѣнилось за эти полчаса! Огромная долина Нила еще полна блескомъ и свѣжестью. У самага подъема на стофутовый уступъ пустыни, за стѣнами сада, окружающаго англійскій отель, еще тѣнисто и воркують горлицы. Но бѣлая косая дорога на уступъ, обнаженная весенними вѣтрами съ сѣвера, уже горяча и рѣзка подъ синимъ небомъ. Четко отдѣляется отъ неба и край плоскогорья—желто-сѣрый песокъ, и мягко и четко возносятся въ прозрачный воздухъ зубчатая грани каменной громады ржаво-соломеннаго цвѣта...

Отъ Великой пирамиды—одинъ изъ самыхъ дивныхъ видовъ въ мірѣ. Цѣлая страна, чуть не вся низменность Дельты, теряется на сѣверѣ, радуя вѣчной молодостью природы: молоды кажутся отсюда, изъ пустыни, съ древнѣйшаго на землѣ кладбища, эти нивы, пальмы, селенія! Долина Нила тонетъ въ солнечномъ туманѣ. А за долиной чуть виденъ мутно-аспидный городъ и призраки Аравійскихъ горъ. За ними чувствуется Красное море, одно названіе котораго волнуетъ чѣмъ-то сказочнымъ, ветхозавѣтнымъ... А сзади все заслоняетъ и все подавляетъ восходящая до яркихъ небесъ ребристая гора. Я чувствую себя подъ нею столь малымъ, что это гнететъ меня. И я отхожу и направляюсь къ сѣверу, по обрыву плоскогорья, по камнямъ, занесеннымъ горячими атласными волнами цвѣта львиной шкуры.

Отойдя, я вижу, что сѣверный бокъ пирамиды высоко занесенъ пескомъ. Онъ въ тѣни — и голубоватая тѣнь падаетъ отъ него на песокъ. Вправо — блескъ солнца. Тамъ, нѣсколько наискось,—второй треугольникъ, пирамида Хафри. Ея громада, почти равная первой и тоже утонувшая въ слоистыхъ пескахъ, снизу ободрана, рубчата, доисторически-груба и проста, какъ и Хуфу, но вверху блеститъ розоватымъ гранитомъ. Въ чистомъ воздухѣ она кажется необыкновенно близкой. Но еще болѣе четки на сини небо-

склона грани третьей — красной пирамиды Менкери, стоящей въ полуверстѣ отъ меня и сплошь покрытой сіенитомъ. Она гораздо меньше и острѣе двухъ первыхъ. А къ горизонту, тамъ, гдѣ пустыня, поднимаясь волнистыми буграми, ярко отдѣляется отъ сине-лиловаго неба, теряется вдали еще нѣсколько маленькихъ конусовъ... Вотъ она, ясность красокъ, нагота и радость пустыни! Но еще рѣзче и радостнѣе сжимается мое сердце при взглядѣ на зубчатую гору Хуфу. На мгновенье превращаюсь я въ мысль... И вижу въ долинѣ подъ солнцемъ, въ свѣтломъ утреннемъ парѣ, смутный очеркъ первой столицы міра, жившей почти три тысячи лѣтъ, — тусклый блескъ крышъ и храмовъ Мемфиса. Вижу его толпу, улицы, яркую полихромію одеждъ, обелисковъ, пилоновъ, столь любимую древнимъ Египтомъ... Вижу пирамиду такую, какой была она шесть тысячъ лѣтъ тому назадъ, — обведенную каналомъ изъ Нила, до низу покрытую разноцвѣтными гладкими плитами, увѣчанную золотымъ пирамидіономъ... Ничего, кромѣ камня и мумій, не осталось отъ древняго царства! Но ничто не исчезаетъ. Все изъ праха прошло. И вотъ — я опять ее чувствую, эту связь со всѣмъ міромъ, съ богами всѣхъ странъ и съ людьми, сто кратъ истлѣвшими!

Входъ въ пирамиду съ сѣвера. Пески засыпали ея скать какъ разъ до того мѣста, гдѣ нашли когда-то отверстіе въ „самое таинственное святилище міра“. Отверстіе зияетъ — и круто, по скользкому склону въ триста футовъ, падаетъ въ бездну, въ удушающій мракъ, въ тѣсноту. Тамъ теперь нѣтъ ничего, кромѣ тьмы, вони, летучихъ мышей и огромной гробницы безъ крышки... Гдѣ же кости того, кто вотъ уже шесть тысячъ лѣтъ изумляетъ землю? Онѣ, говорятъ, покоились на днѣ шахты, — подъ пирамидой, а не въ ней. Тамъ былъ, по преданіямъ, храмъ таинствъ. Шахта будто бы соединялась подземнымъ ходомъ съ Ниломъ... съ подземнымъ капищемъ Изиды, которой посвящена пирамида... съ ходомъ подъ Сфинксъ... Но не все ли равно? Вотъ я стою и касаюсь камней, — можетъ-быть, самыхъ древнихъ изъ тѣхъ, что вытесали люди!

Съ тѣхъ поръ, какъ ихъ клали въ такое же знойное утро, какъ и нынче, — о, какъ давно оно было! — тысячи разъ измѣнялось лицо земли и религіи царствъ ея. Только черезъ двадцать вѣковъ послѣ этого утра родился Моисей, не разъ стоявшій возлѣ пирамиды... Черезъ сорокъ — пришелъ на берегъ Тиверіадскаго моря Сиріецъ, передъ неизреченной красотой Котораго стало безсильно человѣческое слово... Но исчезаютъ вѣка, тысячелѣтія, — и братски соеди-

няется моя рука съ сизою сухой рукой аравійскаго плѣнника, клавшаго эти камни. И я вижу живымъ его побѣдителя, благочестиваго сверхъ-звѣря, высокаго, узкаго въ бедрахъ и широкаго въ плечахъ, съ красноватою кожей, въ бѣломъ льняномъ запонѣ, въ ожерельѣ и золотыхъ запястьяхъ, чернокурчаваго и съ блестящими глазами. И на мгновенье всѣмъ сердцемъ раздѣляю мистическій языкъ его гимновъ Солнцу, воплощенному и въ немъ самомъ, и въ сфинксѣ, и въ пламенномъ дискѣ, совершающемъ въ баркѣ свой путь.

„Ты идешь, лучезарный Амонъ-Ра-Гармахисъ! Твои гребцы гребутъ! Ты достигаешь зенита, по высшему приказу твоей матери Ну! Сердце твоихъ перевозчиковъ довольно, владыка небесъ! Боги и люди, испуская крики радости, падаютъ ницъ у престола Солнца! Ты — Священный Ястребъ со сверкающими крыльями! Многоцвѣтный фениксъ! Великій левъ, существующій самъ по себѣ и открывающій путь барки! Мужъ, все оплодотворяющій! Быкъ — ночью, начальник — днемъ! Царь неба, властитель земли! Тайна, образъ которой невѣдомъ!“

Я повторяю эти радостные гимны и, по указаніямъ самого Хуфу, иду къ Великому Сфинксу — образу восходящаго Солнца, символу безсмертія, стражу жизни, стоящему на порогѣ Великаго Некрополя.

„Горъ живой, царь Египта Хуфу, нашелъ храмъ Изиды, покровительницы пирамиды, рядомъ съ храмомъ Сфинкса, къ сѣверо-западу отъ храма Озириса, господина гробницы, и построилъ себѣ пирамиду рядомъ съ храмомъ этой богини... Мѣсто Сфинкса — къ югу отъ храма Изиды, покровительницы пирамиды, и къ сѣверу отъ храма Озириса“.

По песчанымъ шелковистымъ буграмъ я спускаюсь отъ пирамиды въ котловину, гдѣ лежитъ каменное стоаршинное чудовище, каменная гряда съ тринадцатидаршинной головой... И вступаю въ адитонъ — святая святыхъ Египта. Это уже послѣдняя ступень исторіи!

Вокругъ меня мертвое жаркое море дюнь и долинъ, полузасыпанныхъ скаль и могильниковъ. Все блеститъ, какъ атласъ, отдѣляясь на западѣ отъ шелковистой лазури. Всюду гробовая тишина и бездна пламеннаго свѣта. Вотъ страшная извилистая полоса на пескѣ, — здѣсь протащила свой жгутъ змѣя, можетъ-быть, сама Фи, знаменитая въ священныхъ писаніяхъ Египта, вся желто-бурая, вся въ бурныхъ поперечныхъ лентахъ, съ маленькими вертикальными глазами и большими ноздрами, отъ всѣхъ гадовъ отличная рожками. Ноги мои вязнутъ, солнце жжетъ тѣло сквозъ тонкую бѣлую одежду. Пробковый шлемъ внутри весь мокрый. Но я иланъ отъ

свѣта и почти не замѣчаю слѣда змѣи. Я иду и не спускаю глазъ съ Сфинкса.

Туловище его — часть скалистой горы. Оно высѣчено изъ ея гранита, гранитныя плечи и голова приставлены. Грудь обита, плоска, слоиста. Лапы обезображены. И весь онъ, грубый, дикій, сказочно-громадный, носить слѣды жуткой древности и той борьбы, что съ незанятыми временемъ суждена ему, какъ охранителю „Страны Солнца“ отъ Сета. Онъ весь въ трещинахъ и кажется покосившимся отъ песковъ, наискось засыпающихъ его. Но какъ спокойно-спокойно глядитъ онъ на востокъ, на далекую солнечно-мглистую долину, на черную арабскую деревушку, пріютившуюся у самого порога пустыни! Его женственнаго лица, его пятиаршинное безносое лицо вызываютъ въ моемъ сердцѣ почти такое же благоговѣніе, какое было въ сердцахъ подданныхъ Хуфу.

„Честъ тебѣ, старецъ, многоликій владыка, испускающій лучи, разгоняющіе мракъ!“

И, спустившись къ лапамъ Сфинкса, я заглядываю въ полужасыпанную шахту между ними — храмъ изъ сіенита — и несмѣло поднимаю глаза на красноватый исколинскій ликъ...

Есть Свѣтъ Зодіака. Онъ встаетъ серебристымъ пирамидальнымъ сіяніемъ въ темномъ небѣ жаркихъ странъ долго спустя по закатѣ. Онъ еще не разгаданъ. Но божественная наука о небѣ называетъ его свѣщеніемъ первобытнаго свѣтоноснаго вещества, изъ котораго склудилось солнце. Я еще помню отблескъ закатившагося Солнца Греціи. Теперь, возлѣ Сфинкса, въ катакомбахъ міра, зодіакальный свѣтъ первобытной вѣры встаетъ передо мною во всемъ своемъ страшномъ величіи...

VI.

Я обошелъ Великую пирамиду и съ запада. Я прошелъ между Хуфу и Хафри по широкой волнистой долині. Хафри былъ близко-близко... Но показалась вдали кучка людей: три бедуина, два европейца въ кремовой флатели и розовое платье подъ бѣлымъ зонтикомъ, блестящимъ на солнцѣ. И по тому, какъ четки, но малы были ихъ фигурки среди песчаныхъ бугровъ, сразу стало видно, какъ обманчиво, какъ громадно пространство между мной и пирамидой, между небомъ и песками. И долго, долго шелъ я, спотыкаясь на блестящіе черные камни, увязая въ шелковистыхъ разсыпчатыхъ наносахъ.

Въ глубинѣ долины Хафри скрылся. Стало почти странно — такъ свѣтло, такъ тихо и жарко было въ ней. Впереди тянулась гряда скалъ, замеченная сверху сѣрымъ золотомъ,

съ пробитыми въ ней входами въ могильники. Я заглянулъ въ одинъ и увидѣлъ въ душномъ полусвѣтѣ звѣриный пометъ, похожій на зерна кофе. Одна стѣна была закопчена дымомъ, — вѣрно, пастухи ночевали. Но здѣсь могли быть и гѣны... И я поспѣшилъ выбратъ на солнце. Гѣнь не оказалось, зато мои руки и вся одежда мгновенно покрылись живой, жгучей сѣткой блохъ... А когда я достигъ наконецъ Великой пирамиды, то увидѣлъ жалкую сцену: бедуины продѣлывали съ европейцами комедію ѣзды на верблюдѣ. Верблюдъ съ глухимъ внутреннимъ ревомъ и клокотаньемъ поднимался съ колѣнъ, и толстая женщина, бокомъ сидѣвшая на немъ, вытаращила глаза и исказивъ красное, потное лицо ужасомъ, отчаянно визжала и хваталась за черныя руки бедуиновъ.

Голосъ ея прозвучалъ въ знойномъ пространствѣ между небомъ и пустыней, какъ пискъ. Въ головѣ моей, одурманенной жарой и усталостью, тяжело отдавался стукъ сердца. Шлемъ былъ мокръ, руки горѣли отъ укусовъ. Но я былъ пьянъ, пьянъ всю дорогу до Каира. Жаркая сквозная тѣнь безконечной аллеи кружевомъ бѣжала по лошадямъ, по фескѣ извозчика, по моимъ колѣнямъ. Разливы спѣлыхъ песчаныхъ хлѣбовъ дремали полуденной рабочей дремотой. Полуденнымъ сномъ и солнцемъ былъ отягченъ зоологическій паркъ. Жутко и пышно было въ немъ въ этотъ часъ! Но я еще не насытился. Я остановилъ коляску и вошелъ.

Блестя огромной листвою, низко склоняли вѣтви тѣнистыя тропическія чащи, до земли висѣли узорчатые купы мимозъ. Высоко возносились въ пламенный воздухъ, въ пыльно-серебристое небо пальмы, накалялись цвѣтники. На горячихъ дорожкахъ мѣли, цѣпенѣли огромныя бабочки сказочно-богатыхъ рисунковъ. Въ загонѣ подъ какими-то высокими зонтичными деревьями стоялъ покатый жирафъ, древне-египетскія изображенія котораго считались когда-то баснословной смѣсью ~~разныхъ~~ животныхъ, и, поводя змѣиной шеей, тянулся рогатой головкой къ листьямъ макушекъ; и нельзя было понять, льются ли узоры свѣтотѣни, или это блеститъ и переливается его песочно-пантеровая шкура. Въ другихъ загонкахъ, закрывъ ясные дѣвичьи глазки, истомленные душной тѣнью, лежали палевыя газели и антилопы. А дальше снова шли открытые солнцу пруды и поляны. Неподвижно, на одной ногѣ, какъ на блестящей трости, стояли въ теплой грязной водѣ прудовъ розовые фламинго, надутые пеликаны, хохлатые тонкія цапли. Неподвижно, бронзово-зелеными маслянистыми бревнами, лежали среди плавучихъ острововъ допотопные хампы Египта — свиноголазыя крокодилы, до половины

высунувшись на горячую илистую отмель. И бессильно, плоско растягивались на пескѣ и пестрыхъ камняхъ, за часъ сѣткой клѣтокъ, плетевидные гады, столь чтимые Востокомъ,—большеротые, остроглазые, съ треугольными самоцвѣтными головками. Иные сверкали всѣмъ великолѣпіемъ палитры въ свѣжихъ краскахъ, иные—іероглифами рисунковъ: точекъ, рѣшетокъ, полосъ. Медленно ползла сѣрая, въ черныхъ чешуйкахъ, „кошачья змѣя“ и, какъ всякій ползущій гадъ, казалась длинной-длинной. „Ночные“ змѣи дремали. Онѣ такъ втирались въ песокъ и камни и такъ сливались съ ними, что лишь случайно наталкивался я на ихъ неподвижно-стеклянные глаза съ вертикально-хищными зрачками. И тогда сердце замирало отъ мистическаго ужаса. Въ саду все клонилось отъ свѣта. Самоцвѣтными камнями сверкали, скользя, ящерицы. Искрились тысячи золотисто-купоросныхъ мухъ. Пряно пахли нагрѣтыя травы. Животной теплою вонью несло изъ загона, гдѣ бродили голенастые страусы, нося на своихъ лошадиныхъ ногахъ кургузныя туловища въ атласно-бѣлоснѣжныхъ курчавыхъ перьяхъ и съ глупымъ удивленіемъ вытягивая лысыя головки на голыхъ шеяхъ. Хищно, восторженно и всегда неожиданно вскрикивали въ мертвой тишинѣ крѣпкоклювые, горбоносые попугаи,—радужные, рубиново-синіе, золотые и зеленые. И тогда садъ казался Эдемомъ, заповѣднымъ пріютомъ блаженства и незнанія. Но, снѣдаемый жаждой запретнаго, я ходилъ отъ рѣшетки къ рѣшеткѣ и заглядывалъ въ бездну. Ужасъ и отвращеніе всеяла лѣнивая, широколобая, пучеглазая „капская гадюка“, лежащая подъ кустарниками толстымъ яркосоломеннымъ жгутомъ въ темныхъ подковкахъ. Свившись въ палевую спираль, отливавшую голубымъ пепломъ, неподвижно смотрѣла въ пространство круглоглазая, съ яйцевидной головкой Гайя, неотразимо смертоносная покровительница всего древняго Египта,—символь величія и власти, уреусъ на митрахъ фараоновъ, жгутъ, обвивающій крылатую эмблему Гора, „ара“, сто кратъ изображенная надъ входами храмовъ...

А Каиръ встрѣтилъ меня закрытыми ставнями, сокрытыми отъ зноя деревьями, бѣлыми пустыми улицами. Небо было тускло, дулъ жгучій пыльный вѣтеръ... То былъ вѣстникъ Сета, бога первобытнаго пламени. И дышалъ онъ надъ страшною могилою отъ первородныхъ чадъ ея, съ таинственнаго и грознаго юга,—оттуда, „гдѣ богъ въ своемъ лучезарномъ теченіи покрываетъ кожу людей мрачнымъ блескомъ сажи и, изсушая, курчавитъ ихъ волосы“.

Іудея.

И Господь поставилъ меня среди поля, и оно было полно костей.

Иезекииль.

I.

Штиль, зной, утро. Кинули якорь на рейдѣ передъ палевой Яффой.

На палубѣ—гамъ и давка. Босые лодочники, въ фуфайкахъ и шароварахъ юбкой, съ буро-сизыми, облитыми потомъ лицами, съ выкаченными кровавыми бѣлками, въ фескахъ на затылокъ, орутъ и мечутъ въ барки все, что попадаетъ подъ руку. Градомъ летятъ туда чемоданы, срываются съ траповъ люди. Срываюсь и я. Барка полнымъ-полна кричащими арабами, евреями и русскими.

Пароходъ, чернѣя среди зеркальнаго взморья, отдаляется, кажется маленькимъ. Мала и Яффа. До нея еще съ версту, но воздухъ такъ чистъ, а восточные контуры ея кубическихъ домиковъ, среди которыхъ то тамъ, то тутъ метелкой торчитъ пальма, такъ четки и просты! Уступами громоздится этотъ сплошь каменный городокъ на обрывистомъ побережьѣ. Отъ рейда его отдѣляетъ длинная гряда рифовъ. За ними, у береговыхъ отмелей, шелкомъ сияютъ обвисшіе паруса на высокихъ тонкихъ мачтахъ лодокъ. Ихъ больше всего возлѣ сѣверной отмели, гдѣ когда-то былъ Водоемъ Луны, финикійская гавань. Съ сѣвера къ Яффѣ подступаетъ золотисто-синяя отъ воздуха и солнца Саронская долина. Съ юга—желто-сѣрые филистимскіе пески. На востокъ—знойно-голубой миражъ Іудеи. Тамъ, за горами—Іерусалимъ.

Въ штиль рифы обнажаются—и барка спокойно проскальзываетъ между ихъ ржавыми, мокрыми и нестерпимо

блестящими на солнцѣ глыбами. У пристани и въ сараѣ таможи—яблоку негдѣ унасть. По гладкимъ каменнымъ уступамъ, въ тѣни звонкихъ переулочковъ поднимаемся къ базару. О Стамбулѣ напоминаетъ въ первую минуту запахъ гніющихъ апельсиновъ и укропа, смѣшанный съ чадомъ восточной кухни. Но нѣтъ, даже въ самыхъ глухихъ закоулкахъ Стамбула нѣтъ плитъ, столъ выбитыхъ и отшлифованныхъ копытами и туфлями, и такой толпы—такихъ грубыхъ одеждъ, такого жесткаго загара и такихъ гортанныхъ криковъ! Вотъ базаръ съ мокрымъ фонтаномъ, съ женщинами и водоносами подъ бурдюками и кувшинами, съ верблюдами и собаками, съ грудями фруктовъ и зелени, съ кофейнями и лавчонками въ крытыхъ полутемныхъ рядахъ... Да, тутъ все проще, старѣе, восточнѣе. И небо надъ базаромъ ярче, и блеску больше, и зной не тотъ. А какіе дряхлые хананей съ большими кроличьими глазами мѣняютъ въ сумракѣ рядовъ бешлыки на ленты и піастры на парички!

Совсѣмъ другой міръ — окраины Яффы. Тамъ не надышишься моремъ и садами, обступившими ее со всѣхъ сторонъ. Послѣ полудня снова толкаемся по базару. Передъ обѣдомъ отдыхаемъ на крышѣ отеля, затеряннаго среди этихъ садовъ. Въ качалкѣ сидитъ американецъ, пасторъ, съ которымъ мы, — я и еще одинъ русскій, стоящій теперь возлѣ перилъ, лицомъ къ морю, — сошлись на переходѣ отъ Портъ-Саида. Золотистый свѣтъ солнца уже склоняется къ сѣверу, за Саронскую долину. Огромная полоса густо-синяго моря—прямо за крышами, спускающимися къ побережью. Зной спадаетъ, и американецъ сидитъ съ открытой головой, читая Библію. Кто бы узналъ въ этомъ спокойномъ и веселомъ человѣкѣ пастора? Стройный, съ аккуратно причесанными на прямой рядъ черными волосами и бритый, онъ скорѣе похожъ на актера.

— Ну, что же?—говоритъ онъ поднимая голову отъ книги, когда я вхожу на крышу.—Довольны ли вы Яффой? Ужасно!—прибавляетъ онъ съ насмѣшливымъ огонькомъ въ глазахъ.—Ужасно!

Но огонекъ этотъ быстро исчезаетъ. Рука пастора ложится на Библію.

— Но чувствуете ли вы, — говоритъ онъ, подумавъ, — что завтра мы увидимъ Голгоѳу?

Въ садахъ вокругъ — пальмы, магноліи, олеандры, чащи померанцевъ, усыянныхъ огненной розсыпью плодовъ. Запыленные ограды изъ кактусовъ въ желтомъ цвѣту дѣлятъ эти райскіе сады. Между оградами, по несчано-каменистымъ тро-

пинкамъ, медленно струится и замираетъ меланхолическій звонъ бубенчиковъ — тянется караванъ верблюдовъ. Гдѣ-то журчитъ по каналчикамъ вода — подъ однотонный скрипъ колесъ, качающихъ ее изъ цистернъ. Этотъ ветхозавѣтно-палестинскій скрипъ волнуетъ. Да и весь день чувствую я себя необычно. Но вопросъ пастора...

— Правовѣрный вопросъ! — неприязненно усмѣхаясь, говорить русскій. И быстро прибавляетъ:

— Я ничего не ощущаю, кромѣ пустоты въ душѣ. Весь день есть во мнѣ только какая-то враждебность къ вамъ, правовѣрнымъ. Чему-то не живому молитесь вы...

Да, ничего похожего на чувства правовѣрныхъ не испыталь и я, увидѣвъ Яффу нынче утромъ. Нѣтъ, была именно враждебность къ нимъ. Тысячи тысячъ плакали и цѣловали эти берега, „претерпѣвъ моря и страхи, войны и разбои, болѣсти и скудость“... Но и они, эти простые сердцемъ пилигримы, воспитанные правовѣрными, — думали ли они когда-нибудь о простой, подлинной жизни, бывшей нѣкогда на этихъ берегахъ? Чувствовали ли они, что вѣдь дѣйствительно былъ, дѣйствительно существовалъ когда-то *живой* Иисусъ, — худой, загорѣлый, съ блестящими черными глазами, съ темно-лиловыми сухими руками и тонкими, сожженными зноемъ ногами?

Только минутами, только забывая о *ихъ* Христѣ, мое сердце содрогалось отъ близости къ Тому, чье имя ожило, очеловѣчилось для меня при видѣ береговъ Его родины. Эти темныя лавчонки, гдѣ торгуютъ все однимъ и тѣмъ же — хлѣбомъ, жареной рыбой, уздечками, серебряными кольцами, связками чеснока, шафраномъ, бобами; эти черные, курчаво-сѣдые старики-семиты съ обнаженными бурными грудями, въ своихъ пѣтихъ хламидахъ и бедуинскихъ платкахъ; эти измаилитянки въ черно-синихъ рубахахъ, идущія гордой и легкой походкой съ огромными кувшинами на плечахъ; эти нищие, хромыя, слѣпыя и увѣчныя на каждомъ шагу — развѣ это не Палестина древнихъ варваровъ, Его дней?

Но пламя старой вѣры гаснетъ даже и въ сердцахъ правовѣрныхъ.

Въ полдень покидаемъ мы Яффу, направляясь по Саронской долинѣ къ Іерусалиму. Пустынный это путь! Нарциссы долины, изъ-за легендарнаго плодородія которой было пролито столько крови, теперь начинаютъ выпаживать. Иудея опять понемногу заселяется своими прежними хозяевами, страстно мечтающими о возвратѣ дней Давида. Но цвѣтовъ еще много, слишкомъ много! Всюду макъ, макъ и макъ: щедро *усыпавъ* онъ эти пашни и нивы своими огненными лепестками!

Очаровательный вѣтеръ весенняго дня и приморской степи, солнечное тепло, сладкій аромать цвѣтущихъ оливъ, хлѣбовъ и горячей земли вѣетъ въ окна коротенькаго поѣзда, разъ въ сутки пробѣгающаго по долинамъ и горамъ къ Іерусалиму. Миновавъ пески и окраины садовъ, онъ идетъ по волнистымъ полямъ, по оливковымъ рощамъ, среди ржавыхъ пашень и зеленыхъ поствовъ; то и дѣло встрѣчаетъ феллаховъ на ослахъ, вереницы верблюдовъ, медленно и важно качающихся бубенцами, стада черныхъ козъ и сѣрыхъ овецъ, кучками толпящихся то тамъ, то здѣсь подъ охраной полу-дикихъ пастуховъ и собакъ, похожихъ на шакаловъ...

— Но, Боже, какая дикая земля, сколько на ней маку!— говоритъ мой спутникъ, южно-русскій еврей, старикъ съ большой сѣро-сизой бородой, въ черной шляпѣ.

А за Лиддой и Рамлэ,—каменными кубами арабскихъ городковъ, ярко бѣлѣющихъ подъ ярко-синимъ небомъ среди финиковыхъ пальмъ и кипарисовъ,—почва становится еще суше, еще кремнистѣе и волнистѣй, а хлѣба еще слабѣе и жиже. Начинается безконечный подъемъ,—до самаго Іерусалима. Уже виденъ впереди сѣрый камень, синь впадинъ и ущелій, а сзади за волнистой зеленоватой степью — голубой туманъ моря. Поѣздъ медленно выбиваетъ тактъ короткими вздохами, свистки его дѣлаются гулки и звонки, путь—извилистѣе, воздухъ—жарче и суше, небо—еще синѣе: мы глядимъ на него уже изъ какой-то голой каменистой котловины. И вотъ котловины начинаютъ смѣняться котловинами, ущелья ущельями... Иногда они оживляются сожженной зноемъ зеленью деревьевъ, растущихъ на ихъ кремнистыхъ ложахъ, или пелазгическими останками хананейскихъ укрѣпленій на куполообразныхъ вершинахъ; иногда — овцами, разсыпанными по сухимъ обрывамъ, среди голышей въ лишаяхъ и колючкахъ; иногда—рядами каменныхъ оградокъ, — слѣдами террасъ, на которыхъ споконъ вѣку разводили здѣсь сады и виноградники... Но гдѣ же тѣ бездны, которыми будто бы поражаютъ Іудейскія горы? Гдѣ высоты, что будто бы „еще дышатъ величіемъ Іеговы и ужасами смерти“?

Солнце скрылось, въ горахъ тѣнь. Мы уже въ самой сердцевиѣ ихъ. Все поднимаясь и поднимаясь, проползаемъ мы кремнистыя долины, извивающейя гусеницей огибаемъ сѣро-желтыя каменные ковриги, густо усыпанныя круглыми голышами, и только изрѣдка замѣчаемъ на вершинахъ арабскія деревушки... Гдѣ же то, что исторгло столь гордое восклицаніе Давида: „Горы окрестъ Іерусалима!“

И спутникъ мой закрываетъ глаза, поднимаетъ брови, слабо и грустно улыбается:

— О, какія же это горы!

Мы хорошо знаемъ, что именно здѣсь, въ одной изъ этихъ глубокихъ котловинъ, „взялъ посохъ свой въ руку свою Давидъ и выбралъ пять гладкихъ камней изъ ручья“ и поразилъ Голиаа; что именно здѣсь воскликнулъ Навинъ: „Стой, солнце, надъ Гаваономъ и, луна, надъ долиной Аіолонскою!“ Но, увы, нужна пламенная вѣра и дѣтская наивность, чтобы смотрѣть глазами древнихъ пилигримовъ, до конца жизни содрогавшихся при воспоминаніи о высотахъ Іудейскихъ!

— Нужна великая вѣра!—грустно улыбаясь, говоритъ старикъ своимъ матовымъ южно-русскимъ голосомъ.—А гдѣ она? Гдѣ она?

Передъ вечеромъ поѣздъ выползаетъ наконецъ на темя горъ—и вдали, среди нагихъ разваловъ и впадинъ, изрѣзанныхъ бѣлыми лентами дорогъ, показываются черепичныя кровли новаго Іерусалима, окружившаго съ запада и сѣверо-запада зубчатую сарацинскую стѣну стараго, лежащаго на скрытомъ отъ насъ скатѣ къ востоку. Тутъ старикъ поднимается съ мѣста, становится лицомъ къ окну, закрываетъ глаза и быстро-быстро начинаетъ бормотать молитвы. Но голосъ его звучитъ такъ устало, такъ равнодушно! А вѣдь онъ какъ ребенокъ радовался въ Яффѣ, что сбылась его завѣтная мечта — побывать на закатѣ дней въ святой странѣ....

Мы уже на большой высотѣ, солнце стоитъ низко, поднялся вѣтеръ—и дрожь пробѣгаетъ по тѣлу при выходѣ изъ жаркаго вагона. Не дрожь ли горькаго разочарованія? Новый, но какой-то заходустный вокзалъ изъ сѣраго камня. Передъ вокзаломъ галдятъ оборванные извозчики—евреи и арабы. Дряхлый, гремящій всѣми винтами и гайками фэзтонъ, парящій въ дышлѣ... И въ то время, какъ сизый носильщикъ швыряетъ въ фэзтонъ наши чемоданы, старикъ вдругъ останавливается, по-дѣтски, ладонью наружу, закрываетъ глаза—и тихо плачетъ, покачивая шляпой.

II.

Вчера весь день бродилъ я по Іерусалиму, нынче объѣхалъ верхомъ вокругъ его стѣнъ и на закатѣ возвратился въ Западнымъ воротамъ.

Какъ груба и стара громада воротъ! Зубчатая сарацинская башня, въ упоръ освѣщенная низкимъ солнцемъ, точно вылита изъ потемнѣвшаго отъ времени желѣза. Небольшая площадь за воротами почти вся въ тѣни, падающей отъ нихъ и тяжелой цитадели Давида—высокаго каменнаго замка со

рвами и бойницами, занятого турецкимъ гарнизономъ. Направо—нѣсколько европейскихъ домовъ, магазиновъ. Напротивъ — улица Давида: узкій, темный, крытый холстами и сводами ходъ между старыми-старыми мастерскими и лавками. Изъ него выныриваютъ навьюченные ослы, фески, женщины, съ головой завернутыя въ покрывала, постукивающія деревянными скамеечками, замѣняющими здѣсь туфли... Вечерній свѣтъ, падающій между воротами и цитаделью на жерло этого хода, дѣлаетъ его совсѣмъ чернымъ. Какъ разъ возлѣ него—высокій узкій домъ, нашъ отель. Спрыгнувъ съ лошади, я иду туда, гдѣ провожу всѣ вечера,—на крышу. Иду по внутреннимъ и наружнымъ лѣстницамъ, на одномъ поворотѣ приоставливаюсь: направо, глубоко подо мной — громадный четырехугольный водоемъ пророка Іезекии, полный темно-зеленой — теперь сверху лиловой—воды, среди стѣнъ, похожихъ на крѣпостныя, стѣнъ домовъ, слитыхъ воедино, съ рѣшетчатыми окошечками, пробитыми какъ попало—и очень высоко и очень низко. И медленно, медленно спускается изъ одного такого окошечка кожаное ведро на веревкѣ...

Солнце на закатѣ. Я выхожу на крышу, снимаю пробковый шлемъ,—и по головѣ моей дуетъ съ запада сильный и прохладный вѣтеръ. Небо глубокое, блѣдно-синее, безъ единого облачка. Я на темени Іудеи, среди волнистаго плоскогорья, лишь кое-гдѣ покрытаго скудной зеленью. Все — мягкаго, но очень опредѣленнаго сѣро-фіолетоваго тона. Застывшіе перевалы, впадины, глубокія долины, куполообразные холмы... За мной, въ золотистомъ блескѣ заката,—масличныя рощи и раскиданныя по холмамъ зданія: католическіе пріюты, школы, госпитали, виллы. На сѣверѣ, на горизонтѣ—четкій известковый конусъ, гора Самуила. На югѣ, на скатахъ горъ—бѣлые поселки въ темно-зеленыхъ садахъ. Подо мною—скать на востокъ, а на немъ — сплошной, плоской и голой кровлей желто-розоватаго цвѣта лежитъ каменная масса небольшого арабійскаго города, заключеннаго въ средневѣковыя стѣны и со всѣхъ сторонъ окруженнаго глубокими долинами, вѣрнѣе—оврагами. За восточнымъ оврагомъ, Кедронскимъ,—каменистая Элеонская гора, съ высокой колокольней на вершинѣ. За нею и той горой, что южнѣе,—горой Соблазна,—воднистый сѣро-сизый скать къ долиנѣ Іордана и Мертваго моря: пустыня Іудейская. Море сказочно-яркой бирюзой налито въ южномъ концѣ долины. А за долиной и этой бирюзой—призрачная „стѣна міра“, стѣна ступившагося нѣжно-фіолетоваго дыма: ровный и высокий хребетъ отъ вѣка таинственныхъ Моавитскихъ горъ.

„Іерусалимъ, устроенный, какъ одно зданіе!“ — вспоминаю я восклицаніе Давида. И правда,—какъ одно зданіе лежитъ онъ подо мною, весь въ каменныхъ купольчикахъ, опрокинутыми чашами раскиданныхъ по уступамъ его голой плоской кровли, озаренной низкимъ солнцемъ. Первобытно-простой по цвѣту, первобытно-грубый по кладкѣ, тѣсно сплоченный, безъ единого деревца, — только одна старая высокая пальма на южной сторонѣ, — онъ весь заключенъ въ зубчатую толщу стѣнъ крестоносцевъ и кажется несокрушимымъ. Онъ, воспѣтый Давидомъ и Соломономъ, нѣкогда блиставшій золотомъ и мраморомъ, окруженный садами Пѣсни Пѣсней, нынѣ возвратился къ аравійской патріархальной нищетѣ. Стѣны и башни его—какъ гранитные доспѣхи, а онъ, уступами сходящій къ кремнистой ложбинѣ Кедрона, къ переполненной несмѣтными могилами Іосафатовой долины, — мѣсту Страшнаго Суда, — окруженный пустырями, нечистотами, падалью, кажется библейскимъ вретищемъ, одѣвшимъ славный прахъ былого.

Надъ нимъ рѣдкіе минареты, двѣ-три католическихъ колокольни и рубчатый черно-синій куполь немного приземистой мечети Омара, занявшей мѣсто храма Соломона, Камень Моріа, „средоточіе міра“. Глубоко подо мной — древній водоемъ Іезекіи, купальня Вирсавіи, плѣнившей красотою Давида. Когда же я поднимаю глаза, я вижу, немного влѣво отъ себя, за водоемомъ, два тоже рубчатыхъ черно-синихъ купола. Это—главы тяжкихъ, выросшихъ въ землю храмовъ надъ Гробомъ и Голгоею, тѣсно сжатыхъ монастырскими пристройками,—греческими и латинскими,—и почти затерявшихся въ нихъ. Въ ясномъ воздухѣ необыкновенно близка кажется мечеть. А до купола Гроба просто хочется дотронуться. Тысячи черныхъ острокрылыхъ стрижей верезжаютъ и носятся надъ этой каменной стариною. Солнце опускается, на покатую кровлю города падаетъ еле видный фіолетовый тонъ. Въ узкихъ, темныхъ норахъ и переходахъ, скрытыхъ этой кровлей, въ грязныхъ рядахъ сплошнаго базара замираетъ шумъ и говоръ торга... Но, Боже мой!—неужели это правда, что вотъ именно здѣсь былъ распятъ Іисусъ? И неужели это надъ Его гробомъ блещетъ теперь въ полумракѣ византійскихъ сводовъ и подземелій языческое великолѣпіе несмѣтныхъ лампадъ, огромныхъ погребальныхъ свѣчей, золота и драгоцѣнныхъ камней, стоитъ бальзамическій дымъ ладана, запахъ воска, кипариса, розовой воды—и надгробное рыданіе, длящееся уже двѣ тысячи лѣтъ? Это—рыданіе надъ Христомъ каменно-золотыхъ, большеглазыхъ мо-

зайкъ Византіи, надъ Христомъ коронованныхъ и окровавленныхъ распятій Рима...

Вотъ съ какой-то католической башни одинокій и звонкій колоколь бьетъ семь. Когда замираетъ его послѣдній звукъ въ чистомъ вечернемъ воздухѣ, издалека - издалека раздается грустный сильный альтъ, призывающій къ смиренному прославленію Бога за мирно угасшій день. Вѣтеръ съ запада, холодный. Солнце скрылось. На старый городъ и на всю Іудею пала легкая пепельная тѣнь. Но еще четко все, особенно холмъ Самуила на сѣверѣ. Моавитскія горы—какъ южное море въ туманѣ. Но уже блекнетъ сѣро-сиреневая пустыня Іоанна. Сухо-блѣдно-сине небо. Пепель, павшій на городъ, становится розово-сизымъ. И все какъ постель. Вѣтеръ колеблетъ султанъ пальмы...

Я оборачиваюсь—мутно-лиловыя легкія облака плывутъ по блѣдно-алому закату. Выше заката неба точно нѣтъ: есть только что-то бездонное, зеленоватое, прозрачное... Потомъ снова гляжу на востокъ,—и меня уже слѣпнѣтъ печальная тѣма быстро набѣгающей ночи. Внизу стучать, поспѣшно закрывая лавки. Жизнь замираетъ, прячется въ свои норы. Сумрачны стали купола мечети и Гроба. Темнымъ ветхозавѣтнымъ богомъ повѣяло въ оврагахъ и провалахъ вокругъ нищихъ останковъ великаго города... Или нѣтъ,—даже и ветхозавѣтнаго бога здѣсь нѣтъ. Есть только вѣянье смерти, завладѣвшей пустырями и царскими гробницами, подземными тайниками съ ихъ гулкими сводами, рвами и оврагами, полными погребальныхъ пещеръ да костей всѣхъ племенъ и народовъ. Ветхозавѣтный богъ давно покинулъ и народъ свой и страну свою. Мѣсто могилы Іисуса задавлено чернокупольными храмами. И сама мечеть, великолѣпная мечеть Омара похожа теперь на черный шатеръ какого-то уже давно почившаго завоевателя. И мрачно высится возлѣ нея нѣсколько исполинскихъ кипарисовъ...

„Се оставляется вамъ домъ сей пусть...“

III.

На Сіонѣ, за гробницей Давида видѣлъ я провалившуюся могилу, всю заросшую макомъ. Его въ Іудеѣ больше, чѣмъ травы. И вся-то Іудея—какъ эта могила, такая старая, что давно-давно пора забыть о погребенныхъ въ ней!

Я былъ въ Виелеемѣ и Хевронѣ. Путь до Виелеема самый живой изъ всѣхъ іудейскихъ путей. Спустиаясь въ долину Гигонскую, онъ направляется къ югу и начинаетъ подниматься сперва мимо горы Злого Совѣщанія, потомъ по широкой и вол-

вистой равнинѣ Реоанмовѣ. На скатахъ горы были въ древности сплошные сады царей и царедворцевъ; сады, каналы и цистерны были и на равнинѣ. Веселы и теперь эти мѣста. И когда я ѣхалъ, въ жаркомъ блескѣ утренняго солнца и золотистосиняго воздуха тонули горы и долины на востокъ, горячо было бѣлое шоссе, ярко зеленѣли посѣвы по красноватымъ переваламъ, въ садахъ миссій ворковали дикіе голуби. И вспоминались сады и виноградники Соломона, опаленная солнцемъ дѣвочка, съ трепетомъ ожидавшая на виноградникахъ возлюбленнаго, прятаясь отъ прохожихъ подъ зелеными лозами, просвѣчивающими на солнцѣ, припадавшая къ горячему суглинку въ ихъ сквозной тѣни. Все цвѣло и благоухало вокругъ нея, расплавленнымъ золотомъ млѣли въ знойной дали кровли дворцовъ и храма. И каждый день доносился оттуда къ этой босой дѣвочкѣ, какъ виноградъ наливавшейся виномъ жизни, голосъ милаго:

— Цвѣты показалиcя на землѣ; время пѣнія настало, и голосъ горлицы слышенъ въ странѣ нашей... Встань, возлюбленная моя! Выйдемъ въ поле, побудемъ въ селлахъ; поутру пойдёмъ въ виноградники, посмотримъ, распустились ли виноградныя лозы, расцвѣли ли гранатныя яблони!

Какъ голосъ Жениха-Христа, обращенный къ Невѣстѣ Церкви, понимала древняя церковь этотъ сладкій весенній зовъ: „Встань, возлюбленная моя!“. Но если такъ,—не ко всей ли землѣ обращенъ этотъ зовъ?

По пути въ Виелеемъ зеленѣли тѣ сады, идѣ, по апокрифамъ, деревья опускали цвѣты долу, воды цистернъ выходили изъ краевъ и на всѣхъ вѣтвяхъ пѣли птицы, приветствуя проходящую съ Младенцемъ на рукахъ Марію... Когда же пойметъ земля всю мудрость тѣхъ весеннихъ легендъ, въ которыхъ сочетала она столько красоты и радости съ Его дѣтствомъ и юностью, сдѣлавъ Его самого частью вселенской красоты? Виелеемъ—это сама жизнь, воздухъ, солнце, плодородіе; его тѣсно насыпанные по холмамъ палевые кубы смотрятъ на востокъ, на солнечно-мглистыя дали Моавитскихъ горъ, отъ которыхъ нѣкогда пришла кроткая праматерь Давида, Руѡ... Черна отъ крови средневѣковая, да и новая лѣтопись Виелеема, несмѣтными костями отшельниковъ полны пещеры возлѣ него... И все же съ радостью вспоминаешь о немъ.

Но за Виелеемомъ—пустыня. Цѣлый день видишь только глинистыя ковриги горъ, усѣянные круглыми голышами, и каменистыя широкія котловины между ними. Изрѣдка встрѣчаешь еде воздѣланные участки, тонкіе посѣвы... А вѣдь эта

ржавая земля, перемѣшанная со щебнемъ,—вѣдь это и есть Страна Обѣтованная, страна, что родить теперь больше всего опять-таки—маку! Точно фіолетово-красныя озера стоятъ въ долинахъ среди горъ, усыпанныхъ голышами. Точно сперва кровавый, а потомъ каменный ливень прошелъ по этой странѣ. И ни души кругомъ.

Водоемы Соломона! Я ждалъ ихъ съ волненіемъ—и вотъ увидѣлъ наконецъ пустынную долину. Возлѣ горъ налѣво—руины зубчатой крѣпости Саладина, а за ней, еще лѣвѣе, открылся входъ въ новую глухую и мертвую долину. Путь къ Хеврону—на югъ, а она, понижаясь, идетъ къ востоку. И уступами лежатъ въ ней три гигантскихъ квадратныхъ цистерны. Первая пуста: сухая каменная бездна. Во второй половина покатаго дна чуть прикрыта бирюзовой водой. Въ третьей покрыто все дно. Густые зеленые кудри дикаго плюща виснутъ со стѣнъ. Сквозь нихъ шелковисто и дремотно шумятъ въ тишинѣ серебристыя каскады. И заунывно-равнодушно наигрываетъ на плакучей свирѣли мимо проходящій пастухъ, зорко поглядывая на черныхъ козъ, разсыпанныхъ среди голышей по крутымъ обрывамъ горъ. Маленькое, совсѣмъ черное лицо, женственно обрамленное шерстянымъ платкомъ подъ двойнымъ шерстянымъ обручемъ. Маленькая вьющаяся борода. Огненные глаза. Голыя тонкія берца, грубые бедуинскіе башмаки. На гибкое худое тѣло надѣта бѣлая рубаха до колѣнъ, подпоясанная платкомъ. На плечи накинута траурная шерстяная хламида—бѣлая въ черныхъ полосахъ. За плечами—кремневое ружье... Совсѣмъ, совсѣмъ не о Соломонѣ напоминаетъ этотъ потомокъ Измаила и Агари! Жизнь совершила огромный кругъ, создала на этой землѣ великія царства и, разрушивъ, истребивъ ихъ, вернулась къ первобытной нищетѣ и простотѣ...

Передъ вечеромъ видѣлъ я еще одинъ слѣдъ Іудей. Ёхали мы опять по долиנѣ, и проводникъ указалъ мнѣ на пещеру у подошвы холма—на „пещеру Іереміи“. Я свернулъ къ ней. Вечеръ былъ мирный, съ вѣжно синѣющими далями,—лѣтній вечеръ на югѣ Россіи. Возлѣ пещеры цвѣлъ кустъ дикаго шиповника. Стрѣлой вылетѣлъ изъ нея шакалъ, мелькнулъ лисьимъ хвостомъ и, вскочивъ на пригорокъ, сѣлъ и навострилъ уши. На землѣ, при входѣ, законченномъ дымомъ, валялись пестренкія крылышки съѣденной совки... И глубокая-глубокая тишина покоилась надъ безграничною пустыней вокругъ...

Подъ Хеврономъ холмы живописнѣе. Всѣ они опоясаны рядами террасъ, на которыхъ зелѣютъ старые дубы, сѣрѣютъ

старыя оливы, лежать толстыя лозы ползучаго ханаанскаго винограда. Но чувствуется одно: приближаясь къ первой столицѣ Іудейскаго царства, все болѣе и болѣе углубляешься въ страну ветхозавѣтныхъ кочевниковъ. Повстрѣчался караванъ. Медленно двигались высокіе грязно-сѣрые дромадеры, важно выгнувъ свои тонкія шеи, откинувъ маленькія головки съ умными глазами и показывая большія продольныя ноздри. Сонно качались на нихъ черныя безобразныя измаилитянки въ лохмотьяхъ, съ полуголыми дѣтьми у тощихъ грудей. Нѣсколько черныхъ, оборванныхъ разбойниковъ шло сзади... И опять шевельнулась мысль: при чемъ тутъ царство Іудейское?

А Хевронъ — это дикое мусульманское гнѣздо, сѣрый каменный поселокъ въ узкой Долинѣ Возлюбленнаго. Базарная уличка его стара и грязна несказанно. Пройдя ее, поворачиваешь, поднимаешься на взгорье. Тамъ въ Кварталѣ Святилища стоитъ нѣчто въ родѣ маленькой крѣпости, гдѣ почіють Авраамъ и Сарра — прахъ, равно священный христіанамъ, мусульманамъ и іудеямъ. Но владыки здѣсь мусульмане. И ни христіанинъ ни іудей не смѣетъ проникнуть даже за порогъ Святилища. Мальчишки швыряютъ камнями въ подходящихъ къ нему поклонниковъ, травятъ ихъ собаками...

Въ Греціи, Римѣ, Египтѣ историческая жизнь почти не прерывалась. Грозныя царства Ветхаго Завѣта, сотрясавшія землю своими походными колесницами, въ гимнахъ уподоблявшія своихъ вождей быкамъ и носорогамъ, ветхозавѣтно и гибли, — поражая народы мистическимъ ужасомъ, неотвратимостью рока, ненасытностью Іеговы. „И зарастали дворцы ихъ колючими растеніями, крапивою и репейникомъ — твердыни ихъ; и были они жилищемъ шакаловъ, пристанищемъ страусовъ; и звѣри пустыни встрѣчались въ нихъ съ дикими кошками, и демоны перекликались другъ съ другомъ“. Но мѣшало ли это возникновенію среди развалинъ новыхъ царствъ?

Не то было въ Іудеѣ.

Въ мірѣ нѣтъ страны съ болѣе сложнымъ и кровавымъ прошлымъ, какъ нѣтъ книгъ ужаснѣе воплей пророковъ. Въ спискахъ древнихъ царствъ нѣтъ, кажется, царства, не предавшаго Іудею легендарнымъ бѣдствіямъ. Но въ Ветхомъ Завѣтѣ Іудея все же была частью историческаго міра. Въ Новомъ она стала уже пустошью, той великой пустошью, засѣянной костями, что могла сравниться лишь съ полемъ мертвыхъ въ страшномъ снѣ Іезекиіля. Есть преданіе, что ея необозримыя развалины ужаснули самого Адріана. Потомъ развалины эти за-

росли сорными травами, одичали, заглохли... „И пастухи со стадами своими приступили къ Сіону, раскинули палатки вкругъ него...“

Прослѣдить, что происходило въ растущей и ломающейся человѣческой душѣ, готовившейся къ воплощенію новаго бога,—внѣ человѣческихъ силъ. Невыразимо напряженіе силъ, бывшее передъ таинствомъ этихъ смертельныхъ родовъ. Ироду выпала тяжкая доля спасти міръ отъ его собственного чада, Іудеѣ—часть послѣднихъ мученій. Въ агоніи она пыталась задушить Дитя и опять воспрянуть къ жизни. Тогда въ бѣшенствѣ кинулись добивать ее. Что Навуходоносоръ передъ Титомъ или Адріаномъ! Навуходоносоръ „пахалъ Сіонъ“. Титъ выше стѣнъ загромоздилъ его трупами. Приближеніе его было приближеніемъ воинства Сатанаила. Тучи сгустились, спустились надъ храмомъ Соломона, и въ гробовомъ молчаніи сами собой распахнулись бронзовыя двери его, выпуская воинство Іеговы. „Мы уходимъ!“ — сказали Іудеѣ невѣдомый голосъ. А при Адріанѣ внезапно распалась гробница Давида и „волки и гіены съ воемъ появились на улицахъ пустыннаго Іерусалима“. То былъ знакъ близкаго возмездія за послѣднее отчаянное возстаніе іудеевъ, перебившихъ на Кипрѣ около трехсотъ тысячъ язычниковъ, въ ветхозавѣтной ярости пожиравшихъ мясо убитыхъ, сдиравшихъ съ нихъ кожу на одежды... И чудовищно было это возмездіе!

Оно было исполненіемъ пророчествъ. Да замретъ въ Іудеѣ „голосъ торжества и голосъ веселія, голосъ жениха и голосъ невѣсты!“ Да не останется камня на камнѣ отъ великаго, стократъ погибавшаго въ пламени Города Мира! Ибо на долгій, долгій срокъ земля его, вся пропитанная кровью, должна была „стать терномъ и волчцами“. Былъ и отдыхъ ей нуженъ!

Жить обычной жизнью послѣ всего того страшнаго, что совершилось, Палестина не могла. Снова и снова вторгались въ тишину ея завоеватели чуть не всѣхъ народовъ Востока и Запада. Но поле мертвыхъ такъ и оставалось полемъ мертвыхъ. Рать за ратью гибло на немъ и несмѣтное „воинство Христово“. Покорить Іисусу враговъ Его избіеніемъ ихъ, новыми опустошеніями и новыми кровопролитіями, стоять у гроба Его съ обнаженнымъ мечомъ—это было безуміемъ. Вернуть трижды мертвую страну къ жизни, исторгнуть ее изъ ея священнаго запустѣнія—кошунствомъ. Пусть исчезнетъ сперва съ лица ея память о прошломъ. Пусть истлѣютъ несмѣтныя кости, покроются макомъ могилы. Пусть

отдохнетъ она въ тысячелѣтнемъ забвеніи и возвратится ко днямъ патріарховъ...

И она возвратилась.

IV.

Утро въ Іерусалимѣ свѣжо и ясно, день зноенъ.

Отрывъ глаза, почему-то съ особенной радостью увидалъ я нынче, изъ-подъ кисейнаго балдахина, полуоткрытое окно своей холодной каменной комнаты. На аршинъ отъ окна—высокая желтоватая стѣна сосѣдняго дома. Ранній солнечный свѣтъ золотить ее, заглядываетъ ко мнѣ. Гдѣ-то внизу подеревенски блеетъ коза, гдѣ-то вверху раздаются звонкіе голоса дѣтей, собирающихся въ школу. Вдали, на базарахъ, восторженно рыдаетъ осель.

Холодно и на крышѣ, но ослѣпительное солнце, только-что поднявшееся изъ-за Моавитскихъ горъ, надъ долинами, затопленными свѣтлымъ паромъ, уже пригрѣваетъ одежду, руки. Прянь утренній запахъ тлѣющаго на очагахъ кизяка—его горячаго дыма, выходящаго изъ трубъ прозрачнымъ, дрожащимъ. Въ тишинѣ слышенъ илескъ бурдюковъ, опускаемыхъ изъ оконъ въ зеленую воду водоема, еще полного густой тѣни; слышенъ зычный крикъ босыхъ зеленщиковъ и водоносовъ, бѣгущихъ по крытымъ улочкамъ базаровъ, говоръ и дробный стукъ копытъ на площади возлѣ цитадели. Весело верезжать и носятся несмѣтные стрижи надъ розово-желтой кровлей города, надъ ея опрокинутыми каменными и глиняными чашами и вокругъ чернаго купола Гроба. Жарко блещетъ полумѣсяцъ на великолѣпной мечети Омара, такой одинокой среди окрестной старины и бѣдности. Но небо еще свѣжо и ясно. Пальма на южной сторонѣ города и далекая гора Самуила на сѣверѣ подчеркиваютъ прозрачность воздуха.

Стукъ копытъ—это приводятъ лошадей для туристовъ и паомниковъ-европейцевъ. Европейцы живутъ по отелямъ, католическимъ и протестантскимъ миссіямъ, осматриваютъ святыни почтительно и спокойно. А говоръ—это говоръ русскихъ мужиковъ и польскихъ евреевъ, идущихъ плакать. Одни будутъ лить слезы у Гроба, другіе—у Стѣны Плача, уцѣлѣвшей отъ храма Іеговы. Русскіе живутъ въ скучныхъ казенныхъ корпусахъ Православнаго Общества за Западными воротами, убивая время ѣдой, перебранками, хожденіемъ ко Гробу, въ Виолеемъ, на Іордань—и просто по базарамъ: тамъ они приторговываются и къ луку, и къ картофелю, и къ четкамъ, и къ лубочнымъ аеонскимъ картинамъ—безъ даже малѣйшаго намѣренія купить хоть на копейку. А евреи ютятся

въ труппахъ южнаго квартала, бѣгаютъ по роднымъ и знакомымъ, съ жадностью ловятъ вѣсти о своихъ палестинскихъ колоніяхъ—и плачутъ у останковъ древняго Сіона, нарядившись въ бархатные халаты и польскія шапки изъ остистаго собачьяго мѣха, подъ которыми видны на затылкахъ ермолки, а на вискахъ—огромные завитки.

Всѣ тѣ, что спѣшатъ къ мечети Омара, Стѣнѣ Плача или просто на базары, неминуемо должны пройти по улицѣ Давида. Въ этомъ длинномъ каменномъ коридорѣ, уступами спускающемся подъ уклонъ, въ этихъ тѣсныхъ и пахучихъ рядахъ стараго Востока течетъ непрерывная рѣка—ословъ, патеровъ, имамовъ, верблюдовъ, женщинъ, турецкихъ солдатъ, бедуиновъ и паломниковъ всѣхъ исповѣданій. Своды, холсты и цыновки дѣлаютъ его тѣнистымъ, но въ промежутки между ними видно яркое небо, пыльно-золотистыми столбами прорѣзывается солнце, и даже въ тѣни чувствуешь, какъ быстро приближается жаркое палестинское утро. Вотъ серебромъ блеснули въ этой живой солнечной полосѣ двѣ бѣлыя женскія фигуры; вотъ, напомнивъ Яффу, промелькнулъ въ ней старикъ, курчаво-сѣдой, черно-сизый, съ толстыми губами и блестящими глазами, съ голыми тонкими берцами и раскрытой грудью, подъ чернымъ платкомъ и въ пастушеской пѣгой хламидѣ; вотъ ярко озаренный уголокъ какого-то вросшаго въ землю дома, сложеннаго изъ обломковъ дикаго камня и древне-еврейскаго мрамора, съ травой на карнизѣ—надъ входомъ въ мясную лавку... Все сильнѣе и радостнѣе чувствуется близость къ какому-то далекому радостному утру въ дни молодости Иисуса...

Съ улицы Давида переулочки ведутъ и вправо и влѣво, среди лавокъ съ крестиками, образками, иконками. Наконецъ—калитка въ каменной оградѣ, а за ней—каменный дворъ, полный жаркаго солнца, подъ яркимъ голубымъ небомъ, стиснутый сросшимися стѣнами арабскихъ жилищъ, греческихъ и латинскихъ келій, минарета, католической колокольни и самаго храма. Мраморная палерть занята торговцами, разложившими на ней все тѣ же кипарисные и перламутровые крестики, четки и раковинки... И этотъ дворъ, храмъ—это-то и есть „Юдоль Мертвыхъ, плача и предгрядія“. Нѣкогда она лежала внѣ городскихъ стѣнъ, была пустошью, служила для свалки нечистотъ и мусора, для позорнѣйшей казни и сжиганія казненныхъ. Потомъ стала величайшей святыней міра—святыней, къ которой не разъ приходили „но колѣно въ крови, но съ пѣніемъ псалмовъ и съ вайями въ рукахъ“. И владѣли ею то Римъ, постави-

впій падъ могилой Распятаго храмъ Венеры, то Византія, то Хозрой, то Омаръ, то Готфридъ, то султаны Стамбула... Думалъ ли Онъ, говорившій съ такой дѣтской радостью о птицахъ небесныхъ и лиліяхъ полевыхъ, что распнуть Его со злодѣями въ этой юдоли смерти, истребить ради имени Его мириады душъ и воздвигнуть на мѣстѣ воскресенія Его этотъ храмъ?

Фасадъ храма сѣръ и тяжелъ. Входы—въ большихъ глубокихъ сводахъ, украшенныхъ обветшалыми барельефами. Одинъ грубо заложенъ камнями. Другой широко зіяетъ темнотой, усѣянной цвѣтными огоньками лампадъ. Два старинныхъ рѣшетчатыхъ окна во второмъ ярусѣ слишкомъ малы, незамѣтны, по сравненію съ фасадомъ. И фасадъ кажется частью слѣпой крѣпостной стѣны... Толпой выходятъ изъ храма русскіе мужики и бабы, оборачиваются, кланяются до земли и, встряхнувъ волосами, вздыхая и вытирая лапами заплаканные глаза, идутъ шататься по базарамъ... Зло-радно верезжать и черными стрѣлами носятся вокругъ горячо нагрѣтыхъ стѣнъ стрижи... Снисходительно-ласково, притворно-сердито воркуютъ голуби, прижавшись на выступѣ карниза...

Но въ порталѣ на широкихъ нарахъ курятъ, пристально глядя на шахматы, турецкіе солдаты. Дальше—сумракъ перваго притвора и среди исполинскихъ погребальныхъ свѣчей, на низкомъ помостѣ, подъ балдахиномъ, увѣшаннымъ дорогими разноцвѣтными лампадами,—желто-розовая плита: Камень Помазанія. Надъ нимъ—ротонда подъ колоссальнымъ несведеннымъ куоломъ, дѣтски расписаннымъ облаками, лазурью, ангелами. Посреди—часовня песочнаго мрамора, вся въ блестящихъ окладахъ и горящихъ лампадахъ. У входа—разноцвѣтныя свѣчи, перевитыя сусальнымъ золотомъ, выше роста человѣческаго... Вотъ онъ, этотъ жуткій погребальный Вертепъ, такой тѣсный, что въ немъ трудно повернуться, и настолько залитый свѣтомъ, что въ немъ слѣпнешь и не сразу разглядишь у стѣны направо низкую лежаночку изъ мрамора! А къ ней-то и текутъ со всего міра, ее-то и кропятъ ежечасно розовой водой, надъ ней-то и пылаютъ пятьдесятъ драгоценныхъ лампадъ и цѣлые костры восковыхъ свѣчей...

Послѣ жара и блеска Вертепа, сумрачно кажется въ ротондѣ. Тутъ съ утра до вечера—сплошной крестный ходъ, давка, слезы, рыданія, служба на всѣхъ языкахъ. Служатъ и въ греческомъ соборѣ, рядомъ, и въ католическихъ придѣлахъ, и на Голгоѣ—маленькомъ темномъ алтарѣ, куда

поднимаются изъ преддверія ротонды по мраморной лѣстницѣ. Служать и въ дальнихъ подземныхъ храмахъ, гдѣ стоитъ вѣчная ночь, мракъ, озаренный лампадами, и холодокъ могилы... И всюду золото, иконостасы, драгоценные камни, образа всѣхъ временъ и всяческаго письма, ладанъ, Распятія, статуи Мадонны въ коронѣ, въ порфирѣ, съ сердцемъ, пронзеннымъ мечомъ... „На горѣ сей пьютъ радость, пьютъ вино!“

Но еще болѣе горькая радость—у Стѣны Плача, у останковъ святилища Іеговы.

Если не свернешь съ улицы Давида къ Голгоѣ и пройдешь немного ниже, невольно свернешь вправо, въ узенькіе и жаркіе трущобные ходы, что уступами приводятъ въ глухой длинный закоулокъ. Съ трехъ сторонъ замыкають его стѣны каменныхъ домовъ и домишекъ. Съ четвертой, — если стать лицомъ къ востоку, — громадная крѣпостная стѣна: Стѣна Плача, остатокъ укрѣпленій вокругъ храма Соломона, а теперь часть стѣнъ вокругъ мечети Омара.

По утрамъ здѣсь тѣнь. Зелень нѣсколькихъ акацій радуется глаза, отвыкшіе отъ зелени. Радостными синими глазами глядитъ сверху небо. Но подъ стѣной, подъ ея золотистыми камнями, отшлифованными мириадами устъ, стоитъ немолчный стонъ, дрожацій гнусавый вой, жалобный ропотъ и говоръ. Онъ то замираетъ, то возрастаетъ; то сливается въ нестройный хоръ, то дѣлится на выкрики. Женщины, накрытыя шелковыми шальми, приклоняють къ стѣнѣ головы и бормочутъ ей свои жалобы покорно и несмѣло. Мужчины, прижавшись къ ней лѣвымъ плечомъ, держатъ въ лѣвой рукѣ старинные молитвенники, а правую простирають къ верхнимъ камнямъ. Они быстро-быстро читають, выкрикивають какія-то заклинанія и страстно молятъ, ищутъ кого-то въ ясномъ небѣ. Они въ отчаяніи опускають вѣки, поднимають брови и, стеная, раскачиваются... И вдругъ оживаютъ, раскрываютъ заблестѣвшіе глаза... И въ то время, какъ одни хватаются за головы, топають ногами и рыдаютъ, другіе жадно покрываютъ поцѣлуями стѣну, съ восторженными воплями подсакиваютъ и бьютъ въ ладоши...

Сколько здѣсь круглоликихъ, огнеглазыхъ юношей съ черно-синими пейсами, въ одеждахъ испанскихъ евреевъ, и тонконогихъ, худосочныхъ старцевъ, точно сбѣжавшихъ изъ долины Іосафата! Лица ихъ блѣдны, какъ смерть, головы закинуты, большія выпуклыя вѣки сомкнуты, крутые сѣрые пейсы и бѣлыя длинныя бороды трясутся. Страшно то, что эти библейскіе покойники наряжены — въ новыя мѣховыя

шапки сверхъ ермолокъ и въ алые бархатные халаты, которые, распахиваясь, открываютъ жидкія ноги въ бѣлыхъ чулкахъ и погребальныхъ туфляхъ. Но еще страшнѣе, когда они, на вечернихъ литаніяхъ въ пятницу, соединяютъ свои дрожащіе голоса въ одинъ мучительный вопль, отвѣчая предстоящему.

— Ради чертоговъ покинутыхъ!—скорбнымъ теноромъ восклицаетъ предстоящій.

— Одинокіе, сидимъ мы и плачемъ!—жалобно, фальцетомъ вскрикиваютъ старики.

— Ради чертоговъ разрушенныхъ...

— Одинокіе, сидимъ мы и плачемъ!

— Ради стѣнъ ниспровергнутыхъ...

— Одинокіе, сидимъ мы и плачемъ!

— Молимъ Тебя, умились надъ Сіономъ.—запѣваетъ предстоящій.

— Собери чадъ Іерусалима!—подхватываютъ старики.

— Поспѣши, поспѣши, Искушитель!

— Возрадуй сердце Іерусалима!

— Да воцарится на Сіонѣ миръ и радость!

— И опять расцвѣтетъ жезлъ Іессея!

Но уже никогда, никогда не расцвѣсти ему снова ветхозавѣтными цвѣтами! И какъ могла забыть земля о томъ незабвенномъ утрѣ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, когда вошелъ Отрокъ въ Назаретскую синагогу?

„Ему подали книгу пророка Исаи; и Онъ, раскрывъ ее, нашель мѣсто, гдѣ было написано: Духъ Господень на Мнѣ, ибо Онъ помазалъ Меня благовѣствовать нищимъ и послалъ Меня исцѣлять сокрушенныхъ сердцемъ, проповѣдывать плѣннымъ освобожденіе, слѣпымъ прозрѣніе, отпустить измученныхъ на свободу“...

V.

Мечеть Омара, такая сумрачная и тяжелая вечеромъ, незнаема утромъ. Она цвѣтетъ надъ нищей и нагой Іудеей во всемъ богатствѣ и великолѣпіи своихъ палевыхъ кафель, голубыхъ фаянсовъ, черно-синяго купола, мраморнаго двора, занявшаго почти двадцать десятинъ, и тысячелѣтнихъ кипарисовъ...

Даже изъ-за Мертваго моря, съ первыхъ уступовъ Моава видна она. Въ знойномъ неоглядномъ просторѣ открываются огнемъ горящія на югѣ и теряющіяся въ блескѣ неба и солнца воды, поглотившія Содомъ и Гоморру: за ними —

таинственная свѣтоносная Аравія. На сѣверѣ, въ глубинѣхъ безконечныхъ извилистыхъ долинъ исчезаетъ Іорданъ, пролагающій свой узкій путь среди сѣро-блестящихъ песковъ и тропическихъ кустарниковъ. Напротивъ, на западѣ, за низменностью этихъ долинъ, гдѣ Іорданъ сливается съ Мертвымъ моремъ,—Іерихонъ. Маленькимъ оазомъ темнѣетъ онъ въ пустынѣ, у слоистаго подножья Іудейскихъ горъ. Выше, среди ихъ голыхъ желто-сѣрыхъ переваловъ и впадинъ, какъ модель аравійской крѣпости, лежитъ Іерусалимъ—и тускло блещутъ надъ нимъ купола мечети и Гроба. И отъ Аравіи, изъ-за Іордана, съ морскихъ побережій—отовсюду стекаются къ стѣнамъ и святынямъ этой крѣпости пути поклонниковъ всѣхъ странъ и народовъ. Мечеть—первая Кебла Ислама. Самъ Пророкъ заповѣдалъ молиться, обратясь лицомъ къ камню Моріа, нынѣ покрытому ею,—Мекка позднѣе, уже послѣ его смерти, стала Кеблой. И „палатримъ, вступившій за Священную Ограду мечети и поклонившійся Камню, одинъ получаетъ награду, равную наградѣ тысячи мучениковъ, ибо здѣсь молитвы его такъ близки къ Богу, какъ если бы онъ молился на небѣ...”

Сожженный зноемъ Мертваго моря, возвратился я въ Іерусалимъ—и послѣднимъ даромъ его была красота „Несравненной“ мечети.

Черномазый арабъ-часовой, въ фескѣ и синей турецкой формѣ, съ карабиномъ на плечѣ, медленно бродилъ возлѣ старыхъ крѣпостныхъ воротъ, когда мы, спустясь по улицѣ Давида, несмѣло остановились возлѣ нихъ. Еще очень недавно великихъ трудовъ стоило не только войти, но даже заглянуть во дворъ Святилища, а сто лѣтъ тому назадъ за это платили жизнью. Теперь часовой только покосилъ своими голубоватыми бѣлками съ кровавыми жилками, только блеснулъ огненно-чернымъ зрачкомъ.

Близился полдень, страннымъ, металлическимъ свѣтомъ блистали въ пролеты длинной, отдѣльно стоящей прямо противъ воротъ колоннады грани огромнаго храма, вознесеннаго на длинную мраморную площадь-помость и казавшагося еще огромнѣе среди ослѣпительно-бѣлаго простора каменнаго двора. Два-три древнихъ кипариса сторожами стояли возлѣ самаго храма. Нѣсколько ветхозавѣтныхъ оливъ раскидывались тамъ и сямъ своими серебристо-пыльными купами надъ плитами двора, проросшаго тонкою блѣдно-зеленой травой. Мавританскіе кіоски, фонтаны, вышки рѣзныхъ каедръ оживляли дворъ. Подъ одной изъ оливъ, прямо, по-женски, вытянувъ ноги, сидѣли двѣ благочестивыя мусульманки, за-

кутанныя въ легкія блѣдно-розовыя покрывала. Голуби, трепеща и свистя крыльями, падали порою на горячія ступени помоста... Но казалось, что уже давно-давно не ступала въ этомъ свѣтломъ и тихомъ дворѣ нога человѣческая,—что въ какомъ-то заповѣдномъ царствѣ растутъ эти черныя картинныя деревья и блистаютъ чистотой эти каменные плиты, эти мертвенно-изящныя кіоски и эта длинная крытая колоннада, стоявшая передъ нами какъ бы триумфальнымъ порталомъ священной паперти-помоста. И мертвенно-четки были линіи, мертвенно-холодно сіяли вѣчно-свѣжія краски храма, возвышавшагося въ своемъ азіатскомъ великолѣпнѣи среди свѣта и зноя, подъ слегка аспиднымъ арабійскимъ небомъ.

Храмъ царить надо всѣмъ, что вокругъ него, и весь на фонѣ этого неба. Его длинный восьмиугольникъ, весь изъ золотистыхъ мраморовъ, и его нѣжно-лазурный барабанъ, поддерживающій куполь, все это немного приземисто по сравненію съ величиной темно-синяго свинцоваго полушарія, рубчатого сарацинскаго купола, увѣчаннаго необычно большимъ, трехаршиннымъ золотымъ серпомъ луны съ соединяющимися острыми концами. По-арабійски сумрачная вверху, по-дамасски блистающая инкрустаціями снизу, мечеть рѣзко глядитъ въ пролеты колоннады, сквозной стѣнной стоящей на верхней ступени широкой пологой лѣстницы.

Но ней мы и поднялись на помость. И тогда мечеть еще ослѣпительнѣе предстала передъ нами своей громадой въ чистомъ жаркомъ воздухѣ. Почти правильная полусфера купола чуть-чуть заострена на вершинѣ, чуть-чуть вогнута у основанія—и кажется легче. Верхній карнизъ барабана и пространство между его окнами—все въ лазурныхъ и бѣлыхъ маюликахъ, испещренныхъ золотою вязью куфическихъ надписей. Широкая, блистающая полировкой, лента бѣлыхъ и лазурныхъ изразцовъ, тоже вся въ золотой вязи, идетъ и надъ большими полукруглыми окнами по стѣнѣ самаго восьмиугольника.

Худой живоглазый мулла быстро распахнулъ дверь, и, разутые, скользя по желтымъ камышевымъ циновкамъ, вступили мы въ прохладу и сумракъ, слабо озаренный голубымъ и розовымъ свѣтомъ драгоценныхъ разноцвѣтныхъ стеколъ. Стѣны и здѣсь выложены мраморами. Позолотой покрытъ покато-плоскій потолокъ, соединяющій ихъ съ барабаномъ подъ куполомъ. „Что это кажется страннымъ въ этой мечети?“—думалъ я, пока глаза мои привыкали къ ея полусвѣту. И наконецъ! понялъ: ахъ, то, что нѣтъ въ ней обычнаго простора!

Простора нѣтъ потому, что стоитъ въ ней восьмиугольная

колоннада: восемь широких столпов и шестнадцать колонн, соединенных архитравомъ. Пролеты между ними — арками. Какъ старинная парча, покрываетъ эти столпы и архитравъ блеклая зелень, матовое серебро и золото мозаики, переносящей мысль къ Византіи. Византійскими капителями увѣнчаны и колонны.

Но мало того: за этой аркадой высится вторая — кругъ изъ четырехъ столповъ и двѣнадцати колоннъ, поддерживающій барабанъ съ куполомъ, кругъ яшмовыхъ и порфировыхъ колоннъ — наслѣдіе Соломона и Адриана. И уже совсѣмъ загромождаешь мечеть, совсѣмъ необычно то, что съ великимъ изумленіемъ видишь въ этомъ кругѣ, за этими колоннами, соединенными невысокой бронзовой рѣшеткой: подъ зеленымъ шелковымъ балдахиномъ, нарушая всякое человѣческое представленіе о всяческой человѣческой постройкѣ, тяжело и грубо чернѣетъ дикая морщинистая глыба гигантскаго камня! Куполь выстланъ внутри той же матовой зелено-золотой парчой мозаики. Сказочно-разноцвѣтное сіяніе льютъ рубиновыя, сапфировыя, топазовыя стекла. Неясно блистаетъ весь храмъ мраморами и загорающимися гранями хрусталя на несмѣтныхъ люстрахъ. Тонкимъ ароматомъ кипариса и розовой воды напоенъ прохладный сумракъ... За чѣмъ же такъ первобытно вторглась въ этотъ божественный молитвенный чертогъ сама природа?

Талмудъ говоритъ: „Камень Моріа, скала, на которой первый человѣкъ принесъ первую жертву Богу, — средоточіе міра. Скалу Моріа, что была покрыта нѣкогда храмомъ Соломона, а нынѣ хранима мечетью Омара, положилъ въ основаніе вселенной самъ Богъ. И было имя ея — Шатія, что значитъ — колеблющаяся.

Древнія книги и легенды Іудеи и Аравіи говорятъ: „Въ Іерусалимѣ Богъ сказалъ Скалѣ: ты — основаніе, отъ коего началъ Я созданіе міра. *Отъ тебя воскреснутъ сыны человѣческіе изъ мертвыхъ*“. „Сойдя въ пещеру подъ Скалой, Медширъ-едъ-Данъ видѣлъ чудо чудесъ: колеблющаяся глыба камня, ничѣмъ и никѣмъ не поддерживаемая, висѣла въ высотѣ, подобно парящему орлу“ Магометъ — въ ночь своего путешествія изъ Медины въ Іерусалимъ на верблюдѣ Молніи — сталъ своей священной стопою на Скалу Моріа, раскачивающуюся между небомъ и землею. Былъ взмахъ, почти достигшій вратъ рая, — и Скала издала крикъ радости. Но Пророкъ повелѣлъ ей молчать — и одинъ вошелъ во врата Рая. А Скала вновь пала къ землѣ — и вновь вознеслась — и въ движеніи своемъ пребываетъ и донынѣ: „не мѣшаясь съ врагомъ и не смѣя преступить неба“.

Каббалистическія книги говорятъ: „Адонай-Госнодь воздвигъ въ Безднѣ камень, творя міръ, и начерталь на камнѣ Имя Святое. Когда поднимаются воды Бездны до камня, онѣ убѣгаютъ вспять въ ужасѣ. Когда произносится ложное слово, камень погружается въ воды — и смываются буквы Святого Имени. Но Ангелъ Азаріэла, имѣющій семьдесятъ ключей къ таинству Святого Имени, снова пишетъ его на Камнѣ, и оно снова гонитъ прочь воды“.

„Въ дни пророковъ Камень былъ внутри Святилища храма Соломона, и первосвященникъ ставилъ на немъ курящуюся кадильницу. На немъ же стоялъ и Ковчегъ Завета, урна съ манной и лежалъ вѣчно цвѣтущій жезлъ Аарона. Нынѣ Ковчегъ Завета скрытъ въ тайникахъ подъ камнемъ, гдѣ сохранялъ его отъ враговъ и самъ Соломонъ, которому камень давалъ неземную силу: съ него видѣлъ царь весь міръ отъ края и до края—и понималъ языкъ птицъ и звѣрей“.

Но вотъ, въ день паденія храма, въ девятое число мѣсяца Аба, Камень Жизни, вѣчно колеблющійся Камень Жизни, останавливается. Сила его изсыкаетъ. Тайну тайнъ, неизреченныя письма, означающія Святое Имя, прочелъ Иисусъ. И къ Нему же перешла и сила Камня. „Иисусъ, воспринявшій силу его, творилъ чудеса этой силой“... Затѣмъ Римъ разрушаетъ храмъ — и Камень останавливается. Гдѣ же теперь силы Камня?

Для Іудей Камень Жизни замеръ, застылъ навѣки. За Иисусомъ, говоритъ Исламъ, сила Камня перешла къ Пророку. И правъ Исламъ: Пророкъ снова далъ движеніе Камню, онъ вознесъ его къ себѣ. И сила этого движенія была необычна, жизнь жившихъ ею — юношески - пламенна, полна страстнаго служенія Богу. Но недолго сіяло и солнце Ислама во всей славѣ своей. Вотъ уже гаснетъ и его вѣра, и самъ онъ, самъ признаетъ нынѣ, что слабѣютъ размахи Камня, затопляютъ воды Бездны Святое Имя, начертанное на немъ... Что же готовитъ міру будущее?

Взволнованный, смотришь на темную глыбу скалы среди мечети, и полнымъ великаго смысла начинаетъ казаться это сочетаніе земли и неба—храма и камня. И, покидая мечеть, думаешь: долженъ міръ снова возвратиться ко Христу,—къ тому Христу, что нѣкогда воспріялъ силу Камня и былъ истиннымъ сыномъ земли и духа. Развѣ Онъ, съ такою неслезанной полнотой воплотившій въ Себѣ божественное Начало Жизни, говорившій: „Я въ Отцѣ и Отецъ во Мнѣ“, не сочеталъ небснаго съ земнымъ, между тѣмъ какъ подъ стопой Пророка Камень Жизни не касался ни земли ни неба?

VI.

Въ сумерки, проходя по базару въ Яфѣ, я нечаянно поднялъ глаза и увидѣлъ тонкій серпъ луны. Закрывались въ полумракѣ рядовъ лавочки, приносили отъ фонтана послѣдніе кувшины. Собаки, горбясь и сливаясь съ темнотой внизу, подбирали остатки торга. Неожиданно дошла откуда-то нѣжная сладость цвѣтущаго дерева. Я поднялъ глаза и увидѣлъ въ легкомъ и прозрачномъ небѣ вихоръ пальмы, а высоко-высоко надъ нимъ—острый, чистый, тонкій серпъ Астары.

На берегу, подъ городской стѣной, тянуло теплымъ вѣтромъ съ неоглядной мелкой зыби взморья. Чуть видныя, мягко и красиво намазанныя сизой мутью облака терялись на закатѣ. Я легъ на теплый гладкій камень, среди камней, взгроможденныхъ вдоль берега. „Сумерки, море, уголь хаанаанско-аравійскихъ береговъ...“—подумалъ я. Надъ стѣной, въ старомъ каменномъ домишкѣ зияетъ черная дыра окна безъ стеколъ, съ рѣшеткой. Слышно, какъ тамъ, въ каморкѣ, безъ огня, укладываются спать и, плача, ссорятся дѣти... Да, совершила жизнь огромный кругъ! Всѣмъ существомъ пережили я за эти мѣсяцы долгую и страшную лѣтопись Востока... На юго-западѣ, надъ лиловатой тьмой моря склоняется покраснѣвшій, меркнуцій и теряющійся въ небѣ серпъ. И такъ пустыни сумерки надъ гаванью безслѣдно исчезнушаго съ лица земли Ханаана, такъ все просто и бѣдно вокругъ, точно я одинъ во всемъ мірѣ, у его безлюднаго начала...

Пароходъ пришелъ и отошелъ нынче съ европейской точностью. Опять замелькали вокругъ меня тропическіе шлемы, кодаки и бинокли, плэды и красные путеводители... Убирали трапы, восточная галда смолкла. Жаркое солнце склонялось къ золотому морю. Рейдъ стоялъ какъ зеркало, рифы обнажились, отдыхали, бѣлыя чайки, плававшія надъ кормой, казались огромными. Въ упоръ освѣщенная Яффа, громоздясь на холмѣ, переливалась зеркальнымъ отраженіемъ воды и вся была цвѣта банана. Задрожала, поворачиваясь, корма, забурлилъ винтъ—и Яффа тронулась. Но я не спускалъ съ нея глазъ до тѣхъ поръ, пока она, все отдаляясь, не слилась наконецъ съ песками на югѣ, фіолетовыми отъ голубой дымки воздуха и опускающагося солнца.

А потомъ я смотрѣлъ на Сарону и на песчаную береговую полосу, вдоль которой мы шли на сѣверъ. Все смутнѣй и меланхоличнѣй становилась равнина, все блѣднѣе и облачнѣе—горы. Солнце погасло, и вода у береговъ стала тяже-

лой, кубовой. Одинокимъ, затеряннымъ казалось какое-то селеніе, далеко-далеко бѣлѣвшее въ сини равнины. Я смотрѣлъ и дивился ея безлюдности. Палестинское побережье лишено даже слѣдовъ древности. Ихъ стерли, въ борьбѣ съ язычествомъ, еще цари Іудеи. А время докончило эту работу. Вонъ тамъ, на чуть видной сѣверной окраинѣ, въ устьяхъ рѣкъ, бѣгущихъ отъ Кармила, лежала Кесарія. Нѣкогда это былъ славный на весь міръ портъ и городъ Ирода; теперь—пески, обломки камня и колючій кустарникъ... И такъ—по всему побережью.

Съ вечера было тепло и ясно. Палуба, испещренная легкими тѣнями снастей, чуть блестѣла. Море чернѣло вокругъ. Въ вышинѣ, сквозь снасти, розовато сіялъ теплый золотой полумѣсяцъ. Но близился Ливанъ. На ночь я открылъ въ каютѣ иллюминаторъ—и въ два часа проснулся: стало прохладно, по темной каютѣ ходилъ сильный влажный вѣтеръ. Я заглянулъ за бортъ—и тамъ была сѣровая темь. Пахло моремъ. Ливанъ дышалъ мглою. Во мглѣ, какъ на краю земли, висѣли два мутныхъ маячныхъ огня. Дальній былъ красноватый. Я подумалъ: это—Тиръ или Сидонъ... И мнѣ стало жутко.

За Кесаріей—слѣды Египта и Финикіи. Въ дни служенія Астартѣ на мѣстѣ Кесаріи былъ какой-то большой хананейскій городъ, упоминаемый въ надгробномъ заклѣтіи царя Эзмунацара. Ранѣе, въ дни поклоненія „Богу всепожирающаго времени“, крокодилу,—египетскій Крокодилопосъ. И въ пескахъ, затянувшихъ останки этихъ городовъ, говорятъ, и теперь еще находятъ разбитые сіениты, мраморы, первобытныя мозаики, камни цистернъ, погребальныя колодцы крокодиловъ.

Въ полночь мы прошли и Кармилъ, горный мысъ Ваала-Громовержца. Съ Кармила іудейскіе пророки метали самыя ярыя проклятія язычеству. На Кармилѣ въ одной изъ пещеръ троглодитовъ жилъ Илія, лютѣйшій врагъ Ваала. Но жизнь на языческой горѣ, бывшей ипостасью Ваала, не прошла для Іліи даромъ. Тысячи преданій слили его образъ съ образомъ космическаго бога: Ілія былъ питаемъ вранами, повелѣвалъ громами и бурями, низводилъ огонь и дождь съ неба, превращалъ въ камни растенія, заживо, какъ истый сынъ Солнца, вознесся къ нему на пламенной колесницѣ. И все это сдѣлалъ Кармилъ, одно имя котораго влекло поклонниковъ со всего міра, Кармилъ, на которомъ не было даже капищъ,—только каменные жертвенники,—Кармилъ, у подошвы котораго Лемехъ убилъ одичавшаго Каина, принявъ его за звѣря! Необозримое море, съ трехъ сторонъ лежащее подъ Кармиломъ, бушуетъ почти круглый годъ.

И богослуженія въ монастырѣ кармелитовъ, стоящемъ теперь на Кармилѣ, принимаютъ порой жуткое величіе древнихъ языческихъ богослуженій. „Море заглушало голоса поющихъ и органъ,—говоритъ одинъ паломникъ.—Надъ горою стоялъ непрерывающійся гулъ—гласъ Божій, потрясающій пустыню и приводящій въ содроганіе горы...“

Качало у Кармила и нынче. Засыпая, я чувствовалъ, какъ темная каюта опускается и поднимается, слышалъ скрипъ переборокъ... Теперь было тихо. Кармилъ былъ теперь далеко. Ровно, съ однообразнымъ плескомъ, бѣжала вода вдоль бортовъ погруженнаго въ сонъ и тьму парохода. Но шли мы уже мимо блудилищныхъ „гrotтовъ Астарты“ и погребальныхъ спэсовъ, мимо необитаемой, каменисто-песчаной полосы подъ волнистыми отрогами и скатами Ливана,—можетъ-быть, мимо самаго Шеола, этого сплошного некрополя между Тиромъ и Сидономъ,—единственнаго наслѣдія славныхъ городовъ, нынѣ уступившихъ мѣсто маленькимъ арабскимъ селеніямъ. И помню, — лежа въ темнотѣ, я думалъ: съ какой первобытной дерзостью сочетали древніе поселенцы этихъ береговъ оргіи жизни—и смерти! Когда-то отъ Тира до самаго Сидона „можно было пройти подъ землею—по гробовымъ пещерамъ и колодцамъ“. На скатахъ надъ ними открыто лежали огромные саркофаги, вырубленные прямо въ скалахъ. Но какъ смѣло и вольно мѣшались съ ними гроты Астарты! Ея поклонники и поклонницы чертили мистическій знакъ Треугольника даже на стѣнахъ спэсовъ. А Тиръ? Развѣ думалъ онъ о смерти,—онъ, „Сынъ Солнца и Моря“, „рожденный въ вѣкахъ баснословныхъ“, превзошедшій всѣ народы жаждой жизни, „алкавшій земель міра“, доходившій въ своей алчбѣ отъ тропическаго Офира до полярнаго Острова Мрака? Развѣ не былъ смѣлъ онъ, чье имя было такъ первобытно-просто—Скала—и чьи помосты были, по слову пророковъ, изъ сенарскихъ кипарисовъ, мачты—изъ кедровъ Ливана, весла—изъ дубовъ виссаянскихъ, паруса—изъ узорныхъ полотень Египта? Къ Тиру обращался самъ Господь-Адонай, называя его „печатью совершенства, полнотой мудрости и вѣнцомъ красоты“...

И все же побѣдила смерть. „Тиръ, умолкшій среди моря! Кую мзду пріобрѣлъ ты отъ него? Сія глаголетъ Адонай-Господь: се Азъ на тя, Суръ, и приведу на тя языки многи, яко же восходитъ море волнами своими...“. Ужасныя слова! Но есть еще ужаснѣе: „Вотъ я приведу на тебя, Тиръ, лютейшихъ изъ народовъ, и они обнажатъ мечи свои противъ красы твоей мудрости. Сдѣлаю тебя городомъ опустѣлымъ, подобно городамъ необитаемымъ, когда подниму на тебя пу-

чину... Низведу тебя съ отходящими въ могилу къ народу давно бывшему и помѣщу тебя въ преисподнихъ земли... Ужасомъ сдѣлаю тебя... Ибо вознеслось сердце твое и сказало: азъ есмь Богъ!“

„Азъ есмь Богъ“... Библейскіе пророки поставили передъ человѣчествомъ роковой вопросъ: богъ ли человѣкъ? Они первые повѣяли на міръ холодомъ безнадежности, до потрясающей высоты вознесли проклятія слишкомъ забывшейся жизни. И по слову ихъ и вышло: тиро-сидонскій берегъ, столь щедро оплодотворяемый Богиней Жизни, далъ начало образу Шеола—преисподней. Его погребальныя камеры и колодцы, перемѣшанные съ гротами страсти, получили страшныя названія „сѣтей смерти“, „колодцевъ гибели“. И страхъ уже властно простеръ надъ страной Солнца свои темныя крылья: онъ пришелъ сюда изъ Египта, вѣрившаго въ безсмертіе, но все же отдавашаго слишкомъ много силъ на борьбу со смертью. Онъ принесъ сюда тайны бальзамированія и жуткіе человѣкоподобные саркофаги... А связь человѣка съ космосомъ уже слабѣла. Начинались тѣ великія истребленія царства царствомъ, та оргія смерти, на которыя такими ошеломляющими пророчествами откликнулась Іудея. И тогда уже громко, языкомъ пророковъ заговорилъ страхъ въ Финикии. Это вѣдь онъ диктовалъ заклітіе царя Эзмунацара, мольбу его скорби и беззащитности,—надпись, высѣченную на его огромномъ гробѣ чернаго гранита:

„Въ мѣсяцъ дождей, въ годъ четырнадцатый царствованія... Пораженъ, плѣненъ я, наслѣдникъ дней героевъ, сошелъ въ адъ, *сынъ бога смерти*... Заклітіе мое передъ всѣмъ царствомъ и всѣмъ человѣчествомъ: да не вскрываетъ никто входа моего, не сдвигаетъ саркофага гробницы моей, не оскорбляетъ меня внесеніемъ другого гроба!“

Богъ ли человѣкъ? Или „сынъ бога смерти“?

На это отвѣтилъ *Сынъ Божій*.

1908 г.

Пустыня дьявола.

I

„Гласъ вопіющаго въ пустынь: приготовьте путь Господу, прямыми сдѣлайте стези Ему...“

Глядя съ крышъ Іерусалима на каменистыя окрестности,—чаще всего на востокъ, на пустыню Іудейскую,—каждый разъ вспоминаю я эти слова,—прологъ величайшей изъ земныхъ трагедій. Какъ волнуется онъ здѣсь, весь созданный изъ противоположностей!

Дьяволъ, Азazelъ, ими и образъ котораго такъ и остались тайной, былъ издревле владыкой пустыни. Это онъ обиталъ въ ея знойномъ сѣро-каменномъ морѣ, нѣкогда взбудораженномъ подземными силами и навсегда застывшемъ. Это ему каждый годъ—въ десятый день седьмого мѣсяца—посылали левиты и первосвященники Козла Отпущенія—отъ лица всего Израиля, за всѣ грѣхи народа. И не странно ли, что именно оттуда прозвучали первые призывы Предтечи?

Послѣ бури и молній, Богъ пришелъ въ пещеру Іліи въ сладостномъ вѣяньи вѣтра. Сладостнымъ вѣтромъ было и пришествіе въ міръ Іисуса. Но лежала „сѣкира при корнѣ дерева“. Жуткими пророчествами возвѣстилъ Предтеча о Грядущемъ за нимъ.

Не было тогда города, равнаго богатствомъ и красой Іерусалиму. Изъ Яффы были видны его зданія, блиставшія золотомъ и мраморомъ: „Іоаннъ же носилъ одежду изъ верблюжьяго волоса и поясъ кожаный на чреслахъ своихъ“.

Въ тишинѣ зеленыхъ долинъ, въ мирныхъ людныхъ селеніяхъ протекла молодость Іисуса. Но въ первые же дни служенія Своего долженъ былъ Онъ отдать дань пустынь. Онъ крестится—и уже готовъ раскрыть уста, дабы благовѣствовать міру величайшую радость. Но „Духъ ведетъ Его въ пустыню“. Трагедія, въ

которой будетъ столько красоты и нѣжности, все же остается трагедіей. И Азазель не можетъ не участвовать въ ея прологѣ. Онъ знаетъ, что завершится она во имя Азазела. Онъ какъ бы символъ тѣхъ ветхозавѣтныхъ, Богомъ проклятыхъ мѣстъ, гдѣ скрылся Каинъ, жаждущій крови брата своего. „И былъ Иисусъ тамъ сорокъ дней, искушаемый сатаною, и былъ со звѣрями“...

Пустыня видна съ крышъ Іерусалима. Пустыней называется только тотъ скатъ, та дикая и отъ вѣка безплодная вулканическая страна, что за Элеономъ и горой Соблазна. Но развѣ власть Азазела не простирается и на тропический доль Іордана, — эту глубочайшую въ мірѣ низменность, съ ея смертоносными лихорадками и воистину мертвыми водами, одно дыханіе которыхъ убиваетъ все живое? Мы слишкомъ давно лишены вѣры, съ которой слѣдилъ Израиль за жертвой, уводимой, во искупленіе грѣховъ его, въ пустыню. Для насъ эта пустыня только растрескавшіеся отъ жгучаго солнца бугры и перевалы, усѣянные колючками и голышами, волны и впадины давно затихшихъ землетрясеній. Давно смолкъ грозный голосъ Предтечи. Смолкъ и кроткій голосъ Того, у Кого онъ былъ „недостойнъ, наклонившись, развязать ремень обуви“. Въ забвеніи почіетъ святая земля, возвратившаяся къ первобытной нищетѣ и безлюдности. Но незабвенна ея лѣтопись. И великой меланхоліи исполнены ея дремотныя дали.

Небо надъ ней нѣжное, блѣдно-голубое. Небо и солнце затуманены нынче дыханіемъ полдня, сухого, горячаго и душнаго. Жаромъ вѣетъ отъ стараго каменнаго города, его узкихъ и грязныхъ базарныхъ ходовъ подъ сплошную кровлей сизо-песочнаго цвѣта. Одинокая пальма, возвышающаяся на южной окраинѣ, опустила свое неподвижное опахало. Мягко, мутно-сине темнѣютъ куполы Гроба Господня и мечети Омара. Тысячи черныхъ стрижей кружатъ, сверлятъ полдневную тишину скрипучимъ верезжаніемъ. И море пепельно-сиреневыхъ холмовъ, простирающееся окрестъ, дремлетъ, теряется въ мглистой суши...

Поблѣднѣла даже сказочно-яркая бирюза у подошвы Моава.

II.

Но послѣ полдня тянетъ легкій вѣтеръ, и небо, воздухъ, солнце—все становится ярче, яснѣе.

За изсохшимъ русломъ Кедрона дорога поднимается, мимо погребальной пещеры Богоматери, Геосиманскаго сада и гробницъ Авессалома и Иосафата, по каменистымъ склонамъ

Элеона, среди несмѣтныхъ плитъ еврейскаго некрополя, стоящихъ какъ раскрытыя книги, испещренныя крупными письменами.

Есть ли въ мірѣ другая земля, гдѣ бы сочеталось столько дорогихъ для человѣческаго сердца воспоминаній?

Гробъ Маріамъ! У стѣнъ сада, столь любимаго Сыномъ, въ ложѣ кремнистой долины, подъ сводами древняго полуподземнаго храма, въ тѣмѣ котораго блещутъ огни, оклады и самоцвѣты, почіетъ Она, простая женщина изъ Назарета, вѣнчанная высшею славой—земной и небесной.

А русло Кедрона? Это доль Юсафата, мѣсто грядущаго Страшнаго Суда, великая житница Смерти. Нѣтъ правовѣрнаго іудея и мусульманина, который не полагалъ бы несказанной радостью быть погребеннымъ въ этой юдоли и не вѣрилъ бы, что и всѣхъ лишенныхъ этой радости созоветъ въ нее Господь въ день Суда Своего. Онъ вѣдь сказалъ устами Іоили: „Я соберу всѣ народы и приведу ихъ въ долину Юсафатову“...

Знойно, но солнце уже клонится къ западу, за Іерусалимъ. Отъ его восточной стѣны пала тѣнь. Зато ослѣпительно-золотисты скаты Элеона, дорога, извиристо прорѣзанная по нимъ, плиты и гробницы. Золотиста лазурь надъ Кедрономъ и горой, золотисто-песочнаго цвѣта ястреба, рѣющіе надъ нами, трепещущіе своими острыми, въ черныхъ ободкахъ крыльями. Любятъ они эти скаты, любятъ сушь пустыни, въ которую медленно вступаемъ мы, огибая среди запыленныхъ оливъ Элеонъ.

За Элеономъ—Виѳанія. Это уже преддверіе пустыни. Нѣсколько старыхъ верблюдовъ въ грязно-рыжей сухой шерсти загораживаютъ дорогу на поворотѣ, грубымъ видомъ своимъ говоря о патріархальныхъ скитаньяхъ въ камняхъ и пескахъ. Но кругомъ еще мирно и весело. Чистъ и силенъ предвечерній свѣтъ, дали ясны, небо бездонно, склоны и холмы въ садахъ и виноградникахъ. Даже тонкіе посѣвы зрѣютъ кое-гдѣ на глинистой почвѣ между ними. И Абудись, что направо, и Виѳанія, что налево, — нѣсколько кубовъ изъ сѣраго булыжника, окруженныхъ смоковницами, огромными кактусами, запыленными терновниками; въ крутыхъ, кривыхъ и узкихъ проходахъ между ними всюду соръ и тряпки, полуголыя черныя дѣти, слѣпыя и убогіе. Это древнѣйшіе пріюты нищихъ и разбойниковъ, много разъ пертерпѣвшіе за свои разбои разрушеніе. Но какъ должны радовать послѣ пустыни ихъ сады и люди!

И живымъ кажется образъ Іисуса. Сколько разъ подходитъ

Онъ сюда, похудѣвшій, поблѣднѣвшій за дорогу въ пустынь, но всегда прекрасный, счастливый, привѣтливый! Здѣсь жили друзья Его. О древности могилы Лазаря говорятъ тѣ камни временъ Ирода, изъ которыхъ сложенъ входъ въ могильную пещеру, куда спускаются узкой холодною шахтой, со свѣчой въ рукѣ. Подлиннѣй же всего древность того пути, что приводитъ въ Виванію изъ страны Азазела глубокой, извилистой и страшной въ своей мертвенности долиной Эль-Хоть. Этотъ путь неизмѣненъ отъ вѣка. Восходя отъ іорданской низменности къ Іерусалиму, его нельзя миновать. Иныхъ сносныхъ путей въ пустынь Іудейской нѣтъ, не было, да и не могло быть, ибо только на этомъ пути есть источникъ,—Источникъ Аностоловъ,—безъ котораго немислимы переходы по ней.

Отъ Виваніи начинается спускъ, неуклонное паденіе. И страна, лежащая окрестъ, сперва поражаетъ своей красотой, волнуется радостью, обманываетъ, какъ Искушитель.

На одномъ изъ скатовъ за Виваніей мы останавливаемся, очарованные. Воздухъ такъ прозраченъ, точно его совсѣмъ нѣтъ. И пустыня, каменнымъ волнистымъ моремъ падающая къ Іордану, кажется такъ мала! Она сизо-коричнево-сѣрая, но сколько въ ней прелестнѣйшихъ оттѣнковъ—пепельныхъ, опаловыхъ, лазурныхъ, фіолетовыхъ! Какъ серебристо-голубой туманъ—далекая и неоглядная долина Іордана. Южное устье ея налито такимъ густымъ и яркимъ аквамаринномъ, который кажется неестественнымъ на землѣ. А Моавитскія горы похожи теперь на великую грозовую тучу противъ солнца, заступившую весь востокъ и ни съ чѣмъ несравнимую по нѣжности и воздушности. Но минута—и это видѣніе исчезаетъ надолго, надолго...

Мы теперь въ странѣ, лишенной всякаго очарованія,—если не считать рѣдкихъ пятенъ огненно-краснаго мака, кое-гдѣ оживляющаго ее. Рѣзкими, крутыми изломами вьется и падаетъ дорога съ возвышенности на возвышенность. Быстро замыкается горизонтъ скалистыми и глинистыми ковритами, раздѣленными такими же логами и оврагами... Мы уже давно въ глубокомъ извилистомъ ложѣ потока, иссохшаго въ незапамятное время, и известковая дорога, пробитая здѣсь тоже съ незапамятнаго времени, поминутно переходитъ съ одного бока на другой. Золотисто-блѣдно отъ духоты и зноя небо, ни единого кустика и ни единого живого существа, кромѣ ящерицъ, не замѣчаетъ глазъ и не слышитъ ухо, и гробовая тишина стоитъ надъ этой страной, столь бесплодной, что даже древнѣйшихъ кочевниковъ ужасала она, навѣки связанная съ образомъ незримо Обитающаго въ ней. Не даромъ бедуины еще и до

сихъ поръ складываютъ вдоль Вади-эль-Хотъ пирамидки изъ щебня, въ знакъ заклѣтїя темныхъ силъ пустыни. И у меня уже не остается никакого сомнѣнїя въ правотѣ тѣхъ, что называютъ этотъ путь именно тѣмъ, по которому, до самой таинственной „средины“ его, провожали левиты жертву Азазелу. Какой же ужасъ долженъ былъ охватывать проходящихъ здѣсь при видѣ Іоанна, рѣшившагося раздѣлить его обитель! Какъ шарахались они въ сторону, когда внезапно, во весь свой ростъ, съ громовыми глаголами, появлялся онъ передъ ними изъ-за камней, въ одеждѣ изъ верблюжьяго волоса! И что должно было испытать сердце Іисуса, обреченнаго провести здѣсь столько ночей — въ темнотѣ, съ ея призраками, съ лихорадочно-знойнымъ вѣтромъ отъ Мертваго моря!

III.

Въ глубокой котловинѣ, изъ которой видны только жесткія очертанїя окрестныхъ бугровъ да вечернее небо, бѣлѣетъ ханъ,—нѣчто въ родѣ каменнаго сарая,—и жарко блеститъ при низкомъ солнцѣ вода возлѣ него. Это мѣсто, гдѣ не разъ отдыхалъ Іисусъ. Это источникъ Апостоловъ, или, по-древнему,—источникъ Солнца, ибо не могли не посвятить древнїе эту „жизнь пустыни“ богу жизни. Три бедуина, безъ плащей, съ черными палками въ серебряныхъ обручахъ, стоятъ возлѣ худыхъ осликовъ и поджарыхъ потныхъ лошадей подъ сѣдлами, съ жадностью пьющихъ. Два сидятъ на порогѣ хана и курятъ, пристально глядя на насъ черными византійскими глазами. Эти глаза ровно ничего не выражаютъ, но кто знаетъ, что на умѣ у этихъ измаилитянъ?

Тѣ, что у источника, — народъ оборванный и невзрачный. Сидящіе на порогѣ—дѣло иное. И особенно одинъ изъ нихъ. Онъ неподвижнымъ взглядомъ слѣдитъ за нами, пока мы поимъ лошадей. Потомъ, ни на іоту не измѣняя лица, кидаетъ своему спутнику какую-то короткую гортанную фразу, совершенно не шевеля губами и такъ безстрастно, точно это не онъ говоритъ, а кто-то внутри его. И поднимается во весь свой громадный ростъ. Ноги его, обутыя въ стоптанные сафьяновые сапоги, очень длинны и слегка кривы, голова мала, откинута назадъ. Онъ на рѣдкость худъ, но одежды и оружія на немъ—не сосчитаешь. По плечамъ висятъ концы бѣлаго шерстяного платка, накинутаго на голову и рѣзко отбѣняющаго черноту глазъ, сизый загаръ маленькаго жесткаго лица, блестящую смоль рѣдкой жесткой бородки. Тонкая, какъ у мумїи, шея обмотана шелковымъ лиловымъ платкомъ. На тѣлѣ — бѣлая рубаха до колѣнъ, поверхъ рубахи — палевый

шерстяной халатъ въ синеватыхъ полоскахъ, поверхъ халата — кубовая кофта на ватѣ; и все это — подъ широкой и длинной хламидой изъ черно-синей шерсти. Онъ идетъ, волоча тяжелую кривую саблю въ серебряныхъ ножнахъ, поправляя одной рукой заткнутые за широкій поясъ изъ шали кремневые пистолеты и кинжалы, а другой — карабинъ за плечами...

— Откуда?

— Изъ Газы.

— А куда?

— Въ Іерусалимъ.

Но почему же, сѣвши на свою рѣзвую, злую и поджарую лошадежку, онъ поворачиваетъ за нами? Мы ѣдемъ на извозокъ рысю, — онъ не отстаётъ. Мы прибавляемъ рыси, прибавляетъ и онъ, расширяя ничего не выражающіе глаза и блестя зубами въ отвѣтъ на наши удивленные взгляды... И вдругъ, поровнявшись со мной, суётъ мнѣ въ руки мѣдный латинскій образокъ. Онъ кричитъ, что это — золото, и проситъ за него десять франковъ. Соглашается, впрочемъ, и на два. А получивъ ихъ, круто поворачиваетъ и исчезаетъ за холмами и буграми, по которымъ уже синѣютъ вечернія тѣни.

Вечернее низкое солнце все рѣже блещетъ на перевалахъ. Временами, изъ боковыхъ овраговъ и ущелій, изъ-за скалъ и известковыхъ бугровъ, дуетъ вѣтеръ, — порывистый, какъ дыханіе горячечнаго. И только топотъ копытъ раздаётся въ гробовой тишинѣ окрестъ, въ скатахъ вдоль извилистаго дна Вади-эль-Хотъ. „Отсюда начинается дебрь самая дикая, — говоритъ одинъ старинный паломникъ. — Это дорога есть древняя, проложенная самою природою. Іосифъ Флавій упоминаетъ о дикости ея. Невступно черезъ два часа отъ Іерусалима мы поднимались на гору, на вершинѣ которой видны остатки хана или гостиницы Благого Самарянина. Это мѣсто называлось издревле Адомимъ, или Кровавое, по причинѣ частыхъ разбоевъ, здѣсь происходившихъ“... И глубокая тоска охватываетъ душу на этой горѣ, возлѣ пустого хана, при гаснущемъ солнцѣ. Вотъ она, эта „средина“ пути, Бетъ-Гадруръ, гдѣ бросали на произволъ судьбы жертву Азазелу, — известковый перевалъ, поразившій нѣкогда воображеніе самого Іисуса и создавшій такую трогательную притчу! Чувство, съ которымъ глядишь на пустыню съ крышъ Іерусалима, величіе, которымъ звучитъ прологъ евангельской лѣтописи, исчезаетъ въ пустынѣ. Она вѣдь только камениста и мертва. Но и въ этомъ есть что-то мистическое, невыразимо

тоскливое, азазеловское, ветхозавѣтное. Почему „тѣ, коихъ не стоить весь міръ, блуждали по пустынямъ и горамъ, по пещерамъ и ущеліямъ земли“? Почему человѣческая душа вѣритъ въ легенду, что на этой „средины пути“, который считался путемъ въ преисподнюю, плакалъ самъ Прародитель, лишенный Эдема?

Чѣмъ дальше отъ Гадрура, тѣмъ все круче падаетъ въ провалы и ущелья известковая дорога, а съ переваловъ уже видно, что окрестные бугры измѣнили свой видъ и составъ,—стали конусообразными, похожими на потухшіе вулканы, однообразнаго верблюжьяго цвѣта. Уже нѣсколько разъ открывалась передъ нами и долина Іордана, поражая обманчивой близостью своего пустыннаго, сѣро-блестящаго отъ соли пространства, по которому, вдоль узкой рѣки, вьется лента необыкновенно темной зелени. Пространство за Іорданомъ, горы, кажущіяся теперь еще болѣе похожими на тучи, и синее устье моря ярко озарены низкимъ солнцемъ. Но уже почти до самой середины долины достигаетъ тѣнь отъ Іудейской пустыни, обрывающейся надъ Іерихономъ высокими скалистыми стѣнами. Тѣнь и вокругъ насъ,—на всѣхъ буграхъ и во всѣхъ котловинахъ.

Многихъ обгоняемъ мы теперь, столь же дикихъ и нищихъ, какъ въ дни доисторическіе. Вотъ опять идутъ верблюды и за ними—идумейцы, въ уголь сожженные вѣтрами и голодомъ, въ однихъ кубовыхъ линючихъ балахонахъ, ихъ полуголыя дѣти, облѣзлыя собаки и съ отрочества состарившіяся жены, съ лѣниво-скорбными, темными, какъ древне-аравійскія преданія, глазами, съ нитями разноцвѣтнаго бисера подъ глазами—отъ переносицы къ ушамъ. Вотъ черный и губастый, какъ готтентотъ, старикъ въ одной грязной рубахѣ, раскрытой на груди. Онъ сидитъ на осликѣ, гонитъ его, волоча по землѣ свои черныя босыя лапы. Вотъ верховой турецкій солдатъ, съ карабиномъ наперевѣсь, зорко оглядывающій окрестныя ущелья и овраги... Всѣ спѣшатъ въ Іерихонъ—единственное человѣческое жильѣ, единственный оазисъ во всей Іорданской долины. И, какъ только стемнѣетъ, ни души не останется на этой страшной древней дорогѣ. Здѣсь самъ Азazelъ вселяется въ человѣка. Онъ искушаетъ быть сильнымъ, беспощаднымъ—и сладострастнымъ, какъ ночи Содомы и Гоморры...

IV.

Ночи здѣсь сказочно-прекрасны. Онѣ околдовываютъ трижды мертвую страну лихорадочными сновидѣніями, воскрешающими содомскую прелесть ся давно мишувшей жизни.

Въ сумерки, на послѣднемъ, самомъ крутомъ спускѣ въ долину, влѣво отъ дороги внезапно открылась глубокая каменная трещина—ущелье Кельта—и проводила насъ до самой долины. Смутно бѣлѣла дорога, шумѣлъ потокъ на днѣ уже совсѣмъ темнаго ущелья, и печально краснѣло нѣсколько огоньковъ въ скалистой стѣнѣ за нимъ: тамъ древнѣйшіе притоны аскетовъ, тысячами погребавшихъ себя заживо въ криптахъ, которыми сплошь изрыты скалы Кельта. А когда мы спустились въ долину и повернули влѣво, къ Іерихону, чернымъ и тяжкимъ обрывомъ, уходящимъ въ небо, всталъ передъ нами кряжъ горы Сорокадневной. И огонекъ лампадки, чуть замѣтной точкой краснѣвшій и на этомъ обрывѣ, опять напомнилъ о той страшной борьбѣ, которую впервые воздвигли здѣсь люди противъ дьявола.

Теперь крипты безлюдны. Огонекъ одиноко глядитъ изъ черноты кряжа на песчаную низменность, тускло мерцающую подъ нимъ до самыхъ Моавитскихъ горъ. И вся эта низменность, страна, что нѣкогда „орошалась, какъ садъ Господень“ и на весь міръ славилась легендарнымъ плодородіемъ, красой и грѣховностью Пятиградія, дворцами и твердынями трижды возрождавшагося изъ развалинъ Іерихона, поражаетъ теперь тѣмъ запустѣніемъ, „гдѣ лишь жупель и соль, гдѣ никакой злакъ не прозябаетъ, гдѣ ни голосъ человѣческій ни бѣгъ животнаго не нарушаетъ безмолвія“.

Сады Іерихона дышали въ дни его славы благовоніями бальзамическихъ растеній, индійскихъ цвѣтовъ и травъ. „Пальмы и мимозы, сахарный тростникъ и ристъ, индиго и хлопокъ произрастали въ долину Іордана“. Объ этомъ свидѣтельствуется даже и тотъ оазисъ, что уцѣлѣлъ на мѣстахъ исчезнуваго съ лица земли іорданскаго рая, даже имя того селенья, что наслѣдовало Іерихону: Риха — благовоніе. Но оазисъ этотъ, тропически-пышно зеленѣющій у подножія горы Сорокадневной, близъ источника Пророка Елисея, такъ малъ въ окрестной пустынѣ, а селенье все состоитъ изъ двухъ-трехъ каменныхъ домовъ, нѣсколькихъ глиняныхъ арабскихъ хижинъ и бедуинскихъ шатровъ!

Въ сумерки долина была молчалива, задумчива. Я сидѣлъ за Рихой, на одномъ изъ жесткихъ аспидныхъ холмовъ, что волнами идутъ къ горѣ, — на могилахъ Іерихона, кое-гдѣ покрытыхъ колючей травкой, до черноты сожженной. Далекія Моавитскія горы,—край таинственной могилы Моисея, — были предо мною, а западъ заступали черные обрывы горъ Іудеи, возносившихъ въ блѣдно-прозрачное, зеленоватое небо свой высшій гребень, мѣсто Искушенія.

Оттуда тянуло теплымъ сладостнымъ вѣтромъ. Въ небѣ таяло и блѣднѣло легкое мутно-фіолетовое облако. И того же тона были и горы за пепельно-туманной долиной, за ея меланхолическимъ просторомъ. И туманной бирюзою мерцало на югѣ устье моря, что терялось среди смыкавшихся тамъ горъ...

Но вотъ наступила и длится ночь. Она коротка, очень коротка, но кажется безконечной. Еще въ сумерки все уснуло, затихло, и погасли рѣдкіе огоньки въ Рихѣ,—остался только одинъ, что виситъ на срединѣ обрыва, на горѣ Сорокадневной. Еще въ сумерки зачался таинственно-звонящій, горячечный шопоть цикадъ, незримиыми мириадами наполняющихъ душную чащу оазиса, и приторно-сладко запахи его эвкалипты и мимозы, загорѣвшіеся мириадами свѣтящихся мухъ. Теперь этотъ звонкій шопоть наполнилъ весь оазисъ. Онъ растетъ—и вотъ уже стоитъ надъ нимъ немолкнушимъ хрустальнымъ бредомъ, сливаясь съ отдаленно-смутнымъ гуломъ, съ дрожащимъ стономъ всей долины—съ сладострастно-сочувственнымъ ропотомъ жабъ, околдовывающимъ, до галлюцинацій раздражающимъ чувства. Стѣны отеля, его каменный дворъ,—все мертвенно-блѣдно и необыкновенно четко въ серебристомъ свѣтѣ этихъ тропическихъ звѣздъ, огромными самоцвѣтами повисшихъ въ необъятномъ пространствѣ неба. Оно необъятно отъ необыкновенной прозрачности воздуха,—звѣзды именно висятъ въ немъ, а на землѣ далеко-далеко виденъ каждый кустъ, каждый камень. И мнѣ странно глядѣть на мою бѣлую одежду, какъ бы фосфорящуюся отъ звѣзднаго блеска. Я самъ себѣ кажусь призракомъ, ибо я весь въ какомъ-то знойномъ, хрустально-звонящемъ полуснѣ, который наводитъ на меня Дьяволъ Содомы и Гоморры.

Я лунатикомъ брожу по саду и по двору отеля и ясно знаю, что никогда еще не было столь обострено мое зрѣніе, обоняніе, осязаніе, слухъ. Все сливается въ блескъ и тишину. Но—странно!—мнѣ кажется, что я вижу каждую отдѣльную искру, слышу каждый отдѣльный звукъ. Я вынимаю часы. Понимаю, что уже два, что самоцвѣты, плывущіе въ бездонномъ пространствѣ съ востока, становятся все крупнѣе и лучистѣе, что мои ноги подламываются отъ смертельной усталости. Но развѣ у меня есть власть надъ собой?

Садъ кружится въ беззвучномъ круженіи зелено-лиловыхъ мухъ, ихъ скользящихъ огненныхъ вихрей. Какъ райское дерево, трепещетъ и переливается искрами сикоморъ во дворѣ. Съ верху до низу горятъ и блещутъ ими кустарники, сахарный тростникъ и прозрачные шатры мимозъ. А мимозы цвѣтутъ и дурманятъ сладкимъ ароматомъ...

Много разъ я пытался заснуть, входилъ въ домъ, въ свою темную, горячую комнату, ложился подъ душный кисейный балдахинъ, на постель, но и здѣсь эти ароматы, эти скользящія искры, этотъ дрожащій хрустальный бредъ и ропотъ, которымъ околдованъ весь міръ. Сердце тоже дрожить и мутить голову, тѣло, поминутно палимое жалами москитовъ, покрывается горячечнымъ потомъ. И такъ звонко кричитъ жаба въ бассейнѣ среди двора, и такъ отдается ея однообразно вибрирующій призывъ въ каменномъ южномъ домѣ съ раскрытыми окнами и настежь распахнутыми дверями, что я опять шарю въ темнотѣ, нахожу одежду, спѣшу накинуть ее—и съ болѣзненной жадностью и радостью ловлю глотокъ свѣжаго воздуха на порогѣ крыльца...

Крыльцо блѣдетъ еще ярче, фигура спящаго на немъ слуги-араба стала еще чернѣе. Раздвоившійся Млечный Путь, густымъ, но прозрачно-фосфорическимъ дымомъ протянувшійся съ сѣвера на югъ, почти отъ горизонта до горизонта, совершенно отдѣлился отъ неба, повисъ на самой серединѣ пространства между нимъ и землею. Кажется, близокъ разсвѣтъ! Кажется, стихаетъ, замираетъ бредъ и ропотъ вокругъ. Сперва по камнямъ, а потомъ по теплomu песку я спѣшу за селеніе—взглянуть на долину, на Моавъ, на востокъ. Но на востокѣ только позднія крупныя звѣзды. Блѣдный серебристый свѣтъ стоитъ надъ далекимъ мертвенно-блѣднымъ моремъ. Блѣдныя пески долины мерцаютъ, какъ пустыня, покрытая манной. Блѣдныя, чуть видныя полосы тумана тянутся по далекимъ извивамъ и топямъ Іордана,—и уже смертоносная влажность чувствуется въ горячемъ воздухѣ. И блѣднымъ дымомъ спустилось и легло облако у подножія горы Сорокадневной, чернѣющей среди звѣздъ своей вершиной...

„Отойди отъ меня, Сатана“.

1909 г.

Мертвое море.

Только на разсвѣтѣ тянетъ въ окна легкая прохлада вмѣстѣ съ ароматомъ эвкалипта.

Ночью, при звѣздахъ, старыя деревья во дворѣ отеля казались сказочно-высоки и вѣтвисты. Теперь они принимаютъ обычные очертанія. Смолкли жабы, замеръ звонъ цикады въ кустарникахъ, погасли огненные мухи. Мы выходимъ за ворота, садимся на лошадей; все молчитъ и въ тѣхъ немногихъ хижинахъ, что зовутся Іерихономъ или Рихой; всюду сонъ, одинъ сверчокъ трюкаетъ въ каменной веревѣ, отъ которой еще дышитъ тепло ночи. Но за мечетью уже слышенъ говоръ.

Ея бѣлый невысокій минаретъ стоитъ при дорогѣ, на самой окраинѣ Рихи. Подъ нимъ часто ночуютъ бедуины. Ночеваль небольшой караванъ и нынче. Мы проѣзжаемъ мимо него; понукаемые жоками, глухо урчатъ верблюды, поднимаясь съ теплаго песка. Надъ мечетью, въ свѣтлѣющей вышинѣ, крупной слезой виситъ Венера. На востокѣ, надъ синеватымъ Моавитскимъ кряжемъ, небо шафранное. Но еще поночному тѣлѣтъ костеръ табора, летучія мыши рѣютъ вокругъ мечети.

За садами Рихи, на западѣ, — обрывы Іудеи. Отчетливо слоятся сѣро-фіолетовые уступы горы Искушенія. Но внизу еще тѣнь, и, вѣрно, мыши принимаютъ ее за сумерки, когда и создалъ ихъ Христосъ. Онъ сорокъ дней и ночей провелъ въ пещерѣ надъ Іерихономъ, на обрывѣ, закрывающемъ западъ, — онъ не зналъ, когда садится солнце и когда надлежитъ совершать молитву. И вотъ однажды поднялся Онъ на вершину и, какъ только скрылось солнце, начерталъ на пыли то легкое, таинственное созданіе, что такъ любить сумракъ. Онъ вдохнулъ въ него жизнь и сказалъ: „Каждый вечеръ на закатѣ солнца вылетай изъ разсѣлипъ горы, гдѣ отыщешь бу-

детъ твое жилище, дабы зналъ Я часть молитвы..." Я поднимаю голову, вспомнивъ эту дамасскую легенду, и не узнаю окрестности: мы проѣхали версту, не больше, а уже день, совсѣмъ день.

Все живое смолкло. Бесплоднымъ и безлюднымъ доломъ тянется съ сѣвера на югъ, отъ самаго моря Тиверіадскаго, известково-песчаная пустыня, которую почти напрямикъ пересѣкаетъ путь отъ Рихи къ Іордану. Тѣ, что пытались изслѣдовать ее, видѣли по рѣкѣ всего два-три селенія, — даже каменистый Моавъ, до-черна спаленный солнцемъ, люди же іорданскихъ береговъ. То же и здѣсь: на всемъ огромномъ пространствѣ, окружающемъ насъ, лишь одно живое мѣсто — оазисъ Рихи. Отглядываясь, видишь бѣлыя пятна хижинъ среди темной зелени, пріютившейся подъ горнымъ обрывомъ. Тамъ, въ садахъ, еще растетъ деревцо небдъ, приносящее акриды, растетъ бальзамическій цаккумъ, сизый тернъ, изъ котораго сплели вѣнецъ Іисусу, а весной цвѣтетъ много дикихъ индійскихъ цвѣтовъ. Но какъ повѣрить, что это тамъ былъ и неприступный Іерихонъ ханаанскій, и „божественный городъ садовъ, башенъ“ Ирода, что вотъ этой долиной искушалъ Іисуса дьяволъ?

Мертвенно-тихо. Впереди пепельно-сѣрыя дюны, кое-гдѣ жесткій, осыпанный солью кустарникъ. Небо здѣсь такъ просторно, какъ нигдѣ: нигдѣ нѣтъ долины, столь глубокой, какъ эта, и нигдѣ не кроется такъ долго за горными вершинами солнце, какъ за ровной стѣной Моава. Чуть не въ самомъ зенитѣ таетъ алая звѣзда Венеры. Но и до нея уже достигаетъ свѣтъ, охватившій полвселенной, — сухой, золотисто-шафранный свѣтъ, на которомъ такъ нѣжно-сиренева заступившая весь востокъ горная громада. Одно Мертвое море прячется отъ свѣта. Вонъ оно — у самаго подножія ея, за тѣмъ голымъ побережьемъ, что бѣлѣетъ вдали, вправо. Ясно виденъ и обманчиво близокъ кажется сѣверный заливъ. Но синѣетъ онъ тускло, свинцово...

„Символь страшной страны сей — море Асфальтическое“, — говорили когда-то. Страхъ внушаетъ она пилигримамъ и донынѣ, трижды проклятая и трижды благословенная. Мало совершившихъ путь по всей извилистой стремнинѣ Іордана съ его зноемъ и лихорадками. Но еще меньше тѣхъ, что пускались въ заповѣдныя асфальтическія воды. Легче, — говорятъ они, — пройти всѣ океаны земные, чѣмъ это крохотное море, черные прибрежные утесы котораго неприступно круты, пугаютъ глазъ человѣкоподобными очертаніями и такъ смолисты, что могутъ быть зажжены, какъ факелы; море, дно котораго столько разъ

трескалось отъ землетрясеній и выкидывало на поверхность тѣ таинственныя вещества, что служили египтянамъ для сохраненія мертвыхъ отъ тлѣна; море, жгуче-соленая, горькія волны котораго тяжки, какъ чугуны, и въ бурю, „покрытыя кипящимъ разсоломъ“, потрясаютъ берега своимъ гуломъ, между тѣмъ какъ пламенный вѣтеръ до самаго Іерусалима мчитъ столбы песку и соли... Длится и все свѣтлѣе становится золотисто-шафранное арабійское утро. Толкутъ и толкутъ копыта твердую, растрескавшуюся дорогу. Но ни единая птица не взвивалась еще съ радостной утренней пѣсней надъ долиной. И, вѣрно, ни единой живой души и не встрѣтимъ мы, кромѣ развѣ жадно-трусливой души кочевника или гіены. Впереди, среди пустыни цвѣта пемзы,—лента при-іорданской зелени, чащи ивъ, тамариксовъ, камышей. Теперь, поздней весной, нѣтъ даже пилигримовъ.

Такъ богата и прекрасна была нѣкогда долина, что дьяволъ издревле избралъ ее мѣстомъ грѣха, искушеній. Это онъ оныянилъ сладостью страсти и порока Пятиградіе, переполнившее чашу терпѣнія Предвѣчнаго. Это онъ внушилъ дочерямъ Лота жажду кровосмѣшенія, дабы отъ родного отца зачала старшая изъ нихъ Моава. „Дождемъ пролилъ Господь огонь и сѣру, ниспровергъ города сіи и всю окрестность ихъ, и всѣхъ жителей, и всѣ произрастанія земли“. Но легендой патріарховъ стали дни гнѣва, и снова зацвѣлъ „садъ Предвѣчнаго“, снова возродился столь прекраснымъ, что заповѣданъ былъ любимѣйшему изъ чадъ Божіихъ... Солнце встало надъ Моавомъ, затопило его блескомъ и уже налить долину. Какія-то большія металлически-сѣрыя мухи липнуть къ жаркимъ гривамъ лошадей, скорпіонъ шуршитъ, бѣжитъ укрыться въ легкой голубой тѣни подъ застывшей песчаной волной. Больно смотрѣть изъ-подъ плема на дорогу, но тянетъ взглянуть въ блескъ Моава, тянетъ найти ту вершину, съ которой показалъ Господь Моисею всю радость земли Обѣтованной. „Взойди на гору сію, на гору Нево, что въ землѣ Моавитской, противъ Іерихона, и посмотри на землю Ханаанскую, и умри на горѣ, на которую ты взойдешь, и приложишь къ народу твоему...“

Среди тропическихъ лѣсовъ и садовъ тонулъ въ эти дни Іерихонъ. Стѣны эти были неприступны. Но не даромъ символически повѣствуетъ Библія, что *блудница* дала пріютъ первымъ израильтянамъ, проникшимъ въ Іерихонъ. И страшнымъ заклятіемъ заклиалъ Навинъ Израиля, овладѣвъ страною и до тла уничтоживъ красу Іерихона: „Проклятъ передъ Господомъ тотъ, кто возставитъ и построитъ городъ сей Іери-

хонь!". Но развѣ не слѣды Навина — тѣ гилгалы, что разсѣяны въ долину Іерихонской, тѣ огромные диски изъ камня, первобытные кровавые жертвенники Ваала-Солнца, что благоговѣнно полагалъ въ круги самъ народъ израильскій?.. На тропическіе племена мы накидываемъ бедуинскіе платки. Лошади пошли шагомъ, неустанно мотая головами, отбиваясь отъ мухъ. Онѣ машутъ кистями и разноцвѣтными бусами, которыми украшаютъ здѣсь уздечки. Шеи ихъ стали мокры, темны и тонки. Въ легкой и все же душной тѣни платка дышишь какъ бы жаромъ раскаленнаго костра. Близокъ Іорданъ, — уже тянетъ запахомъ рѣчной воды, запахомъ горячаго ила... Теперь и отъ великой рѣки остался только узкій и мутный потокъ, отъ первобытно-густыхъ зарослей на берегахъ ея — кайма ивъ, камышей и кустарниковъ, опутанныхъ лианами.

Масара, то мѣсто Іордана, гдѣ отдыхаютъ пилигримы, преданія называютъ мѣстомъ крещенія Іисуса. „Въ тѣ дни пришелъ Іисусъ изъ Назарета Галилейскаго...“ Въ тѣ дни долина переживала третій и послѣдній расцвѣтъ. Тщетно было зачатіе Навина, — выросъ новый, второй Іерихонъ. И дьяволъ искушалъ прелестью Іерихона самого крестившагося Сына Божія. „Возведь его на высокую гору, дьяволъ показалъ Ему всѣ царства вселенной во мгновение времени. И сказалъ Ему: Тебѣ дамъ власть надъ всѣми сими царствами и славу ихъ, *ибо она предана мнѣ*“... Сѣропесчаный берегъ обрывистъ и крутъ. Густая желтоватая вода, крутясь, бѣжитъ подъ вѣтвями ивъ, подъ корнями, покрытыми наносною травой, иломъ. Лошади тянутся къ водѣ, вязнуть по колѣна и долго, жадно пьютъ. Мертвая тишина кругомъ и сквозная горячая тѣнь надъ головою. Мысли безпорядочны, смутны, но стремятся все къ одному — связать то простое, что передъ глазами, съ страшнымъ прошлымъ этой пустыни. Хочешь представить себѣ то, что доступно только Богу, — жизнь тѣхъ легендарныхъ ханаанскихъ городовъ, отъ которыхъ уцѣлѣли лишь названія. Думаешь о знойно-мглистомъ Моавѣ и опять слышишь слова Второзаконія: „И полуденную страну, и равнину долины Іерихона, городъ Пальмъ, до Сигора увидалъ Моисей... И умеръ тамъ, въ землѣ Моавитской, по слову Господню, и погребенъ въ землѣ Моавитской, и никто не знаетъ мѣста погребенія его даже до сего дня...“ Думаешь объ іерихонскихъ бальзамахъ Клеопатры, о термахъ Ирода и опять возвращаешься къ величайшей изъ всѣхъ легендъ земныхъ, къ искушенію Іисуса отъ дьявола... И теряешься въ образахъ временъ Рима, Византіи, Омаровъ... Великими крестовыми битвами во имя и славу Того, Кто

отвергъ здѣсь славу всѣхъ земныхъ царствъ, обрывается лѣтопись этой страны. За ними—вѣка молчанія, никому невѣдомыхъ и несчетныхъ подвиговъ отшельничества, погребенія себя заживо въ могильникахъ навѣки забвенной Іудеи. Въ молчаніи, вдали отъ жизни всего міра, множатся, какъ соты ось, крипты въ каменистыхъ обрывахъ Іудейскихъ и Аравійскихъ горъ: на прибрежныхъ скалахъ страшнаго Асфальтическаго моря и въ огненныхъ ущельяхъ созидаются дикія обители. Но ураганами проносятся набѣги отъ Дамаска, отъ Багдада, отъ Геджаса, и вотъ—пустѣютъ и крипты, переполненные костями избіенныхъ иноковъ, гложутъ разоренныя обители... И опять, опять воцаряется онъ, древній богъ пустыни!

Полдень проводимъ у самаго моря. Жутко звучить на его нагоми, ослѣпительно-бѣломъ побережьѣ это слово — полдень. При-іорданскіе камыши и кустарники не смѣютъ дойти сюда вмѣстѣ съ Іорданомъ: далеко вокругъ песчано-каменисто и покрыто солью, селитрой то мѣсто, гдѣ сливается рѣка съ маслянистой, жгуче-горькой и тускло-зеленоватою водою асфальтической. На коралловыя похожи тѣ, какъ бы окаменѣвшія вѣтви, что приносятъ сюда теченіе рѣки и что снова, уже мертвыми, выкидываетъ море. Въ мгlisto-знойной дали теряется оно на югѣ. Въ знойной голубой мглѣ тонутъ горные склоны. А за ними — заповѣдная страна, жизнь дикая, древне-аравійская, видѣнія дней Авраама, Агари, Измаила. Тамъ, въ капищѣ Эль-Лать, племя Тарикъ еще доннѣ поклоняется гилгалу Солнца — полубога, полудьявола.

1909 г.

Храмъ Солнца.

Такъ говорить Господь: сокрушу за-
творы Дамаска и истреблю жителей до-
лины Авенъ.

Кн. прор. Амоса.

I.

Рано утромъ покинулъ я Бейрутъ. Поѣздъ вышелъ изъ порта къ востоку, — Бейрутъ глядитъ на сѣверъ, — свернулъ, огибая городъ, на югъ, среди сплошныхъ садовъ и вилъ, — и черезъ часъ былъ уже подъ Хадеттомъ. За Хадеттомъ онъ перемѣнилъ темпъ на торопливый, горный: стуча, раскачиваясь, онъ сталъ извиваться — опять на востокъ — все выше и выше, по зубчатой линіи, по красноватымъ предгорьямъ. Изъ-за цвѣтущихъ садовъ, покрывающихъ ихъ, изъ-за гранатовъ, шелковицъ, кипарисовъ, розъ и глициній нѣсколько разъ мелькнуло туманно-синее море. Слушая разноязычный говоръ, гулъ колесъ и грохотъ энергично работающаго паровика, я вытянулъ въ окно, дохнулъ посвѣжѣвшимъ воздухомъ: въ необъятное пространство за нами все ниже и ниже падала далекая бейрутская долина, ставшая маленькой, плоской, кучки бѣлыхъ и оранжевыхъ точекъ — крыши, темно-зеленныя пятна садовъ, кирпичныя отмели бухты — и необозримая синь моря. Скоро все это скрылось — и снова развернулось еще шире... Все мельче, тѣснѣй становились точки, все игрушечнѣй — бухта, и все величавѣй, страшнѣй — море. Море росло, поднималось синей туманностью къ свѣтлому небу. А небо было несказанно огромно.

Подъ Джамхуромъ паровикъ сталъ на подъемъ въ котловинѣ, повернувшись къ Бейруту, — и за горами направо я вдругъ близко-близко увидалъ голую, серебряную съ чернью громаду Саннина. Пахло снѣгомъ, но сѣрая каменная стѣна

маленькой станціи вся была въ цвѣтущей, ярко-пунцовой герани. Потомъ паровикъ звонко, по-горному крикнулъ — и опять застучалъ короткимъ дыханіемъ въ кручу. И опять открылась головокружительная панорама съ далекимъ Бейрутомъ на днѣ. Зыбко зіяли глубокія ущелья съ одной стороны, торжественно возрастала Саннинъ съ другой... А за Арайей подъемъ, возвращаясь на западъ, пошелъ еще круче. Стало просторно и голо, прохладно и облачно. Дымомъ сползали облака по скатамъ. Миновавши Алэй, мы опять повернули къ востоку. Былъ тоннель. Налѣво открылась долина Хамана, за ней — горы въ сплошныхъ темно-зеленыхъ борахъ... За Софаромъ море скрылось, чтобы уже не показываться больше. Опять окунулись мы во тьму, дымъ и грохотъ, а когда выскочили, — о, какъ дико и вольно стало кругомъ! Изъ-за голыхъ вершинъ глянулъ Джебель-Кенэзэ, весь въ яркихъ серебряныхъ лентахъ. Онъ такъ четко сіялъ въ этой ясной, прохладной пустынѣ, что становилось легко и радостно при одномъ взглядѣ на него. Приближался переваль, паровикъ выбивался изъ силъ, одолевая послѣдній подъемъ. Изъ оконъ вагоновъ высывались фески, дымъ падалъ и стался по придорожнымъ скаламъ... Въ одиннадцать мы пришли на Бейдаръ, къ перевалу.

Было тихо, свѣжо. Пять тысячъ футовъ не Богъ вѣсть какая высота, но волновала мысль, что ты на Ливанѣ. А впереди — долина Солнца, долина Авенъ, Келесирія. Тронувшись, мы пошли съ головокружительной быстротой. Съ грохотомъ нырнулъ поѣздъ въ длинный-длинный и могильно-темный тоннель. А когда этотъ грохотъ оборвался, мы ослѣпли отъ свѣта и не сразу поняли, что это, какъ море, сілетъ впереди. Впереди же была — Келесирія!

Въ глубокой дали раскрылась она, ровная, пустая, котловиной среди горъ, смутно видныхъ въ солнечномъ туманѣ. Противъ лѣваго окна, надъ скатами, сіяла все та же голая громада въ бѣлыхъ лентахъ. На скатахъ лежалъ тающій снѣгъ. А дорога все падала, и все ближе становилась огромная изумрудная долина въ фіолетовыхъ пятнахъ пашень. И еще огромнѣе былъ далекій валъ горъ за нею. Вотъ сосѣдь трогаетъ меня сизою рукой за рукавъ и, блеснувъ зубами, говоритъ:

— Джебель-Шейхъ!

И, взглянувъ, я вдругъ вижу за долиной, въ солнечномъ туманѣ, величаво выдѣляющуюся изъ-за валовъ Антиливана куполообразную гору. Она вся въ полосахъ снѣга, идущихъ сверху внизъ, — какъ талесъ. Гермонъ, Великій Шейхъ!

Надъ нимъ, почти на немъ — купы свѣтлыхъ легкихъ облаковъ...

На Мерейатѣ стало совсѣмъ тепло. Лѣтній вѣтеръ, бѣлыя акации въ цвѣту... Но по горѣ налѣво все еще былъ снѣгъ — на изумительно-яркомъ полѣ синевы. За Мерейатомъ, послѣ очень крутого спуска, открылась Штора, большая и дикая на видъ арабская деревня съ плоскими глиняными кровлями. За Шторой, послѣ полудня, мы были уже въ долину. Пошли сады, въ нихъ — тополя, шелковицы. Сквозь сады замелькали синія и красныя одежды сирийцевъ, пахавшихъ на волахъ ржавую глину въ виноградникахъ... Близился Райякъ, гдѣ нужно было покинуть дамаскій путь и свернуть на сѣверъ.

Близились мѣста Эдема, Баальбекъ.

II.

Край баснословныхъ племенъ, родина Адама, святилище Солнца! Эта низменность, — въ ней около полтораста верстъ, — съ незапамятныхъ временъ называется Бека — страна, долина. Баальбекъ есть такимъ образомъ „долина Ваала - Солнца“. Слово Сирія — санскритское — значитъ опять-таки — солнце. Но мало того: эта долина, средоточіе солнечныхъ служеній, связана еще съ именемъ Рая, близость котораго къ Баальбеку была неоспорима въ древности.

Я глядѣлъ въ окна почти пустого вагона. Прохладный, сѣроватый день. Дорога отъ Райяка ровно и почти незамѣтно для глазъ идетъ на подъемъ, все къ сѣверу. Кругомъ — слегка волнистая пустыня, море тощихъ посѣвовъ, сквозитъ ржаво-красноватая почва, — именно та, изъ которой и былъ созданъ Адамъ! — и кое-гдѣ — дико цвѣтущіе кустарники. Въ открытое окно слѣва дуетъ свѣжій стеной вѣтеръ, за долиной видны холмы предгорій и безъ конца тянется горбатый валъ Ливана — дикихъ тоновъ, весь въ поперечныхъ бѣлыхъ лентахъ. И такая же гряда идетъ и справа — Антиливанъ. Я глядѣлъ — и вдругъ опять вспомнилъ талесъ, платъ, который накидываютъ на голову во время молитвы евреи, — слабое подобіе древнѣйшей кочевой одежды. Такъ вотъ откуда, подумалъ я, всѣ эти пѣгія хламиды, раскиданныя по Востоку, и даже полосатая черезполосица мраморовъ въ мечетяхъ! Все отсюда, изъ исполинскаго развала этихъ ни на что не похожихъ горъ.

Онѣ не кажутся высоки, — сама долина на четыре тысячи футовъ выше моря. Издалека не поражаютъ онѣ и очертаніями. Но даже Кавказъ ничто передъ этими синеватыми валами и пѣгими горбами, точно перенесенными съ другой, болѣе старой

планеты. Да съ другой планеты и всё памятники ихъ. Вонъ чуть сѣрѣетъ на Ливанѣ мѣстечко Керакъ съ высѣченной въ скалахъ стофудовой гробницей Ноя. Вонъ тамъ, на Антиливанѣ, есть селенье Неби-Шитъ, гдѣ чтутъ могилу Сива. А впереди — Баальбекъ, руины храма, превышающаго и древностью и размѣрами все сдѣланное рукою человека. Камни его возили на мастодонтахъ; въ святилищахъ его славились въ служеніе единому Солнцу служенія Арамеи и Египта, Ассиріи и Финикіи, Греціи и Рима. Баальбеку уступали не только всё физикійскіе, но даже египетскіе храмы. Тамъ лишь Солнца дробился: тамъ были боги, нисходившіе до людскихъ распрей, воплощавшіеся въ царяхъ и вождяхъ; адъсь былъ Богъ... А за Баальбекомъ, къ сѣверу, долина еще пустыниѣ. На ней смѣшались и слились со скалами предгорій камни несмѣтныхъ городовъ и храмовъ, самое имя которыхъ исчезло безслѣдно, навѣки. Земля тамъ — одна изъ самыхъ плодороднѣйшихъ въ мірѣ — запущена, одичала. И высится на ней Гермиль, памятникъ Рая, — каменный кубъ на помостѣ чернаго базальта, украшенный барельефными луками, стрѣлами и фигурами тигра, кабана и слона, — охоты тѣхъ дней, когда Ливанъ, утопавшій въ исполинскихъ кедровыхъ лѣсахъ и великомъ обиліи водъ, былъ еще подлиннымъ Раемъ...

Въ открытое окно дулъ сильный вѣтеръ. Съ сѣвера, изъ-за горъ, шла неохватная градовая туча, уже покрывшая и замутившая вершины туманомъ. И подумалъ: тамъ Кедръ... Слѣдуетъ ли, говорятъ нѣкоторые, искать на Ливанѣ отдѣльных мѣстъ, связанныхъ преданьемъ съ Эдемомъ? Не Эдемъ ли весь Ливанъ? Вѣдь, кромѣ Гермилы, есть и было еще нѣсколько селеній, носящихъ это имя: напримѣръ, древне-сирійское селеніе на Антиливанѣ, — Гедимъ; Эдемъ близъ Дамаска. Больше же всего соперничаетъ съ Эдемомъ Гермилы Эдемъ близъ Кедровъ, часахъ въ десяти отъ Баальбека, на сѣверо-западѣ. Взираются къ этому Эдему по ужасающимъ кручамъ Ливана, чтобы достигнуть подошвы высочайшихъ, вѣчно-снѣжныхъ вершинъ. И видны оттуда цѣлая страны — крики, долины, воды, лѣса и селенія, необозримая пустыня Келесирии, рѣки и царственные руины Баальбека на ней, мутная синева Антиливана на востокѣ, бездна Средиземнаго моря, сливающаяся съ горизонтомъ, на западѣ... И вотъ одно изъ этихъ-то селеній и есть Эдемъ, а нѣсколько хвойныхъ рощъ — остатки кедровъ ливанскихъ, тѣхъ, которые Библия называла заоблачными, тѣнь ихъ — тѣнью, покрывшей всё земныя царства, бальзамъ — божественнымъ, на тысячи лѣтъ сохраняющимъ трупы отъ тлѣнія, древесину — не боя-

щейся вѣчности... Теперь они гибнуть, вырождаются. Но одна изъ пяти рощъ, уцѣлѣвшихъ близъ Эдема, еще и донынѣ почитается священной...

Я смотрѣлъ въ окна... Что такое теперь Баальбекъ? Даже происхожденіе его никому неизвѣстно. Извѣстно только, что упоминается онъ въ египетскихъ и ассирійскихъ надписяхъ; что былъ онъ колоніей Рима, которому и принадлежитъ построение — въ честь боговъ солнечныхъ — двухъ всемірно-славныхъ баальбекскихъ храмовъ — Великаго и Малаго. Брала и разрушали его и арабы и монголы, а ихъ разрушеніямъ помогло нѣсколько страшныхъ землетрясеній, и вотъ, на мѣстѣ огромнаго города, остался бѣдный городокъ съ пятью тысячами разноплеменнаго сирійскаго люда и развалинами акрополя, въ которомъ отъ Великаго храма уцѣлѣло всего шесть колоннъ... Вдругъ вагонъ ярко озарился солнцемъ. И внезапно увидѣлъ я вдали нѣчто поражающее: густой зеленый оазисъ садовъ и тополей, тянувшихся среди долины и окружавшихъ желто-бѣлыя руины какой-то крѣпости, такой огромной, что сады казались подъ ней кустарниками, а высоко надъ ними — шесть какъ бы повисшихъ въ воздухѣ мраморныхъ колоссовъ.

Солнце изъ грозовыхъ тучъ озаряло ихъ и сады сильно и рѣзко. Темно-сизый фонъ неба еще болѣе усиливалъ яркость зелени и допотопныхъ стволовъ колоннады. И въ пролеты ея ветхозавѣтно глядѣлъ пѣгій горный талесъ. Бѣлымъ огнемъ горѣли широкія снѣжныя полосы этого талеса. И загорѣлись еще болѣе, когда мы приблизились къ Баальбеку. Но вдругъ померкли, воздухъ потемнѣлъ — и буря, докатившись съ Ливана, смерчемъ закрутила пыль надъ плоскокрышимъ городкомъ, бѣлѣвшимъ за руинами, тучей помчала ее надъ садами и сквозь колонны... Едва успѣлъ я вскочить въ холодный и пустой отель на каменистомъ холмѣ вблизи ихъ, какъ все смѣшалось въ лютomъ ливнѣ съ градомъ. Градь съ трескомъ сѣкъ помутившіяся окна, мириадами летѣлъ и прыгалъ по землѣ. Вааль изъ-за облачной высоты величаво кидалъ въ мрачно окликавшіяся горы гулъ и грохотъ, отъ которыхъ въ страхъ метались фіолетовыя молніи...

Но когда, черезъ часъ, вышелъ я на балконъ, золотымъ блескомъ ослѣпила меня дождевая вода на балконѣ. Буря пронеслась, и на землѣ воцарились безмятежный миръ и ясность, одинъ изъ тѣхъ вечеровъ, что такъ любятъ ласточки. Воздухъ былъ чистъ и тепелъ, талесы далекихъ куполообразныхъ вершинъ четки и близки, мокрые сады противъ балкона райскіе-свѣтлы, густы и зелены. А надъ садами и

надъ крѣпостными руннами, тонущими въ нихъ, стройно и державно возносились шесть желтоватыхъ колоссовъ Великаго храма. Съ балкона я глядѣлъ на предвечернее солнце, на Ливанъ, на сѣверо-западъ. На западъ, на полверсты, тянулись по долинѣ руины. Тополя и фруктовые деревья шли вдоль южной стѣны ихъ, подымавшейся надъ зеленою каменными зубьями, грубыми брешами. И мнѣ виденъ былъ весь акрополь, заключающій въ себѣ на восточномъ краю входъ, Пропилеи, на западномъ — Великій храмъ, а на срединѣ — Гексагонъ и Жертвенный дворъ. Малый храмъ построенъ отдѣльно, внѣ этой стѣны. Его циклопическій периптеръ сохранился на диво. Но здѣсь онъ терялся: все подавляли колонны Великаго храма. Раздѣленные далью пролетовъ, онѣ стояли фронтомъ къ югу. Верхъ одной изъ нихъ — крайней справа — былъ почти свободенъ отъ архитрава... Скоро она рухнетъ, — подумалъ я, — и рухнетъ ужасно! Въдѣ въ одномъ фундаментѣ акрополя аршинъ пятнадцать высоты, но колонны стоятъ не на немъ: для Великаго храма былъ воздвигнутъ еще другой фундаментъ, высотой почти равный первому. А въ самихъ колоннахъ росту аршинъ сорокъ! Нѣкогда перистиль храма, — окружавшая его колонада, — состояла изъ пятидесяти четырехъ такихъ колоннъ. Теперь ихъ только шесть, — третья часть южной части перистилия, удержавшаяся на единственной сохранившейся стѣнѣ второго фундамента. И какъ одиноки онѣ! Воздухъ долины становился голубымъ, валъ Ливана синимъ. Далеко на сѣверо-западъ начинали желтѣть ленты одного изъ высочайшихъ горбовъ, все яснѣе выдѣлявшихся на небѣ. Между небомъ и землей былъ несказанный просторъ... Но величіе этихъ колоннъ, одинокихъ „наслѣдниковъ дней героев“, было ни съ чѣмъ несравнимо.

III.

Солнце склонялось; въ мокрыхъ зеленыхъ садахъ, казавшихся еще свѣжѣе отъ шума горной мутно-зеленой рѣчки, въ садовой глуши вокругъ акрополя, была тѣнь. Маленькими казались тополя, стоявшіе вдоль стѣны его, вдоль фундамента... Привратникъ пропустилъ меня за желѣзную рѣшетку къ Пропилеямъ.

Нѣкогда къ нимъ, во всю ихъ длину, вела мраморная лѣстница; сарацины до послѣдней плиты разрушили ее, превращая акрополь въ крѣпость, и теперь поднимаются узенькой, новой. Нѣкогда и Пропилеи были стройнымъ, величавымъ зданіемъ. Двѣнадцать сіенитовыхъ колоннъ образовали фасъ. За ними былъ порталъ въ три пролета. По бокамъ стояли па-

вильоны-экзедры, воздвигнутые изъ огромныхъ камней со всей роскошью и силой древняго зодчества и ваянiя, съ двумя ярусами нишъ—для статуй боговъ. Теперь отъ колоннъ остались только пьедесталы, порталъ являетъ видъ проломовъ въ крѣпостной стѣнѣ, проходъ къ нему заваленъ каменными глыбами и разбитыми капителями, полуразрушенныя экзедры зiяютъ. Отъ южной мало-мальски уцѣлѣла только южная стѣна. Сѣверная раскрыта и почти лишена стѣны восточной. Высокій входъ ея—въ коринѣскихъ пилястрахъ, выщербленныхъ и выглаженныхъ временемъ. Сарацины превратили павильоны въ башни, увеличили высоту ихъ надстройками,—и дикiй камень надстроекъ рѣзко отдѣляется отъ древняго, похожаго на мраморъ... Тѣнь была въ этихъ раскрытыхъ развалинахъ. Глубоко и густо синѣло надъ ними вечернее небо. Зеленая верхушка тополя тянулась снизу, заглядывая въ брешь. И мертвая тишина стояла вокругъ.

За стѣной Пропилей—Гексагонъ, первый дворъ. Огромный шестиугольникъ его замкнуть шестиугольникомъ стѣнъ и сплошныхъ экзедръ, опять-таки почти до тла разрушенныхъ. Мраморный скользкiй шестиугольникъ въ три ступени идетъ вокругъ площади двора, на разстоянiи шаговъ двадцати отъ экзедръ. На немъ возвышалась шестиугольная колоннада, связанная съ экзедрами сводомъ. Въ тѣни этой галлерей толпились ожидавшiе входа во дворъ Жертвенный... Отъ колоннъ не осталось теперь ни единой. Пустой дворъ окружаютъ громады руинъ. Сарацины пробили въ нихъ бойницы, понадѣлали много грубыхъ амбразуръ. Землетрясенiя и осады почти ничего не оставили и отъ этой работы. Чувствуешь лишь дикость древней цитадели, слѣды свирѣлыхъ древнихъ битвъ и—тяжесть, величiе Рима.

А за Гексагономъ—дворъ Жертвенный, дворъ, повторяющiй первый, но лишь въ иной, квадратной формѣ и чуть не втрое превосходящiй его по размѣрамъ. Мало оставило время и отъ второго тройного портала,—проходовъ изъ Гексагона на Площадь Всесоженiя: вмѣсто портала зiяетъ теперь пустота среди остововъ крайнихъ экзедръ, что похожи на остовы какихъ-то допотопныхъ жилищъ, на сквозныя пещеры. И когда я, оглянувъ Гексагонъ, кинулъ взглядъ далѣе,—необозримый каменный хаосъ, хаосъ цѣлаго города, ниспровергнутаго землетрясенiемъ, открылся предо мною. Не на Гексагонъ и Пропилей, а вѣдь именно сюда, гдѣ послѣдовательно возрастали и размѣры и святость Храма Солнца, направлены были силы подземныя, ужасы осадъ и варварство самыхъ низкихъ варваровъ—византiйскихъ императоровъ. Но великое осталось

великимъ. Чуть не на полверсты тянулся среди этого хаоса отшлифованный мириадами ногъ, мѣстами зіяющій провалами, мѣстами заросшій колючками проходъ. Шесть колоссовъ, стоящихъ почти на самомъ концѣ его, на остаткахъ фундамента, глядѣли на югъ и сливались въ одинъ, занимая полъ-неба. Ихъ стволы, обожженные зноемъ и вѣтромъ, были красноваты. Горизонтъ за ними замыкался зубцами и проломами Стѣны Циклоновъ. Небо блѣднѣло, низко опустившееся солнце все слегка золотило... Я сѣлъ среди двора на камень.

Было тихо-тихо. Безъ конца лежали и стояли вокругъ меня обломки сіенитовыхъ туловищъ,—точно какія-то страшныя каменные существа. Позади и вправо широко раскрывали свои каменные утробы искаженные и разрушенныя экзедры; только двѣ-три изъ нихъ напоминали о прежнемъ великолѣпнѣ раковинообразныхъ нишъ, пилистровъ и горельефовъ. А налѣво громоздились камни, шли какіе-то рвы и провалы—и тяжело, и вмѣстѣ съ тѣмъ легко, стройно и громадно высился храмъ Малый, чудомъ сохранившій весь свой, какъ бы литой изъ желтоватаго мрамора, корпусъ и цѣлыхъ девять колоннъ какъ разъ на томъ флангѣ, который былъ виденъ мнѣ. Я глядѣлъ на нихъ и долго не могъ понять, что это такъ рѣзко отличаетъ ихъ отъ *тѣхъ* шести колоннъ. Малый храмъ, этотъ рѣдкій образецъ эллинской красоты и несокрушимой римской мощи, былъ немного менѣе Великаго. Нѣтъ при немъ ни Пропилей, ни Гексагона, ни двора всесоженія, но фундаментъ его почти равенъ тому, исчезнувшему фундаменту, на которомъ стояло святилище Солнца. Почти равны и перистилии ихъ... Въ чемъ же тогда дѣло? Только въ томъ, что колонны храма Солнца вверху не суживаются. Но какъ далеко уносить это въ глубину вѣковъ!

Можно представить себѣ красоту Малаго храма, Пропилей, Гексагона, двора Жертвеннаго—въ тѣ дни, когда только-что отлилось въ совершенныя формы и сочеталось въ Баальбекѣ „самое прекрасное на землѣ съ самымъ величественнымъ“. Этотъ хаотическій просторъ, нынѣ подобный страшнымъ картинамъ Исаи, лоснился тогда мозаичными настилками. Стѣны и экзедры, гдѣ помѣщалось болѣе трехсотъ нишъ для всѣхъ боговъ Олимпа, стройно замыкали его съ трехъ сторонъ, на четвертой, западной, шла лѣстница къ высоко вознесенному portalу Великаго храма. Квадратъ изъ огромныхъ сіенитовыхъ колоннъ—темно-розовыхъ, гладко шлифованныхъ египетскихъ монолитовъ—охватывалъ средину двора, и галереи между ними и экзедрами всегда были полны свѣта, тѣни, бѣлыхъ хитоновъ. Нельзя было найти мѣста, не блиставшаго

мраморомъ статуй, пилястрами, фронтонами и причудливой лѣпкой карнизовъ, капителей,—этихъ окаменѣвшихъ листьевъ, узоровъ, цвѣтовъ. Ярko млѣла синь неба надъ квадратомъ двора. Дымъ непрерывныхъ сожженій и языки прозрачно-золотого пламени поднимались съ гигантскаго жертвенника, съ раскаленной мѣдной настилки его—съ алтаря возлѣ мраморныхъ ступеней, тремя переходами поднимавшихся къ чудовищному периптеру Великаго святилища... Но легко сказать: чудовищному! Какъ представить себѣ его?

Та часть основного фундамента, на которой стоялъ фундаментъ святилища, равна только половинѣ двора Жертвеннаго. Но древніе не даромъ называли святилище „первобытнымъ“: дѣло было не въ ширинѣ и длинѣ, а въ высотѣ и размѣрахъ строительнаго камня. И уже одно то, что периптеръ святилища былъ вознесенъ еще и на другой громадный фундаментъ съ подземельями внутри, свидѣтельствуетъ о томъ, что самостоятельность Рима здѣсь кончается. Кѣмъ былъ сложенъ основной фундаментъ? Какими-то древне-арамейскими племенами—изъ самыхъ большихъ монолитовъ, „какіе когда-либо поднималъ человѣкъ“, и въ тѣ дни, когда легенды о титанахъ еще дышали жизнью. Неизвѣстно, кѣмъ построено и самое святилище Солнца: Римъ только реставрировалъ его. Но и реставрировалъ подъ несомнѣннымъ вліяніемъ преданій о великихъ капищахъ, о столпотвореніяхъ, объ уступчатыхъ зиккуратахъ, этихъ „башняхъ до небесъ“, и посвятилъ его Солнцу-Ваалу, сочетавшему здѣсь свое имя съ именемъ Юпитера. И святилищемъ Ваала, прежде всего Ваала и было и осталось святилище Великаго храма, уступами вознесенное къ небу и охваченное колоссами, имѣвшими и внизу и вверху одну толщину—какъ капище первобытное. А сказочнымъ монолитамъ, изъ которыхъ сложенъ основной фундаментъ, его подземелья и Стѣны Циклоповъ, Римъ могъ только благоговѣйно дивиться: тайна передвиженія и кладки этихъ монолитовъ, изъ которыхъ иные имѣютъ по тридцати аршинъ въ длину, даже для него была непостижима.

Солнце сѣло, и, какъ всегда на Востокѣ, стало на минуту особенно свѣтло. И въ этомъ странномъ свѣтѣ безъ солнца, въ пространствѣ, какъ бы лишенномъ воздуха, рѣзко обожженные красноватымъ загаромъ колонны вдругъ пріобрѣли ужасающую выпуклость, тяжесть и высоту. Я пробрался къ нимъ по глыбамъ камня, по оврагамъ и возвышенностямъ, по остаткамъ мраморныхъ ступеней и тысячеклѣтнему мусору, зашелъ подъ фундаментъ, на которомъ стоятъ колонны, и, закинувъ голову, глянулъ вверхъ... Дивно было сочетаніе

бездоннаго блѣдно-голубого неба и оранжево-красноватаго тона этихъ поднебесныхъ стволовъ! Но они уже меркли. Быстро надалѣ сумракъ. Спотыкаясь, я сбѣжалъ въ ровъ, въ уголъ, образованный Циклопическими стѣнами. Ихъ теперь двѣ: западная и сѣверная. Обѣ искажены вверху надстройками и проломами. Но искаженія только усугубляютъ ихъ допотопный видъ. Изъ темнаго оврага выбрался я по каменисто-мусорнымъ холмамъ, поднимающимся къ пролому въ углу стѣнъ, на свѣтъ заката и сталъ въ проломѣ. Подо мной былъ обрывъ, вдали—темное море долины, а за нимъ—валы Ливана и далекія, чуть краснѣющія въ сумракѣ ленты его горбовъ. Подо мной была стѣна, сложенная сынами Солнца—стѣна, камни которой останутся здѣсь недвижными до конца міра.

1909 г.

Геннисаретъ.

Въ Вилеесмѣ, въ подземномъ придѣлѣ храма Рождества, блещетъ среди мраморнаго пола, неровнаго отъ времени, большая серебряная звѣзда. И вокругъ нея—крупныя латинскія литеры, твердая и краткая надпись:

Hic de Virgine Maria Iesus Christus natus est.

Въ придѣлѣ, какъ и подобаетъ пещерѣ, бѣдно. Но огнями, серебромъ, самоцвѣтами переливаются надъ звѣздою неугасимыя лампы. Тамъ, наверху—жаркое и веселое солнечное утро, цестрота и крикъ восточнаго базара. Здѣсь — холодъ, сумракъ, благоговѣйное молчаніе. И кто бы ни вошелъ сюда, что бы ни вслѣдывать онъ,—затихая, сдерживая дыханіе, не сводя глазъ съ этой средневѣковой надписи, преклоняетъ онъ колѣни:

Hic de Virgine Maria Iesus Christus natus est.

Есть древніе пергаменты, называемые палимпсестами,—хартіи, писмена которыхъ полустерты или покрыты чѣмъ-либо, чтобы, на мѣстѣ ихъ, можно было начертать новыя. Въ Вилеесмѣ чувствуешь, прозрѣваешь то драгоценное, первое, что сохранилось на его священномъ палимпсестѣ. Въ царскія одѣянія одѣкли Рожденнаго здѣсь, царями, путево-дками. Звѣздѣю, повѣдали принести Ему, лежащему въ ясляхъ, вѣнцы свои, злато, ливанъ, смирну, и легендами, прекраснѣе которыхъ нѣтъ на землѣ, расцвѣтили сладчайшую изъ земныхъ поэмъ — поэмъ Его рожденія. На торжественныхъ церковныхъ языкахъ разсказана она. Но, когда благоговѣйно склоняешься надъ нею въ Вилеесмѣ, проступаетъ живая, трепетная красота подлиннаго, красота простыхъ, первыхъ писменъ.

Назаретъ—дѣтство Его. Тамъ, въ тишинѣ и безвѣстности, протекло оно, такое человѣческое, такое земное. Тамъ огорчали и радовали Его игры со сверстниками, тамъ ласковая

рука Матери чинила Его дѣтскую рубашечку, тамъ таинственно нисходила въ Его душу недѣтская мудрость, и ясное галилейское небо стражалось въ очахъ, задумчиво устремленныхъ въ синь зеленыхъ долинъ Эздрелона, на лиліи полевыхъ и птицы небесныя. Вѣтхіе пергаменты Назарета остались во всей своей древней простотѣ. Но скудны и чуть видны писмена, уцѣлѣвшія на нихъ! И великую грусть и нѣжность оставляетъ въ сердцѣ Назаретъ. Помню темныя весеннія сумерки, черныхъ козъ, бѣгущихъ по каменистымъ улочкамъ, тотъ первобытно-грубый каменный водоемъ, къ которому когда-то приходила Она, помню Ея жилище: маленькое, тѣсное, пещерное, полное вечерней тьмы, пустующее уже двѣ тысячи лѣтъ... Какъ полевой цвѣтокъ, мало кому вѣдомый, выросшій изъ случайно занесеннаго вѣтромъ сѣмени въ углу покинутого дома, расцвѣла и здѣсь легенда, можетъ-быть, самая прекрасная, самая трогательная: безъ огня, по бѣдности родителей, засыпалъ божественный Младенецъ; Мать сидѣла у Его постельки, тихо заговаривая, убаюкивая Его; а чтобы не было скучно и жутко Ему въ наступающей ночи, свѣтящіяся мушки по очереди прилетали радовать Его своимъ зеленымъ огонькомъ...

А страна Геннисаретская, гдѣ прошла вся молодость Его, все годы благовѣствованія, все тѣ дни, незабвенные до скончанія вѣка, для нихъ же и былъ Онъ въ мірѣ, — она и совсѣмъ не сохранила зримыхъ слѣдовъ Его. Но нѣтъ страны прелестнѣе, и нигдѣ такъ не чувствуется Онъ!

Какъ надъ всей Святой Землей, почіетъ и надъ нею великое запусѣніе. Многолюдные города и селенія, все многообразіе древней галилейской жизни, а среди этого многолюдства — Онъ, юный, неустанный, вдохновенный, окруженный Любимыми, — вотъ что оставляютъ въ воображеніи Евангелія, исторія. Но надо видѣть страну Геннисаретскую: теперь она, молчаливая, пустынная, дѣлитъ участь всей Палестины.

Въ ясный вечеръ, при заходящемъ солнцѣ, съ юга подошли мы къ Геннисарету по Іорданской долинкѣ; все дико, голо, просто вокругъ: и въ долинкѣ, и по каменистымъ предгоріямъ, обступившимъ ее, — меланхолическимъ, сѣро-коричневымъ, въ золотисто-рыжихъ пятнахъ по склонамъ, гдѣ отъ солнца выгорѣли травы. Тропинка вѣется среди желтаго, уже созрѣвшаго и подсохшаго ячменя. За нимъ — прибрежная деревушка, глиняная, безъ единого деревца, кажуцаяся необитаемой. Пройдя по сѣрымъ пескамъ, на которыхъ стоитъ она, увидали мы водную равнину прелестнаго зеленоватого

тона, теряющуюся среди горъ, въ дали, замкнутой неясной громадой пѣгаго Гермона. Вправо—бѣдный истокъ Іордана. И галилейски радуется глазъ розовыми цвѣтами дикаго олеандра низменность у мелкихъ водъ его...

Солнце было за горами. Свѣтъ его гаснетъ здѣсь быстро, а какъ только онъ гаснетъ, съ горъ срывается недолгій, но сильный вѣтеръ. И темнѣющее озеро уже шумѣло отъ крупной зыби. Четыре гребца нашихъ поспѣшили кинуть весла, вздернуть парусъ и привалиться къ бортамъ, затянувъ вполголоса что-то тоскливо-беззаботное. Вѣтеръ ударилъ въ парусъ, крѣпко накренилъ,—и мы понеслись въ сумракъ, на дальніе огоньки Тиверіады, разсыпанные подъ черной горою, стучая днищемъ по волнамъ, черпая воду, то и дѣло окатываясь съ ногъ до головы брызгами. Я крикнулъ, чтобы ослабили парусъ: эти полуголые, худые, загорѣлые галилеяне, въ своихъ войлочныхъ круглыхъ колпачкахъ, прикрывающихъ только макушку, крикнули что-то въ отвѣтъ, блестя зубами и бѣлками, и продолжали пѣсни... „Становилось темно, а Іисусъ не приходилъ къ нимъ. Дулъ сильный вѣтеръ, и море волновалось“... Да, да, это было здѣсь! Онъ дышалъ этимъ мягкимъ, сильнымъ, благовоннымъ вѣтромъ! — Черезъ часъ мы были уже въ Тиверіадѣ, маленькой, тѣсной и грязной, гдѣ лишь одинъ сносный пріютъ — старый латинскій монастырь на самомъ берегу.

Отъ Тиверіады кесарей ничего не осталось. Французъ-настоятель, пригласившій насъ передъ сномъ выйти на кровлю, съ которой далеко было видно успокоенное въ лунномъ свѣтѣ озеро, жаловался: они изнемогаютъ отъ скуки и тропическаго зноя въ этомъ навозномъ мѣстечкѣ; вокругъ нихъ—пустыня; отъ Магдалы осталось только названіе; отъ Капернаума—груды камней, гдѣ итальянцы-монахи ведутъ раскопки; въ Табхѣ пять человѣкъ братіи... „Это близъ Капернаума, на сѣверномъ берегу?“ — Да, да, — разсѣянно сказалъ настоятель, играя четками, мотая ногой въ лиловомъ чулкѣ, въ башмакѣ съ серебряной пряжкой, и глядя на туманныя предгорія Гадаринскія, за озеро. Луна сіяла — высоко-высоко. Все озеро было въ свѣтломъ, тончайшемъ пару. Знойно звенѣли внизу цикады—на пыльных кустарникахъ, на столѣтнихъ придорожныхъ кактусахъ. Тиверіада спала. И вся ея мертвая страна покоилась въ мертвой тишинѣ.

Мнѣ долго не давалъ уснуть козленокъ, жалобно плакавшій гдѣ-то по сосѣдству. Въ маленькое окошечко, пробитое въ каменной стѣнѣ почти подъ потолкомъ—какъ въ тюрьмѣ—бѣлѣло сквозь желѣзную рѣшетку дупное небо. Въ полутем-

ной жаркой кельѣ беззвучно плавали москиты. Блохи же Тиверіады упоминаются даже въ путеводителяхъ... Но я по-минутно говорилъ себѣ: я въ Тиверіадѣ! Эта ночь была одной изъ счастливѣйшихъ во всей моей жизни.

Раннимъ утромъ мы поплыли въ Капернаумъ. Озеро не-долго дышало утренней свѣжестью. Вотъ уже растянули бѣлый парусиновый навѣсъ надъ лодкой, — и онъ озаряетъ лица. Солнце все остѣпительнѣе и жарче. Озеро штильветъ. Желто-рыжіе верхи предгорій Гадаринскихъ дѣлаютъ водныя зеркала у береговъ золотыми. И въ золотѣ отражаются сѣро-лиловые склоны ихъ. Вода подъ лодкой, зеленая, прозрачная, какъ слеза, кажется бездонной. Гребцы, одинъ юноша, другой старикъ, совсѣмъ Петръ Апостолъ, работаютъ дружно и легко, и отъ поворачивающихся въ водѣ веселъ извиваются, уходя-тъ въ глубину какъ бы толстыя зеленыя змѣи съ серебря-ными блестящими брюхами. Потъ уже градомъ льетъ съ красныхъ лицъ гребцовъ. Они — рыбаки, въ лодкѣ лежатъ ихъ сѣти... „Проходя же близъ моря Галилейскаго, Онъ уви-дѣлъ двухъ братьевъ, Симона, называемаго Петромъ, и Ан-дрея, брата его, закидывающихъ сѣти въ море“... Развѣ не могъ призвать Онъ и этихъ? Они еще нѣсколько разъ налегаютъ на весла — и поднимаютъ ихъ: лодка, чуть журча, добѣгаетъ до берега. Мы выходимъ и оглядываемся. На берегу, среди колючихъ кустарниковъ и розовыхъ цвѣтовъ олеандра, — груды бѣлыхъ камней, колонны: это и есть развалины знаменитой синагоги Капернаума, куда столько разъ, въ такіе же знойные дни, входилъ Онъ, тѣснымъ народомъ, искавшимъ коснуться Его. Тишина, солнце, блескъ воды. Сухо, жарко, радостно. И вотъ Онъ, съ раскрытой головою, въ бѣлой одеждѣ, идетъ по берегу... Здѣсь, на этомъ благословенномъ озерѣ, все такъ просто, — такъ легко чувствовать близость Его! Симонъ и Петръ не удивились Его словамъ: „Они тотчасъ, оставивъ лодку и отца своего, послѣдовали за Нимъ“...

Табха между Капернаумомъ и Магдалой. Мы опять по-плыли мимо невысокихъ холмовъ въ тѣхъ же бурыхъ, выго-рѣвшихъ травахъ. Возлѣ Табхи единственное живое мѣсто этой пустыни: въ озеро впадаетъ источникъ, дающій о себѣ знать нѣсколькими эвкалиптами и посѣвами въ долинкѣ межъ холмами. Подъ эвкалиптами черный мальчикъ пасетъ десятокъ черныхъ вислоухихъ козъ съ колокольчиками на шеѣ. Это — стадо братія. А пріютъ ея — на холмѣ, рядомъ: нѣчто въ родѣ маленькой крѣпости, два-три зданія изъ ди-каго камня за высокими стѣнами. Настоятель здѣсь старикъ-нѣмецъ, чистота и порядокъ у него нѣмецкіе. Встрѣтилъ онъ

насъ, сожженныхъ зноемъ, сдержанно, но привѣтливо, комнаты далъ въ нижнемъ этажѣ, самыя прохладныя, выходящія на большую каменную террасу, въ садикъ по скату холма, усыпанный гравіемъ, испещренный легкой тѣнью свѣтлой, сквозной зелени перечныхъ деревьевъ, нѣжнѣйшихъ мимозъ, нѣжнѣйшихъ хвойныхъ породъ—серебристо-голубыхъ, легкихъ, какъ пухъ. Среди нихъ поднимались двѣ-три пальмы, чернѣли молоденькіе кипарисы, цвѣли розы, ворковали дикія горлинки, наслаждаясь солнечнымъ затишьемъ... И, оставшись одинъ на террасѣ, я взялъ съ каменнаго стола лежавшее на немъ Евангеліе, развернутое какъ разъ на тѣхъ страницахъ, что говорятъ о морѣ Галилейскомъ. Теперь оно было предо мною. Я, читая о немъ, видѣлъ и его, и свѣтлый, неизреченно-прекрасный Образъ, донинѣ не покинувшій его береговъ. Солнце было въ зенитѣ. Озеро, воздушно-зеленое, во всей тропической мягкости своей, тонуло, млѣло въ серебристомъ полуденномъ свѣтѣ, теряясь на югѣ...

Какъ сладокъ, какъ ласковъ здѣсь изрѣдка набѣгающій, теплый отъ дыханія затуманенныхъ зноемъ горъ, сильный южный вѣтеръ, какъ широко, все ступаясь и темнѣя, бѣжитъ передъ нимъ лиловая зыбь по зеркаламъ у береговъ, гдѣ свѣтитъ золото предгорій, какъ долго, какъ дремотно кланяются послѣ него кипарисы, вѣточки перечныхъ деревьевъ и кудри плакучихъ мимозъ въ золотомъ цвѣту, какъ сухо шелестятъ вайи пальмъ, напоминая о Египтѣ, сохранившемъ Его драгоценную жизнь въ младенчествѣ!

Капри.

9. XII. 1911 г.

Оглавленіе

IV тома.

стр.

Разсказы 1903—1910 г.

Сны	3
Золотое дно.	10
Счастье.	17
Сонъ Обломова-внука	23
Цифры	29
У истока дней	38
Астма	49
Старая пѣсня	77
Бѣдень бѣсъ	92

Храмъ Солнца.

Путевыя поэмы.

Тѣнь Птицы	100
Море боговъ	131
Зодіакальный свѣтъ	146
Иудея.	166
Пустыня дьявола.	191
Мертвое море.	201
Храмъ Солнца	206
Геннисаретъ.	216